
ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лов рыбы на реке Куре (Азербайджан).
Фото Н. Максимова.

На первой странице обложки: Перед экзаменом.
Фото Л. Зиверта и И. Наровлянского.
Выставка цветной художественной фотографии.

На последней странице обложки: **Б. В. Щербаков.** В УЩЕЛЬЕ ЖОЭКВАРА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 23 (1408) 6 июня 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

29 мая в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялась Юбилейная сессия Верховного Совета РСФСР, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией. На снимке: в зале заседаний сессии.

Фото Е. Умнова.

На трибуне Мавзолея 30 мая 1954 года во время демонстрации на Красной площади в Москве, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией. Слева направо: товарищи С. М. Буденный, Л. А. Говоров, В. Д. Соколовский, Н. Г. Кузнецов, Г. К. Жуков, Н. А. Булганин, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, О. И. Иващенко, А. И. Микоян, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, Н. В. Подгорный, А. И. Кириченко, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Т. Кальченко, А. М. Пузанов, Ян Дембовский, Д. С. Коротченко, И. Д. Назаренко, М. П. Тарасов, И. Ф. Тевосян, А. Н. Косыгин, С. А. Ковпак.

Фото А. Гостева и Е. Умнова.

ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии председатель колхоза «12-й Октябрь», Костромской области, П. А. Малинина (справа) беседует с членами украинской делегации Героем Социалистического Труда, звеньевой колхоза имени Шевченко, Киевской области, Е. С. Хобта (слева) и дважды Героем Социалистического Труда звеньевой колхоза имени Молотова, Киевской области, С. Д. Виштак.

Парад на Красной площади. Над площадью проносятся самолеты.

Зарубежные гости приветствуют участников демонстрации.

Дети, преподносившие букеты цветов руководителям партии и правительства.

В колонне демонстрации.

Танцы на улицах Москвы.

Фото А. Бочинина, А. Гостева, Я. Рюмкина, Е. Тиханова и Е. Умнова.

Детское гулянье в Московском зоопарке.

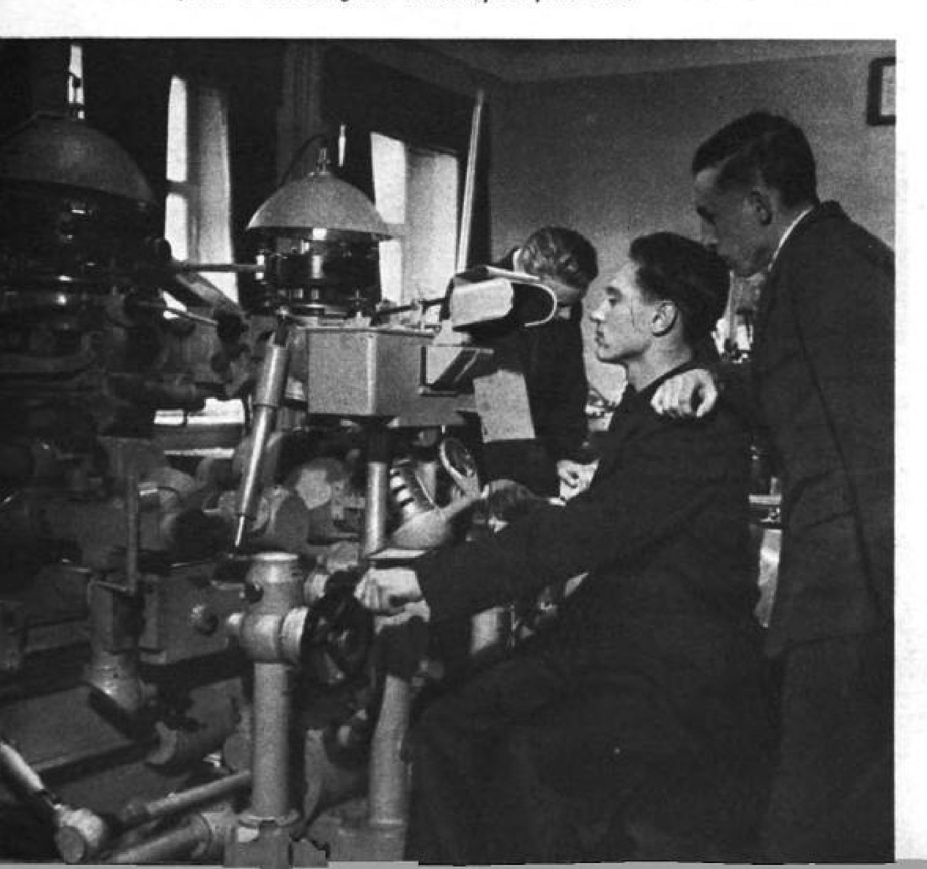

ВЫБОР СДЕЛАН!

Близятся к концу экзамены в десятых классах. Только в Российской Федерации около пятисот тысяч юношей и девушек получат аттестаты зрелости. Многие из выпускников уже решили, кем быть. Одни пойдут в университеты, институты, другие станут высококвалифицированными рабочими на заводах и фабриках, третьи будут трудиться в сельском хозяйстве.

Чтобы правильно выбрать профессию, школьники встречались с учеными, студентами, побывали в «дни открытых дверей» в институтах и на предприятиях.

←

Более двух тысяч десятиклассников пришли в Политехнический музей на встречу с представителями пятидесяти пяти московских вузов. О выборе профессии школьники советовались с преподавателями и студентами. Инженеры-экскурсоводы подробно рассказывали о работе промышленных предприятий, демонстрировали модели заводов, станков, машин.

Группа выпускников задержалась перед действующей моделью доменной печи: их привлекает профессия металлурга.

Тысячи десятиклассников придут после окончания школы на фабрики и заводы, станут за станки и у машин. Среднее образование открывает перед ними широкие перспективы — можно с успехом овладеть любой профессией.

Десятиклассницы 149-й школы захотели познакомиться с работой на Втором московском часовом заводе. Они с интересом наблюдали, как на пульсирующем конвейере рождаются карманные часы «Молния». Начальник сборочного цеха Федор Николаевич Целов рассказал гостям о производстве сложных, высокоточных механизмов.

Многие выпускники Чулковской средней школы Раменского района, Московской области, обязательно будут работать в сельском хозяйстве. Вот уже несколько лет в колхозе имени Тельмана они шефствуют над фруктовым садом и фермой молодняка.

Будущие агрономы и животноводы Михаил Суздалев, Фаина Шигарова, Людмила Жарчева, Нина Андрианова и Михаил Перовский — свои люди в колхозе: сотни трудодней заработали они прошлым летом.

— Две бывшие ученицы нашей школы, Маркачева и Ананьева, уже стали Героями Социалистического Труда, теперь очередь за нами,— шутят ребята.

←

С нетерпением ждали Юрий Тихомиров и Александр Козлов «дня открытых дверей» в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Здесь они бывали и раньше: слушали лекции по математике, которые читали специально для школьников. Но сегодня можно войти в любую лабораторию или кабинет и даже сесть за стереопланиграф. С помощью этого замечательного отечественного прибора по аэрофотоснимкам земной поверхности вычерчиваются географические карты.

...Итак, выбор сделан. Десять лет просидели за партами юноши и девушки, чьи дороги теперь должны разойтись. Им немного грустно, но они довольны: начинается самостоятельная жизнь.

В. МАТВЕЕВ

Фото А. Новикова.

СПОР О КУКУРУЗЕ

Я. ФОМЕНКО

Фото М. Савина.

Очень многим известен этот адрес: Днепропетровская область, Лиховский район, село Мишурин Рог...

Мы спешили попасть туда засветло и с нетерпением ждали, когда появится знаменитое село.

Справа поблескивала вода. Это Днепр манил своей близостью. Появится на миг и скроется за курганом.

Наконец дорога взвилась на косогор. Днепр стал виден во всю ширь, будто застывший в раздумье.

Постепенно понижаясь, отлогие холмы склоняются к реке. Точно соглядатаи из подземного царства, смотрят в днепровскую воду каменные глыбы — «скели». Ночью они принимают причудливые очертания. Начнешь вглядываться сквозь темень — и перед тобой возникают развалины древнего детинца. Встречаются «скели» и в степи. Бывает, что вслед за мягкой, как пуховая перина, пашней нога вдруг почует гладкую каменную твердь.

На одной из таких «скель» природа-художница выдолбила углубления, похожие на следы гигантской человеческой ступни. Людская фантазия дорисовала начатое природой и создала миф о хлебопашце-исполине. Следы его шагов остались даже на граните. Где прошел он с плугом, легли глубокие борозды-балки. Захотел богатырь запрудить Днепр, но не окончил работу и оставил на берегу принесенные с Карпат утесы. Место это зовется Каменным Затоном.

Со старинной легендой о богатыре-хлебопашце слилась быль о славном гетмане Богдане. Говорят, накануне знаменитой битвы при Желтых Водах близ Каменного Затона Богдан Хмельницкий перенял реестровых казаков и повернул их против панов.

У Каменного Затона раскинулось село Мишурин Рог. Его улицы бегут километров пятнадцать до границ Днепропетровщины. Жители верховых околиц в шутку говорят, что их петухи будят сразу три области: Днепропетровскую, Полтавскую и Кировоградскую.

Ехавший с нами агроном сказал:

— Во-он... Видите ставок? Железную крышу видите? То его хата...

Хозяина не оказалось дома. Не было его ни в сельсовете, ни в правлении колхоза, ни в чайной, куда мы на всякий случай завернули.

Наконец мы встретили того, кого искали. А искали мы Марка Евстафьевича Озерного, прославленного мастера высоких урожаев кукурузы из колхоза «Червоный партизан», Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии.

Мы шли улицами Мишурина Рога и говорили о вещах, не относящихся к цели приезда: о поздней весне, о московских новостях, а потом как бы невзначай Марк Евстафьевич спросил, что нас интересует. На ходу мы сообщили о статье академика Н. В. Цицина в одном журнале. Там было написано, что достижения Марка Озерного оказались забытыми. Опыт выдающегося мастера высоких урожаев кукурузы в последние годы не внедряется не только в других колхозах, но и в том самом колхозе «Червоный партизан», где работает Озерный.

Немного помолчав, Марк Евстафьевич отрезал:

— Жаловаться не люблю и не буду. Смотрите сами, разбирайтесь...

И зашагал впереди нас по-хозяйски широко, твердо отпечатывая след на волглой земле.

* * *

Ранним утром мы стояли на пологом склоне большого бугра. Было тепло. Марк Евстафьевич сменил кожушок на пиджак.

Внизу пылал костер. Молочно-голубой дым расползался по низине. Звено Озерного сжигало пожнивные остатки. На противоположном склоне, точно лягушки, задравшие к небу тупые морды, торчали округлые камни.

— Вот это и есть Жабья балка,— сказал Марк Евстафьевич.— Километров на семьдесят тянется...

Мы привыкли говорить о романтике морских плаваний и путешествий по пустыням, восхождений на горные пики и покорения воздушных пространств. Но вот мы стоим у края балки, и воображение подставляет вместо однотонно-серых красок ранней весны яркие картины плодородия. Трехметровой высоты стены кукурузных посадок... Янтарь завернутых в туго накрахмаленные рубашки початков... Гордые лица людей, вырвавших у природы несметное богатство.

Что же заставляет так усиленно работать наше воображение?

Дело в том, что мы уже знали историю Жабьей балки, и эта история нас захватила как повесть о дерзании, о рискованных экспериментах и поисках нового в искусстве выращивания кукурузы.

Начинается эта история с того года, когда по стране разнеслась слава о подвиге украинских свекловичниц. Руководитель молодого колхоза в Мишурином Роге и вожак местных коммунистов бывший моряк Антон Хейлик призадумался тогда: «А как же мы? Неужели нет у нас людей, способных на подвиг?»

Такие люди нашлись. Появилось звено Марка Озерного.

В часы, когда кругом все спало и над Мишуриным Рогом, над Каменным Затоном и Жабьей балкой тревожно мерцали звезды, бывалый моряк Антон Хейлик и опытный хлебороб Марк Озерный высчитывали расстояние между стеблями кукурузы, число растений на гектаре посева, средний вес початков и ожидаемый урожай.

Долго колебались Хейлик и Озерный перед тем, как решить вопрос об участке для звена. Жабья балка тогда полностью оправдывала свое название. Густые заросли вербы чередовались в ней с топкими плешинами. Узким клином кусок запущенной земли врезался в распаханные просторы приднепровской возвышенности. Сколько усилий надо вложить, чтобы дикое урочище превратить в плацдарм для битвы за новую, колхозную культуру земледелия! А что, если духу не хватит? А что, если усилия не оправдаются? Не может быть! Там жирный наносный ил, влага. Пойдет ли дождик — ручейки потекут в балку. Упадет ли снежок — ветер сгребет его с бугров и уложит в низине.

В 1936 году о Жабьей балке заговорили во всей округе. И как не заговорить! Прежде божьим даром считался урожай кукурузы в сто пудов с гектара, а тут на раскорчеванной земле люди взяли больше шестисот.

По старому опыту местные хлеборобы знали: дай свинье четыре пуда кукурузного зерна — она даст около пуда сала. Выходило, что на каждом гектаре участка Марка Озерного «выросло» по полтораста пудов сала.

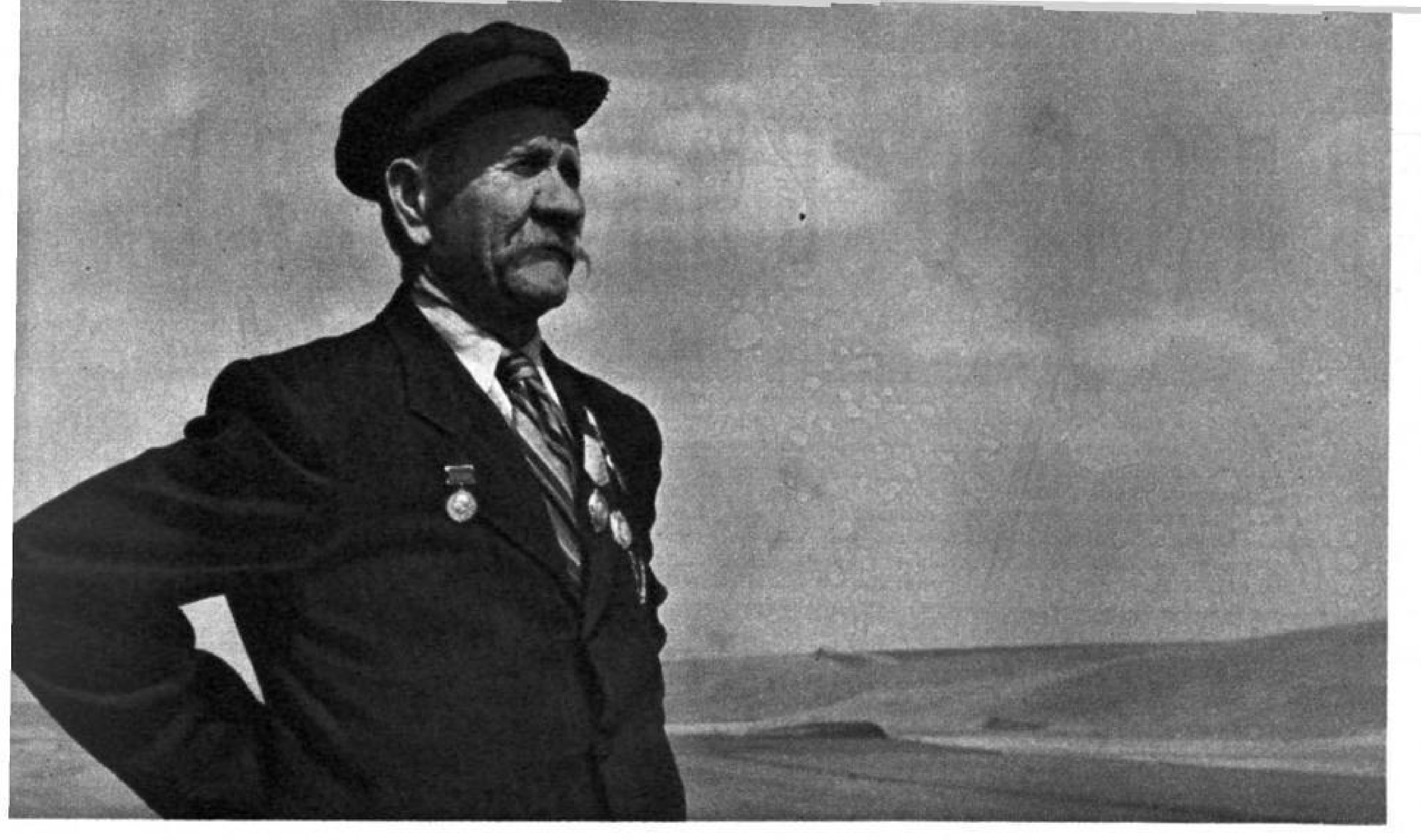
Маловеры, державшиеся прадедовской «агротехники», считавшие себя потомками сказочного богатыря-хлебопашца, заявили: «Не может того быть!» Поползли слухи, сплетни, обвинение в подтасовке цифр.

Нужно было ответить новым урожаем. В следующем году в Мишурином Роге возникла небывалая по числу участников «проверочная комиссия». Она состояла из семидесяти человек. В том году уборка на участке звена Марка Озерного прошла в небывало короткие сроки. Многолюдная «комиссия» сама ломала початки и взвешивала урожай. Шестьсот семьдесят пять пудов кукурузы с гектара! Сто шестьдесят пудов сала!

Слишком длинна история споров о Жабьей балке, чтобы рассказывать ее от начала до конца. Многое, что прежде вызывало жаркие дискуссии, потеряло смысл. Все же споры не прекратились. Они ведутся и поныне. Несмотря на всеобщее, казалось бы, признание, имя Озерного продолжает вызывать толки и пересуды. Взращенная им кукуруза «партизанка» завоевала уважение колхозов Прибалтики, Белоруссии, Подмосковья. Совхоз «Горки II» собирает на силос по 800 центнеров зеленой массы с каждого гектара, засеянного «партизанкой». Юннаты Городищенской школы

В колхозе «Червоный партизан» начался сев кукурузы.

Марк Евстафьевич пристально следил за трактором.

на Волыни просят Марка Евстафьевича прислать семян для школьной делянки, чтобы убедить своих «батькив» в могуществе новой агротехники, а некоторые «ученые мужи» продолжают смотреть на опыты колхозного звеньевого как на стариковские забавы.

Практик-колхозник Марк Озерный на семинарах обучает возделыванию кукурузы молодых звеньевых Сумской, Кировоградской, Николаевской и других областей, а научным работникам и агрономам из Днепропетровска недосуг заглянуть на эти семинары.

Стыдно сказать, но Озерного «обвиняли» в том, что он набрал в свое звено молодежь. Недоброжелатели шипели: «Молодыми руками многое можно сделать, вплоть до чуда». Дескать, дайте нам такое звено, и мы будем Озерными.

Распалясь, Марк Евстафьевич отдал молодежь в другие звенья, а в свое набрал пожилых женщин. Самые высокие урожаи добыты руками этих женщин, уверовавших в одну всемогущую силу — труд.

Есть у Марка Евстафьевича любимая поговорка: «Щоб було дило, треба засукаты рукава». Он часто ее повторял в те дни, когда звено раскорчевывало Жабью балку, и потом всегда строго держался сформулированного им правила. Трудно было? Трудно.

Кажется, не так сложно отобрать семена для посева. Смотря как отбирать. Если хочешь, «щоб було дило», отбирай початки на корню. Не со всякого растения, а со стеблей самых лучших, самых жизнестойких, самых красивых. И само зерно бери не со всего початка, а только со средины, так как у основания початка и на его вершине зерно деформировано.

Если хочешь вырастить настоящий урожай, подумай: когда, на какую глубину, на каком расстоянии друг от друга заделать зерна? Возьми градусник, измерь температуру почвы на глубине в восемь — десять сантиметров. Поднимется ртутный столбик до десяти — двенадцати градусов — бросай зерно и жди дружных всходов.

Появились стебельки. Дай им возможность полностью развернуть таящуюся в них энергию жизни. И тут начинается серия продуманных мер: неоднократная прополка, искусственное опыление, пасынкование, собирание и уничтожение пузырчатой головни. Много, очень много надо сделать, чтобы каждое из тридцати пяти тысяч растений, размещенных на гектаре, а гектаров не один, а семнадцать — восемнадцать,— чтобы каждое из них дало возможно больше. Говорят же об «индивидуальном подходе» к людям. Почему не придерживаться его в заботе о растениях?

Как ни странно, но получилось что в других колхозах начинания Озерного нашли большее распространение, нежели в «Червоном партизане».

Возмущения достоин тот факт, что руководители области и Лиховского района слишком долго терпели на посту председателя колхоза Мокиенко, едва не развалившего звено Озерного и нанесшего большой вред артели.

Маленькая табличка за подписью бухгалтера вскрывает печальную картину. Начиная с 1951 года площадь под кукурузой в «Червоном партизане» катастрофически снижалась. В то время как звено Марка Озерного в самых неблагоприятных погодных условиях продолжало собирать от шестидесяти до полутораста центнеров с гектара, на участках других звеньев сбор кукурузы еле превышал десять центнеров. В минувшем году средний урожай на площади в сто восемьдесят гектаров составил по колхозу четырнадцать центнеров с десятыми. А если изъять из этой средней то, что собрано звеном Озерного, цифра окажется позорно малой.

Все это — прошлое, но оно имеет свои последствия. С приходом нового председателя, Алексея Алексеевича Кошика, споры в колхозе «Червоный партизан» притухли, но идут за его пределами.

Пусть простит читатель, если мы продолжим разговор о Жабьей балке в форме спора двух сторон и дадим слово тем, кто боязнь нового и собственное творческое бессилие прикрывает мнимой ученостью и показной прогрессивностью взглядов.

Итак, слово имеет Иван Петрович, человек с солидным стажем бюрократа.

— От всей души приветствуя начинания Марка Евстафьевича Озерного, я осмелюсь сделать некоторые замечания. Первое: известно, что звено Марка Евстафьевича до сих пор пользуется ручными сажалками. К лицу ли новатору игнорировать высокую технику, которой мы располагаем? Стоит ли ему отказываться от посева тракторной сеялкой с мерной проволокой? Ответ, по-моему, напрашивается сам собой.

Второе: почему бы Марку Евстафьевичу не покинуть Жабью балку и не показать свое мастерство в иных условиях? Не секрет, что почвенные факторы там своеобразны, исключительно благоприятны для кукурузы, чего нельзя сказать о других участках. Не пора ли селекционеру-практику, деятельность которого равна труду ученого, выйти на более широкие просторы? И на этот вопрос ответ напрашивается сам собой. Пора! Давно пора!

Третье: не преуменьшает ли опытник свои возможности, занимаясь только кукурузой? Почему он ей отдает такое предпочтение в сравнении с другими культурами? Не свидетельствует ли это о замкнутости сферы приложения его усилий? И тут ответ напрашивается сам собою...

Что могли бы ответить на это люди из звена Марка Озерного? Что мог бы сказать, например, Александр Григорьевич Рябчий, соратник Озерного и его ближайший помощник?

— Не знаю,— так начал бы он свою речь,— бывал ли только что сошедший с трибуны оратор у нас в Жабьей балке. Если не бывал, мы его простим. Мало ли что можно сказать, когда имеешь дело только с бумажками в канцелярии! Если бывал и после этого говорит такое,— не можем простить.

Хорошая вещь — сеялка с мерной проволокой. Хорошая для ровного поля. А у нас капризный рельеф. Одно слово, балка. Пока на таком рельефе сеялка не дает правильного квадрата. А мы сажаем кукурузу квадратно-гнездовым способом еще с 1949 года. Чего же хочет уважаемый оратор? Чтоб мы поломали квадрат? Мы пока сажаем кукурузу ручными сажалками, зато облегчаем послепосевную обработку, машинами ведем перекрестную культивацию. Выигрываем? Выигрываем. Правильность квадрата — великое дело. Думаем, скоро появится сеялка для любого рельефа. Тогда мы совсем будем на коне.

Оратор предлагает нам выйти на более широкие просторы. Почему? Потому, что Жабья балка слишком хороша для кукурузы. А мы, грешным делом, полагаем, что всякую культуру надо сеять там, где она лучше родит.

Не нравится оратору, что мы очень любим кукурузу. А, по-нашему, она заслуживает этого. Он недоволен, что мы решаем «узкую» задачу. А мы так полагаем: кто упрекнет разведчиков за то, что они не берут на свои плечи задачу всей армии? Пусть разведчики выполняют как следует свою «узкую» задачу. Всей армии от этого большая польза. Мы и есть разведчики.

Не из бахвальства мы говорим про свои дела. Обидно, что не все звенья берут такие урожаи, как наши. Душа болит, когда слушаешь вот таких говорунов. Берись, Озерный, за просо да за тыкву! Довольно тебе миловаться с кукурузой! Так и хочется сказать: сделайте хоть половину того, что сделал Озерный, и вам скажут спасибо. Добейтесь, чтоб все звенья получали в урожайные годы столько кукурузы, сколько Озерный собрал в неурожайный прошлый год!

Много таких звеньев? Мало. Отчего? Оттого, что и у нас в районе, и в областном управлении, и в Киеве, в министерстве, не перевелись еще вот такие мудрецы. Красно говорят, да не в ту точку бьют. А вот Алексей Романович Щербина, председатель колхоза имени Чкалова, Ново-Московского района, Днепропетровской области, говорит не так красно, а урожай берет в сорок, а то, бывает, и в восемьдесят центнеров. Учтите: в среднем со всей площади в сотни гектаров, на обычной, как и в других колхозах, земле. Вот это дело! Пока в нашем колхозе спорили, пока ораторы турусы на колесах разводили с многолетними травами, Щербина перенял опыт Озерного. Вот бы всем так!

Прикиньте, что получилось бы, если бы все председатели поступили так, как Щербина? Может, вы не знаете, сколько кукурузы сеют украинские колхозы? Скажем. Два с половиной миллиона гектаров. А ну-ка помножим! Да так, чтоб не «ноль в уме», а что-нибудь путное получилось! Сколько корма для скота, крупы, муки, крахмала, спирта, глицерина, олифы, консервов, патоки и прочего добра государство получило бы от одной Украины, если бы вкруговую не пятнадцать — двадцать центнеров кукурузы собирали с гектара, а тридцать, еще лучше — сорок?

Немалый грех был у нас. Рекордами увлеклись, а ширить дело на весь клин — вопрос, мол, второстепенный. Не по-хозяйски поступали, что и говорить! Со всего кукурузного клина, всеукраинского и всесоюзного, нужно брать высокие урожаи. Вот в какую точку надо бить!

III СЪЕЗД ВЕНГЕРСКОЙ ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ

Товарищи Матиас Ракоши, Имре Надь и К. Е. Ворошилов в президиуме съезда.

Руководитель делегации КПСС на III съезде Венгерской партии трудящихся товарищ К. Е. Ворошилов.

Участники съезда (слева направо): крестьянин-единоличник Янош Эрдеш и горняк Михай Бачо.

В зале заседания III съезда Венгерской партии трудящихся.

Группа немецких рабочих приветствует участников сессии Всемирного Совета Мира — представителей Индии.

Академик А. И. Опарин, композитор Д. Д. Шостакович и немецкая писательница Анна Зегерс на аэродроме Шенфельд.

ГОЛОС МИРА

М. САГАТЕЛЯН

Демократический Берлин выглядел празднично в дни Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира. На высоких мачтах флаги с знакомой всем белой голубкой. Голубку можно было встретить и в витринах магазинов, на ветровых стеклах автомобилей, на лацканах пиджаков прохожих...

В Берлине стояла все эти дни чудесная погода. Витрины цветочных магазинов и киосков пестрели яркими тюльпанами и другими цветами наступающего лета.

В свободное от заседаний время на улицах вперемежку с быстрым, слегка картавящим берлинским говором слышатся живые певучие возгласы французов и итальянцев, размеренные фразы англичан, гортанная речь арабов и индийцев.

На сессию Всемирного Совета Мира приехали в Берлин люди самых различных политических взглядов и религиозных убеждений. Католики и протестанты, православные и мусульмане, члены левых и правых партий, социалисты и радикалы, консерваторы и коммунисты — все они прибыли сюда с одной высокой и благородной целью: отвести угрозу новой опустошительной войны, упрочить мир.

В фойе оживление, встречаются ветераны движения сторонников мира и люди, ставшие его участниками совсем недавно. Тесным кольцом людей окружены делегации народного Китая, Демократической Республики Вьетнам, Японии, Индонезии. Китайцев, вьетнамцев, корейцев горячо приветствуют, крепко жмут им руки, расспрашивают.

...Когда польский ученый-физик Леопольд Инфельд нарисовал картину последствий взрыва водородной бомбы, зал притих. Прекратили хождение взад и вперед работники

Вице-председатель Всемирного Совета Мира Го Мо-жо открывает сессию.

секретариата, журналисты, на время оставили свои аппараты фотографы. Даже корреспонденты американских газет, регулярно посещавшие все заседания сессии и садившиеся в первый ряд, вынуждены были согнать с лица рассеянно-пренебрежительное выражение.

И когда профессор Инфельд потребовал как можно скорее наложить запрет на водородное, атомное и другие виды оружия массового уничтожения людей, в зале словно могучим ветром подняло всех, и лавиной обрушилась овация, поддерживая призыв выдающегося ученого.

«Нужно во что бы то ни стало добиться этого запрещения,— сказал, обращаясь ко мне, японский делегат Еичи Фукусима.— С этим у нас в Японии согласны все. Даже в парламенте все фракции согласились на это...»

В Берлине встретились посланцы сторонников мира 57 стран. Все они пришли к единодушному выводу: атомная и водородная бомбы должны быть запрещены, коллективная безопасность наций — обеспечена. С этим призывом они обратились ко всем людям земли.

НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ

Эдмунд ОСМАНЧИК

Среди многообразных впечатлений, достающихся в течение недели на долю журналиста в Женеве, в памяти удерживаются одно — два наиболее характерных и типичных.

Лисынмановский «министр» Бьон Йон Тэ созвал пресс-конференцию. Созвал по команде американской делегации с единственной целью: заявить, что он «не согласен». На конференцию едва собралось десятка два журналистов. Пошел из любопытства и я. «Министр», человечек маленького роста, невзрачного вида, с тонкими усиками, подстриженными на манер японских самураев, встретил нас приветствием на каком-то смешанном японо-американском жаргоне. И тут же, не дав нам опомниться, он развязно заявил: «Мое правительство не собирается мириться с коммунистами!» Разумеется, посыпались вопросы, чаще всего каверзные, но лисынмановец, как заведенный, на все отвечал: «Нет!» Положение становилось комичным. Корреспондент американского агентства Ассошиэйтед пресс (присутствовавший, видимо, в качестве некоего негласного «инструктора») решил, что пора кончать, и громким голосом заявил:

— Мистер Бьон, конференция закончена. Благодарю вас!

Лисынмановец поспешно встал и, как попугай, повторил: «Наша пресс-конференция окончена. Благодарю вас!»

Едва ли требуется комментировать это забавное и малопривлекательное событие...

...Совершенно другая атмосфера царила на встрече журналистов с французским Комитетом по мирному разрешению индо-китайской проблемы — общественной организацией, в которой представлены почти все партии и политические группировки Франции.

Профессор философии Марсель Нэр — один из организаторов этого Комитета, существующего с 1952 года. Много лет он читал лекции в Сайгонском университете и сейчас гордится тем, что в числе его учеников был выдающийся деятель национально-освободительного движения вьетнамского народа генерал Во Нгуэн Зиап. Когда почтенный седовласый профессор появился перед журналистами, они устроили ему теплую встречу. Марсель Нэр сообщил, что делегация Комитета, как и другие делегации, непрерывно прибывающие из Франции, была принята представителями Советского Союза, народного Китая, демократического Вьетнама. Интересно отметить, что делегация Комитета была 123-й по счету из числа прибывших из Франции в течение последних десяти дней. Но она была первой делегацией французских граждан, которую соблаговолили принять американцы и французы. Со всеми остальными разговаривали по-иному: петиции французской общественности, решительно требующей прекращения огня и восстановления мира во Вьетнаме, принимали от приехавших... прямо на улице! Входы же в соответствующие резиденции были заблокированы охраной из солдат и полицейских. Мне пришлось услышать по этому поводу немало горьких слов от вдов и дочерей погибших во Вьетнаме французских солдат. Если двери резиденции французской делегации вдруг распахнулись перед делегацией, возглавляемой профессором Марселем Нэр, то, видимо, это произошло по весьма понятной причине: пришлось считаться с Комитетом, в котором представлены известные всей Франции имена, а также с тем, что настроения в пользу мира с народами Индо-Китая все громче и сильнее дают о себе знать во Франции.

Шумными аплодисментами почти всего зала были покрыты заключительные слова профессора Марселя Нэр:

— Это мы, французы, учили вьетнамцев лозунгам великой французской революции — «Свобода, равенство, братство!» Пора положить конец ужасному кровопролитию между двумя близкими по духу народами!

...После четырехчасового закрытого заседания было опубликовано коммюнике, вызвавшее огромное удовлетворение среди большинства журналистов. Девять делегаций, обсуждающих вопрос об Индо-Китае, согласились на том, что должны немедленно встретиться в Женеве, а также установить контакт на месте представители вьетнамской Народной армии и командования французского экспедиционного корпуса; они обсудят вопрос о расположении войск после прекращения военных действий в Индо-Китае, начиная с вопроса о районах перегруппировки во Вьетнаме. Все говорят вокруг, что вопросы, изложенные в коммюнике, были рассмотрены в ходе ряда встреч между В. М. Молотовым и Антони Иденом.

Итак, сделан успешный шаг вперед в вопросе о восстановлении мира в Индо-Китае. Это радует и обнадеживает всех сторонников мира и безопасности!

Женева, 29 мая.

Третьестепенный чиновник «принимает» у входа в резиденцию г. Бидо петиции от приехавших в Женеву делегаций французских граждан.

НАРОЧЬ, МОРЕ БЕЛОРУССКОЕ

Фото М. Савина.

Солнце еще за горизонтом, но уже раскрашено нежными тонами безоблачное небо. Короткие приготовления окончены, и лодки одна за другой идут на простор Нарочи...

— Ловить вам — не выловить! — доносится с берега.

Берег все дальше и дальше, вытянулся в тонкую иссиня-зеленую полоску. Двенадцатилетний Мишутка Ролич впервые вышел на лов. Началась настоящая взрослая жизнь. Какая-то она будет?

А когда вернулись на отяжелевших лодках, старшой вынул бутылку с мутной самогонкой, налил и, подавая Мишутке жестянку, воскликнул:

— Теперь посвящайся!

Обожгло горло, захватило дух. Но, боясь уронить себя в глазах взрослых, Мишутка и виду не подал, спросил только:

— Быть рыбаком?

— Будешь, будешь! — отозвался хор простуженных голосов.

Так началась рыбацкая жизнь Михаила Ролича — ныне бригадира государственного рыболовецкого хозяйства «Нарочь». Было это шестьдесят шесть лет назад...

Мы сидим с Михаилом Григорьевичем на камне, что неподвижно лежит на острие прибрежной косы. Какими только словами не величает он свое родное озеро, но чаще всего зовет его кормилицей. Не романтика и не охотничья страсть потянули его на воду, а нужда в хлебе насущном. Земли здесь бесплодные, песчаные, а богатое рыбой озеро кормило промысловиков. За нарочанской рыбой скупщики приезжали из Варшавы, Минска и даже из самой Москвы.

— Всей грудью,— говорит Михаил Григорьевич,— вздохнул я в тридцать девятом. Никогда не был так удачлив и ловок, как в тот год. Учил молодых рыбаков распознавать бугристое и изменчивое нарочанское дно, объяснял, где и когда собирается рыба. Поведал людям и заветный свой способ добычи угря, самой ценной и вкусной, зато и самой неуловимой рыбы.

Рыбаки осматривают сети.

М. Г. Ролич.

Выбирают рыбу.

Разговор наш прервал шум моторной лодки. Михаил Григорьевич, прежде чем сесть в лодку, по-хозяйски справился о подробностях рыбачьего снаряжения и, убедившись, что все предусмотрено, успокоился.

Моторка, прицепив череду весельных лодок, направилась к середине озера. Сначала движение было заметным. Потом это ощущение пропало: казалось, и моторка и мы на лодках стояли на месте, только волны покачивали нас из стороны в сторону. Когда берег почти совсем пропал в мареве, раздалась команда:

— Готово!

Отцепившись, моторка куда-то ушла. Рыбаки бросили якорь и стали расставлять сеть. Поплавки, раскинувшись широкой дугой, смыкались у наших лодок. Вот уже установлены барабаны, на которые собирается снасть, и люди приступили к самому трудному: потянули.

Старик сидел в стороне на корзине для селявы — мелкой рыбешки, называемой местными жителями «белорусской селедкой».

— Сильно переменилось наше озеро,— говорит Ролич. — Даже новую рыбу удалось прижить. Попадаются теперь и серебристый карась, и сиг, и амурский сазан, и иные жильцы дальних вод. Вон возле деревни Купа белеют заводские корпуса нашего рыбхоза. Свежую рыбу засаливают, вялят, коптят. Там же консервы делают. Левее — здание биологической станции университета. Из Минска приезжают студенты на практику, ученые в лаборатории проводят всякие опыты, книги пишут о нашем озере.

...Дуга поплавков собралась, стягиваясь длинным языком к лодкам. Момент важный. Одно неумелое движение — и вся рыба уйдет. Михаил Григорьевич встал, как дирижер над оркестром, и показывал руками: тянуть, остановиться, ударить по воде колотушкой... Наконец показался низ сети, потянулся синеватый капроновый конус подволоки, трепещущий и серебрящийся от рыбы, которую ссыпали прямо под ноги на дно быстро оседающей лодки.

Михаил Григорьевич из кишащей серебряной каши вынул щуку, заглатывающую щуренка:

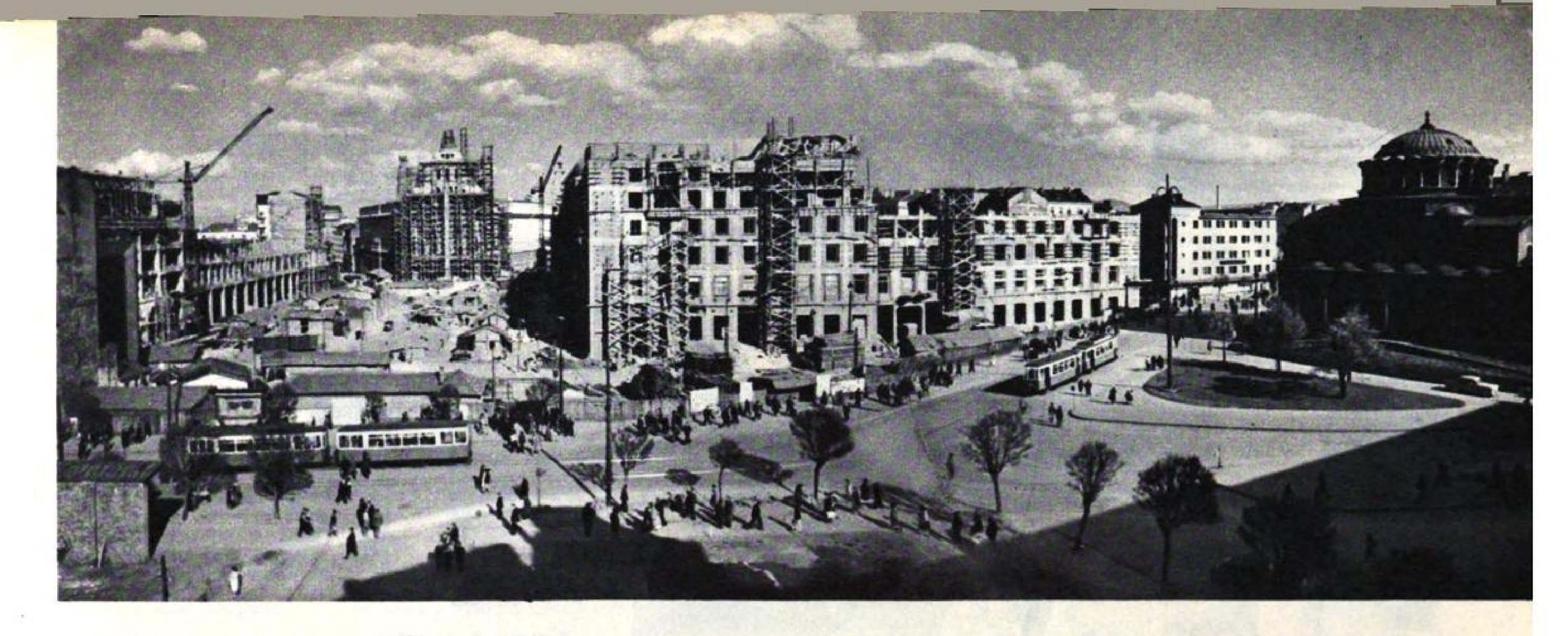
— Гляди, какая подлая порода. Уж пропала, а все слабого в глотку прет!

Покурив, рыбаки принялись снова раскидывать сеть...

В. ПОНОМАРЕВ

← Студенты-биологи на практике.

УТРО СОФИИ

К. НЕПОМНЯЩИЙ, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Специальные корреспонденты «Огонька»

София просыпается рано. В семь утра, выйдя из гостиницы «Болгария», мы оказываемся в потоке торопящихся людей — работа учреждений болгарской столицы начинается в 7.30. На стройках в центре города уже передвигаются подъемные краны. Новые корпуса с еще не снятыми лесами постепенно берут в окружение почерневшую от времени древнюю турецкую мечеть...

Раскрываются двери магазинов, в витринах которых вы видите знаменитое розовое масло в деревянных бутылочках, виноградное вино, мясо, первую зелень, целые горы банок болгарских консервированных помидоров, фруктов, ягод.

Весна нынче в Софии несколько запоздала. Но молодая, яркозеленая листва уже играет, переливается в лучах нежаркого солнца.

↑ В этот ранний час на рабочей окраине, в Димитровском районе, одиннадцать крошечных граждан Болгарии встречали свое первое утро.

Главный врач родильного дома Станко Илиев знакомит нас с новорожденными.

В былые времена — доктор Илиев прекрасно помнит это — на рабочих окраинах города не было ни одного родильного дома. Дети рождались здесь в ужасных условиях, многие из них умирали, не прожив и года.

— А при нашем родильном доме,— говорит Станко Илиев. — создается научно-исследовательский институт, недавно открыто лечебное отделение... За прошлый год в наших стенах появилось на свет 4 011 детей...

→ Пятница в Софии — обычно базарный день. Со всех концов в город въезжают крестьянские каруци, груженные мешками с мукой, овощами, фруктами, барашками, курами и прочей живностью. Улицы, прилегающие к рынку, полны народа. У рядов толпятся софийские хозяйки. Над весами — дощечки с названием сельских кооперативов.

Вылчо Стоянов Вылчев стоит у весов. Его товар — мука высшего сорта. Он приехал из села Сущица в Северной Болгарии и рассказывает нам о том, как недавнее, четвертое снижение цен отразилось на рынке.

— Килограмм пшеничной муки первого сорта стоил до снижения цен 4—4,5 лева. Сегодня я продаю килограмм за 3 лева 30 стотинок...

Такое снижение цен не ущемило интересов крестьян, потому что подешевели и промышленные товары. Не так давно Вылчо купил в Софии мебель для сына, сэкономив на этой покупке 400 левов. Сегодня собирается приобрести велосипед. После снижения цен он стоит на 350 левов дешевле...

Бульвар 9 сентября — одна из главных магистралей Софии. У большого зонта собралась группа о чем-то разговаривающих людей. Девушка смотрит в теодолит. Может быть, здесь прокладывают новую трамвайную линию?
— Нет, нет, — отвечает нам инженер Михню Стоянов.
Он загадочно замолкает, а затем задает встречный вопрос:
— Знаете ли вы, что в Софии нет реки?
— Да, мы слышали об этом.
— Это было несчастьем города! — горячо восклицает инженер. — Но я говорю «было», потому что мы прокладываем русло реки, и здесь будет порт!
Древний Искыр протекает в восемнадцати километрах от столицы. В связи с постройкой плотины и образованием нового озера, Искыр, как выразился инженер Стоянов, удастся «перетащить» в Софию.
— Новое русло реки пройдет вот в этом направлении,— показывает Стоянов. — По берегам будут бульвары, раскинутся новые рабочие кварталы...

Недалено от рынка строится каптаж — сооружение, перегоняющее на поверхность подземные воды. Речь идет о более широком использовании подземного источника, целебные свойства которого известны не только софийским старожилам, но славились еще в древнем Риме.
— Первый каптаж,— рассказывает нам инженер Петров,— был построен рабами Рима. Недавно начались раскопки этого сооружения. На глубине десяти метров обнаружены свинцовые трубы, камни и даже сохранившиеся конопляные веревки, которыми пользовались при строительстве каптажа рабы древнего Рима. Здесь неподалеку находились бани римского императора Каракаллы. Он приезжал в наши края лечиться.
— Чем же замечательна эта вода?
— Она помогает при желудочных заболеваниях,— отвечает Петров,— очень полезна при ревматизме, укрепляет нервную систему. Мне 71 год, а многие дают лишь 50 — и все потому, что я пью эту воду и принимаю ванны.
Мы медленно спускаемся по крутой деревянной лестнице.
— Спускайтесь скорее! — шутит инженер. — Сейчас будем принимать ванну в апартаментах римского императора...

Завод имени Василя Коларова открыл новую эпоху в болгарском машиностроении. Первый цех начали строить пять лет назад в чистом поле за Софией. Тогда же строители криками «ура» встречали первый эшелон с советским оборудованием. В январе 1950 года страна праздновала выпуск первого болгарского электромотора.
Александру Митреву (в центре), бригадиру монтажников, было 26 лет, когда Председатель Народного Собрания вручил ему золотую звезду Героя. Спустя год Александр Митрев был удостоен Димитровской премии и вскоре от имени своей бригады и всего заводского коллектива приветствовал представителей Китайской Народной Республики, прибывших на завод за машинами для новых китайских электростанций.
«Растет, но не стареет!» — надпись на гербе Софии. Это относится не только к городу, но и к народу Болгарии.

Извозчиков в Софии осталось совсем немного. Автомобильный транспорт господствует. Василь Иванов Атанасов — один из старейших извозчиков в Софии. Обычно он стоит со своим фаэтоном... на стоянке такси.
— Как дела, дед Василь? — спрашивают шоферы.
— Дела хорошие, только маловато пассажиров, — спокойно отвечает старик.
— Продавай фаэтон и садись за руль, дед!
— Зря смеешься, другарь. Я и сам об этом думал, да поздно.
Деду шестьдесят лет, он помнит времена, когда в городе не было ни одной автомашины.
— Вы, что же, так никого и не возили сегодня? — спрашиваю я.
— Да нет, возил, — уклончиво отвечает дед Василь.
— Кого же?
— Внучку! — и дед громко смеется.
Старый извозчик становится серьезным.
— Если вам интересно, московские другари, то я скажу. Теперь в Софии верх взяла машина. Извозчику хуже, говорите? Но народу-то лучше!
Старик взмахивает кнутом и гонит лошадь к центру города.

Хорошо после лекции пройтись по любимому парку!

— У нас в Софии, — говорит корейская студентка Кан Син За, — погода редко портится.

«У нас в Софии» — это можно услышать и от румынки Марии Букур, и от венгра Иштвана Сабо, и от Хельмара Вальтера, приехавшего в Софию из Лейпцига, и от его друга Эдуарда Бауэра, уроженца Дрездена.

Чжан Чин-цай — самый старший из наших новых знакомых. Он приехал в Болгарию из Китая, чтобы завершить литературное образование.

— Имя Чжана в переводе означает «способный человек», — сообщает Кан Син За...

— Твое имя больше соответствует действительности, — скромно отвечает Чжан Чин-цай. Оказывается, Кан Син За значит «верная девушка».

Все они учатся на филологическом отделении Софийского университета. Каждому из них София чем-то напоминает родину. Иштван Сабо считает, что между болгарами и венграми много общего, особенно свойственный обоим народам оптимизм. Мария Букур говорит, что Балканы напоминают ей Карпаты. А корейские товарищи, отметив, что между Софией и Пхеньяном, по крайней мере, 15 тысяч километров, утверждают, что и здесь и там одинаковый климат...

Надо ли добавлять, что беседа наша шла на русском языке!

На аллее мы встречаем маленьких жителей соседних коттеджей. Они сосредоточенны и серьезны, особенно Йорданка Момчилова и ее приятель, солидно назвавший себя полным именем — Тодор Георгиев Гайдаров. По двум тетрадкам обсуждаются два варианта письма московским пионерам. В одном рассказывается о подготовке к экзаменам, другое главным образом посвящено фильму «Чук и Гек» и книгам писателя Гайдара, которого здесь знают и любят. Тодор Гайдаров понимает, что экзамены — дело важное, но, очевидно, по праву «однофамильца», он полагает, что о Гайдаре, его книгах и о фильме нельзя не написать. Горячая дискуссия заканчивается компромиссом: оба письма будут объединены в одно.

В начале нашего путешествия по Софии мы побывали у самых юных граждан города, теперь посетим самого старого. Деду Крыстю Попову в этом году исполняется сто лет. Он участник знаменитых боев на Шипке. Мы застаем его в полной парадной форме. Он ждет важных гостей. Скоро в квартиру вваливается ватага суворовцев — будущих офицеров Болгарской народной армии. Это дети болгарских партизан и солдат, помогавших Советской Армии освобождать родину от немецких оккупантов.

Владимир Николов по возрасту самый младший: ему тринадцать лет, но он обладатель «высшего» чина — вице-сержанта — и по праву старшего группы преподносит легендарному герою букет цветов.

Внимательно слушают мальчики рассказ старого солдата о былых походах...

Тепло попрощавшись с дедом Крыстю и пожелав ему доброго здоровья, мы вместе с суворовцами выходим на улицу. Идем по весенним софийским бульварам, входим в парк, где рядом с южными тополями стоят родные нам березы. Только что прошел дождь, и ветер утих.

Молодая болгарская поросль крепнет, ей не страшны уже ни ветры, ни бури.

София, май 1954 года.

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Главы из 2-й книги романа

Мих. ШОЛОХОВ

Рисунки О. Верейского.

В бригаде полудновали. Наспех сбитый длинный стол впритирку вмещал всех плугатарей и погонщиков. Ели, изредка перебрасываясь солеными мужскими шутками, деловито обмениваясь замечаниями о качестве приготовленной стряпухой каши.

— И вот она всегда недосаливает! Горе, а не стряпуха!

— Не слиняешь от недосола, возьми да подсоли.

— Да мы же с Васькой двое из одной чашки едим, он любит несоленое, а я — соленое. Как нам в одной чашке делиться? Посоветуй, ежели ты такой умный!

— Завтра плетень сплетем, разгородим вашу чашку пополам, только и делов. Эх ты, мелкоумный! До такой простой штуки не мог сам додуматься!

— Ну, брат, и у тебя ума, как у твоего бороздённого быка, ничуть не больше.

За столом долго бы еще пререкались и перешучивались, но тут издали заметили подводу, и самый зоркий из всех плугатарь Пряничников, приложив ладонь ребром ко лбу, тихо свистнул:

— Этот едет, полоумный Ванька Аржанов, а с ним — Давыдов.

На стол вразнобой, со стуком легли ложки, и взоры всех нетерпеливо устремились туда, где в балочке на минуту скрылась подвода.

— Дожили! Опять едет нас на буксиру брать,— со сдержанным негодованием сказал Агафон Дубцов.— Достукались! Нет уж, с меня хватит! Теперь вы своими гляделками моргайте, а я моргать уморился, я на него от стыда и глядеть не желаю!

У Давыдова по-хорошему дрогнуло сердце, когда он увидел, как дружно все встали из-за стола, приветствуя его. Он шел широкими шагами, а навстречу ему уже тянулись руки и светились улыбками дочерна сожженные солнцем лица мужчин и матово смуглые, тронутые легким загаром лица девушек и женщин. Они, эти женщины, никогда не загорали по-настоящему, на работе так закутываясь в белые головные платки, что оставались только узкие щели для глаз. Давыдов улыбался, на ходу оглядывал знакомые лица. С ним успели крепко сжиться, его приезду были искренне рады, встречали его, как родного. За какой-то миг все это дошло до сознания Давыдова, острой радостью коснулось его сердца и сделало голос приподнятым и чуть охрипшим:

— Ну, здравствуйте, отстающие труженики! Кормить приезжего будете?

— Кто к нам надолго,— кормим, а кто на часок, в гости,— того не кормим, а только провожаем с низкими поклонами. Так ведь, бригадир? — под общий смех сказал Пряничников.

— Я, наверное, надолго к вам,— улыбнулся Давыдов.

И Дубцов оглушающим басом заорал:

— Учетчик! Пиши его на полное довольствие с нынешнего дня, а ты, стряпуха, наливай ему каши, сколько его утроба примет!

Давыдов обошел вокруг стола, со всеми здороваясь за руку. Мужчины обменивались с ним привычно крепким рукопожатием, а женщины, глядя в глаза, смущались и протягивали руки лодочкой: свои местные казаки не очень-то баловали их таким вниманием и почти никогда не снисходили до того, чтобы при встрече, как равной, протянуть женщине руку.

Дубцов усадил Давыдова рядом с собой, положил ему на колено тяжелую и горячую ладонь.

— Мы тебе рады, любушка ты наш Давыдов!

— Вижу. Спасибо!

— Только ты не сразу начинай ругаться...

— Да я вовсе и не думаю ругаться.

— Нет, это ты, конечно, не утерпишь, без этого ты не обойдешься, да и нам крепкое слово будет в пользу. Но пока помолчи. Пока люди жуют,— нечего им аппетит портить.

— Можно и подождать,— усмехнулся Давыдов.— Доброго разговора мы не минуем, но за столом начинать не будем, как-нибудь потерпим, а?

— Обязательно надо вытерпеть! — под общий хохот решительно заявил Дубцов и первый взялся за ложку.

Давыдов ел сосредоточенно и молча, не поднимая от миски головы. Он почти не вслушивался в сдержанные голоса полудновавших пахарей, но все время ощущал на лице чей-то неотступный взгляд. Прикончив кашу, Давыдов облегченно вздохнул: впервые за долгое время он был по-настоящему сыт. По-мальчишески облизав деревянную ложку, он поднял голову. Через стол на него в упор, неотрывно смотрели серые девичьи глаза, и столько в них было горячей, невысказанной любви, ожидания, надежды и покорности, что Давыдов на миг растерялся. Он и прежде нередко встречался в хуторе, на собрании или просто на улице с этой большерукой, рослой и красивой семнадцатилетней девушкой, и тогда, при встречах, она улыбалась ему смущенно и ласково, и смятение отражалось на ее вдруг вспыхивающем лице, но теперь в ее взгляде было что-то иное, повзрослевшее и серьезное...

«Каким тебя ветром ко мне несет и на что ты мне нужна, милая девчонушка? И на что я тебе нужен? Сколько молодых парней всегда возле тебя вертится, а ты на меня смотришь, эх ты, слепушка! Ведь я вдвое тебя старше, израненный, некрасивый, щербатый, а ты ничего не видишь... Нет, не нужна ты мне, Варюха-горюха! Расти без меня, милая»,— думал Давыдов, рассеянно глядя в полыщущее румянцем лицо девушки.

Она слегка отвернулась, потупилась, встретившись глазами с Давыдовым. Ресницы ее трепетали, а крупные загрубелые пальцы, перебиравшие складки старенькой грязной кофточки, заметно вздрагивали. Так наивна и непосредственна была она в своем чувстве, так в детской простоте своей не умела и не могла его скрыть, что всего этого не заметил бы разве лишь только слепой.

Обращаясь к Давыдову, Кондрат Майданников рассмеялся:

— Да не смотри ты на Варьку, а то у нее вся кровь в лицо кинулась! Пойди умойся, Варька, может, малость оттухнешь. Хотя, как она пойдет? У нее же ноги теперь отнялись... Она у меня погонычем работает, так все время ходу мне не дает, заспрашивалась, когда ты, Давыдов, приедешь. А я откуда знаю, когда он приедет, отвяжись, говорю ей, но она этими вопросами с утра до ночи меня долбит и долбит, как дятел сухую лесину.

Словно для того, чтобы опровергнуть предположение, будто у нее отнялись ноги, Варя Харламова, повернувшись боком и слегка согнув ноги в коленях, с места одним прыжком перемахнула через лавку, на которой сидела, и пошла к будке, гневно оглядываясь на Майданникова и что-то шепча побледневшими губами. Только у самой будки она остановилась, повернувшись к столу, крикнула срывающимся голоском:

— Ты, дядя Кондрат... ты, дядя... ты неправду говоришь!

Общий хохот был ей ответом.

— Издали оправдывается,— посмеиваясь, сказал Дубцов.— Издали оно лучше.

— Ну зачем ты смутил девушку? Нехорошо! — недовольно сказал Давыдов.

— Ты ее еще не знаешь,— снисходительно ответил Майданников.— Это она при тебе такая смирная, а без тебя она любому из нас зоб вырвет и не задумается. Зубатая девка! Бой, а не девка! Видал, как она с места взвилась? Как дикая коза!..

Нет, не льстила мужскому самолюбию Давыдова эта простенькая девичья любовь, о которой давно уже знала вся бригада, а он услышал и узнал впервые только сейчас. Вот если бы другие глаза хоть раз посмотрели на него с такой беззаветной преданностью и любовью,— это иное дело... Стараясь замять неловкий разговор, Давыдов шутливо сказал:

— Ну, спасибо стряпухе и деревянной ложке! Накормили досыта.

— Благодари, председатель, за великое старание свою правую руку да широкий рот, а не стряпуху с ложкой. Может, добавку подсыпать? — осведомилась, поднимаясь из-за стола, величественная, необычайно толстая стряпуха.

Давыдов с нескрываемым изумлением оглядел ее могучие формы, широкие плечи и необъятный стан.

— Откуда вы ее взяли, такую? — вполголоса спросил он Дубцова.

— На таганрогском металлургическом заводе по нашему особому заказу сделали,— ответил учетчик, молодой и развязный парень.

— Как же я тебя раньше не видал? — все еще удивлялся Давыдов.— Такая ты объемистая в габаритах, а видеть тебя, мамаша, не приходилось.

— Нашелся мне сынок! — фыркнула стряпуха.— Какая же я тебе мамаша, ежели мне всего сорок семь? А не видел ты меня потому, что зимой я из хаты не вылезаю. При моей толщине и коротких ногах я по снегу не ходок, на ровном месте могу в снегу застрять. Зимой я дома безвылазно сижу, пряду шерсть, платки вяжу, словом, кое-как кормлюся. По грязи тоже я не ходок, как верблюд, боюсь разодраться на скользи, а по сухому я и объявилася в стряпухах. И никакая я тебе не мамаша, товарищ председатель! Хочешь со мной в мире жить,— зови меня Дарьей Куприяновной, тогда в бригаде сроду голодным не будешь!

— Полностью согласен жить с тобой в мире, Дарья Куприяновна,— улыбаясь, сказал Давыдов и привстал, поклонился с самым серьезным видом.

— Так-то оно и тебе и мне лучше будет, а теперь давай свою чашку, я тебе на закуску кислого молочка положу,— донельзя довольная любезностью Давыдова, проговорила стряпуха. Она щедрой рукой положила в чашку целый килограмм кислейшего откидного молока и подала с низким поклоном.

— А почему ты в стряпухах состоишь, а не на производстве работаешь? — спросил Давыдов.— При твоем весе тебе только разок давнуть на чапиги — и лемех сразу на полметра в землю уйдет, факт!

— Так у меня же сердце больное! У меня доктора признали ожирение сердечной дея-

---

См. «Огонек» №№ 15, 16, 17, 21.

тельности. В стряпухах мне и то тяжело, чуть повожусь с посудой,— и сердце где-то в самой глотке бьется. Нет, товарищ Давыдов, в плугатари я негожая. Эти танцы не под мою музыку.

— Все на сердце жалуется, а трех мужей похоронила... Трех казаков пережила, теперь ищет четвертого, но что-то охотников не находится, боятся на ней жениться, заездит этакая тетенька насмерть! — сказал Дубцов.

— Брехун рябой! — воскликнула не на шутку рассерженная стряпуха.— Чем же я виноватая, что из трех казаков мне ни одного жилистого не попалось, а все какие-то немощные да полухворые? Им господь веку не дал, а я виноватая?

— Ты же и помогла им помереть,— не сдавался Дубцов.

— Чем это я помогла?

— Известно чем...

— Ты говори толком!

— Мне и так все ясное...

— Нет, ты говори толком, чего впустую языком мелешь?

— Известно, чем помогла, своею любовью,— осторожно сказал Дубцов, посмеиваясь.

— Дурак ты меченый! — покрывая общий хохот, в ярости крикнула стряпуха и сгребла в охапку половину посуды со стола.

Но невозмутимого Дубцова было не так-то просто выбить из седла. Он не спеша доел кислое молоко, вытер ладонью усы, сказал:

— Может, конечно, я и дурак, может, и меченый, но в этих делах, девка, я до тонкостев разбираюсь.

Тут стряпуха завернула по адресу Дубцова такое, что хохот за столом грянул с небывалой силой, а багровый от смеха и смущения Давыдов еще выговорил:

— Что же это такое, братишки?! Этакого я и на флоте не слыхивал!..

Но Дубцов, сохраняя полную серьезность, с нарочитой запальчивостью крикнул:

— Под присягу пойду! Крест буду целовать! Но стою на своем, Дашка: от твоей любови все трое мужей на тот свет отправились! Трое мужей — ведь это подумать только...

Дубцов не закончил фразы и стремительно нагнулся: над головой его, подобно осколку снаряда, со свистом пронесся увесистый деревянный половник. С юношеской проворностью Дубцов перекинул ноги через лавку. Он был уже в десяти метрах от стола, но вдруг прыгнул в сторону, увернулся, а мимо него, брызгая во все стороны кислым молоком, с урчанием пролетела оловянная миска и, описав кривую, упала далеко в степи. Широко расставив ноги, Дубцов грозил кулаком, кричал:

— Эй, Дарья, уймись! Кидай, чем хочешь, только не глиняными чашками! За разбитую посуду, ей богу, буду вычитывать трудодни! Ступай, как Варька, за будку, оттуда тебе легше будет оправдываться! А я все равно стою на своем: угробила мужьев, а теперь на мне зло срываешь...

Давыдову с трудом удалось навести порядок. Неподалеку от будки сели покурить, и Кондрат Майданников, заикаясь от смеха, сказал:

— И вот каждый день за обедом либо за ужином идет такая спектакля. Агафон с неделю синяк под глазом во всю щеку носил, съездила его Дарья кулаком, а все не бросает над ней потешаться. Не уедешь ты, Агафон, с пахоты подобру-поздорову, либо глаз она тебе выбьет напрочь, либо ногу пяткой наперед вывернет, ты дошутишься...

— Трактор «Фордзон», а не баба! — восхищенно сказал Дубцов, украдкой поглядывая на проплывавшую мимо стряпуху, и, делая вид, что не замечает ее, уже громче заговорил: — Нет, братцы, чего же греха таить, я бы женился на Дашке, ежели был бы неженатый, но женился бы только на неделю, а потом — в кусты. Больше недели я не выдержал бы при всей моей силе. А помирать мне пока нет охоты. С какой радости я себя на смерть бы обрекал? Всю гражданскую отвоевал, а тут, изволь радоваться, помирай от бабы... Нет, хоть я и меченый дурак, а хитрый ужасно! Неделю бы я кое-как с Дашкой протянул, а потом, видит бог, сбежал бы. Веришь, Давыдов, истинный господь, не брешу, да и Прянишников — вот он — не даст сбрехать: затеялись мы с ним как-то за хороший кондёр обнять Дашку, он зашел спереду, я — сзади, сцепились обое с ним руками, но обхватить Дарью так и не смогли, уж дюже широка! Кликнули учетчика, но он парень молодой и к тому же трусоватый, побоялся близко подступить к Дашке, так и осталась она на веки вечные по-настоящему необнятая...

— Не верь ты ему, проклятому, товарищ Давыдов! — уже беззлобно посмеиваясь, сказала стряпуха.— Он если нынче чего не сбрешет, так завтра от тоски подохнет. Что ни ступнет, то сбрехнет, такой уж он у нас уродился!

После перекура Давыдов спросил:

— Сколько еще осталось пахать?

— До черта,— нехотя ответил Дубцов.— Поболее ста пятидесяти гектаров. На вчерашний день сто пятьдесят восемь оставалось.

— Отличная работа, факт! — холодно сказал Давыдов.— Чем же вы тут занимались? Со стряпухой Куприяновной спектакли ставили?

— Ну, уж это ты напрасно.

— Почему же первая и третья бригады давно закончили вспашку, а вы тянете?

— Давай, Давыдов, вечером соберемся все и поговорим по душам, а сейчас пойдем пахать,— предложил Дубцов.

Это было разумное предложение, и Давыдов, немного поразмыслив, согласился.

— Каких быков мне дадите?

— Паши на моих,— посоветовал Кондрат Майданников.— Мои быки втянутые в работу и собою справные, а две пары молодых бычат у нас сейчас на курорте.

— Как это на курорте? — удивился Давыдов.

Улыбаясь, Дубцов пояснил:

— Слабенькие, ложатся в борозде, ну, мы выпрягли их и пустили на вольный попас возле пруда. Там трава добрая, кормовитая, пущай поправляются, все одно от них никакого толку нету. Они с зимовки вышли захудалые, а тут каждый день работа, они и скисли, не тянут плуг — и все! Пробовали припрягать их по паре к старым быкам,— один черт, ничего не получается. Паши на кондратовых, он правильно советует.

— А сам он что будет делать?

— Я его отпустил на два дня домой. У него баба захворала, слегла, даже бельишка с Ванькой Аржановым не подослала ему и переказывала, чтобы он пришел домой.

— Тогда — другое дело. А то я было подумал, что ты и его на курорт куда-нибудь отправляешь. Курортные настроения у вас тут, как я вижу...

Дубцов незаметно для Давыдова подмигнул остальным, и все встали, пошли запрягать быков.

На закате солнца Давыдов выпряг в конце гона быков и разналыгал их. Он сел сбоку борозды на траву, вытер рукавом пиджака пот со лба, дрожащими руками стал сворачивать папироску и только тогда почувствовал, как сильно устал. У него ныла спина, под коленями бились какие-то живчики и словно у старика тряслись руки.

— Найдем мы с тобою на заре быков? — спросил он у Вари.

Она стояла против него на пахоте. Маленькие ноги ее в растоптанных, больших чириках по щиколотки тонули в рыхлой, только что взвернутой плугом земле. Сдвинув с лица серый от пыли платок, она сказала:

— Найдем. Они далеко не уходят ночью.

Давыдов закрыл глаза и жадно курил. Он не хотел смотреть на девушку. А она, вся сияя счастливой и усталой улыбкой, тихо сказала:

— Замучил ты и меня и быков. Дюже редко отдыхаешь.

— Я сам замучился до чертиков, — хмуро проговорил Давыдов.

— Надо чаще отдыхать. Дядя Кондрат вроде и отдыхает часто, дает быкам сапнуть, а всегда больше других напахивает. А ты уморился с непривычки.

Она хотела добавить «милый» и, испугавшись, крепко сжала губы.

— Это верно, привычки еще не приобрел, — согласился Давыдов.

С трудом он поднялся с земли, с трудом переставляя натруженные ноги, пошел вдоль борозды к стану. Варя шла следом за ним, потом поравнялась и пошла рядом. Давыдов в левой руке нес разорванную, выцветшую матросскую тельняшку. Еще днем, налаживая плуг, он нагнулся, зацепился воротом за чапигу и, рывком выпрямившись, располосовал тельняшку надвое. День был достаточно жаркий, и он мог бы великолепно обойтись без нее, но ему было совершенно невозможно в присутствии девушки идти за плугом до пояса голым. В смущении запахивая полы матросской одежки, он спросил, нет ли у нее какой-нибудь булавки. Она ответила, что, к сожалению, нет. Давыдов уныло глянул в направлении стана. До него было не меньше двух километров. «А все-таки придется идти», — подумал Давыдов и, крякнув от досады, вполголоса чертыхнулся, сказал:

— Вот что, Варюха-горюха, обожди меня тут, я схожу на стан.

— Зачем?

— Сыму это рванье и надену пиджак.

— В пиджаке будет жарко.

— Нет, я все-таки схожу, — упрямо сказал Давыдов.

Черт возьми, не мог же он в самом деле щеголять без рубахи! Недоставало еще того, чтобы эта милая, невинная девчонка увидела, что изображено у него на груди и животе. Правда, татуировка на обоих полушариях широкой давыдовской груди была скромна и даже немного сентиментальна: рукою флотского художника были искусно изображены два голубя; стоило Давыдову пошевелиться, и голубые голуби на груди у него приходили в движение, а когда он поводил плечами, голуби соприкасались клювами, как бы целуясь. Только и всего. Но на животе... Этот рисунок был предметом давних нравственных страданий Давыдова. В годы гражданской войны молодой, двадцатилетний матрос Давыдов однажды смертельно напился. В кубрике миноноtца ему поднесли еще стакан спирта. Он без сознания лежал на нижней койке, в одних трусах, а два пьяных дружка с соседнего тральщика — мастера татуировки — трудились над Давыдовым, изощряя в непристойности свою разнузданную, пьяную фантазию. После этого Давыдов перестал ходить в баню, а на медосмотрах настойчиво требовал, чтобы его осматривали только мужчины-врачи.

Уже после демобилизации, в первый год работы на заводе, Давыдов все же как-то отважился сходить в баню. Прикрывая обеими руками живот, он разыскал свободную шайку, густо намылил голову и почти тотчас же услышал где-то рядом с собой, внизу, тихий смешок. Давыдов ополоснул лицо, увидел: некий пожилой, лысый гражданин, опираясь о лавку руками, изогнувшись, в упор, беззастенчиво рассматривал рисунок на животе Давыдова и, захлебываясь от восторга, тихо хихикал. Давыдов не спеша вылил воду и стукнул тяжелой дубовой шайкой чрезмерно любознательного гражданина по лысине. Не успев до конца рассмотреть рисунка, тот закрыл глаза, тихо улегся на полу. Все так же не спеша Давыдов помылся, вылил на лысого целую шайку ледяной воды и, когда тот захлопал глазами, направился в предбанник. С той поры Давыдов окончательно простился с удовольствием попариться по-настоящему, по-русски, в баньке, предпочитая мыться дома.

При одной мысли о том, что Варя могла хоть мельком увидеть его разрисованный живот, Давыдова бросило в жар, и он плотнее запахнул разъезжавшиеся полы тельняшки.

— Ты выпряги быков и пусти их на попас, а я пошел, — сказал он со вздохом.

Ему вовсе не улыбалась перспектива обходить пахоту либо три километра спотыкаться по пашне, и все это из-за какой-то нелепой случайности.

Но Варя по-своему расценила побуждения Давыдова: «Стесняется мой любимый работать возле меня без рубахи», — решила она и, благодарная ему в душе за проявление чувства, щадящего ее девичью скромность, решительно сбросила с ног чирики.

— Я быстрее сбегаю!

Давыдов не успел и слова вымолвить, а она уже птицей летела к стану. На черной пахоте мелькали смуглые икры ее быстрых ног да, схваченные встречным ветром, бились на спине концы белого головного платка. Она бежала, слегка клонясь вперед, прижав к тугой груди сжатые в кулаки руки, и думала только об одном: «Сбегаю, принесу ему пиджак... Я быстро сбегаю, угожу ему, и он хоть разок за все время поглядит на меня ласково и, может, даже скажет: спасибо, Варя!».

Давыдов долго провожал ее глазами, потом выпряг быков, вышел с пахоты. Неподалеку он нашел опутавшую прошлогоднюю бурьянину повитель, очистил ее от листьев, а гибкой веточкой наглухо зашнуровал полы тельняшки, лег на спину и тотчас уснул, будто провалился во что-то черное, мягкое, пахнущее землей...

Проснулся он оттого, что по лбу его что-то ползало, наверное, паучок или какой-нибудь червяк. Морщась, он провел рукою по лицу, снова начал дремать, и снова по щеке что-то заскользило, поползло по верхней губе, защекотало в носу. Давыдов чихнул и открыл глаза. Перед ним на корточках сидела Варя и вся вздрагивала от еле сдерживаемого смеха. Она водила по лицу спящего Давыдова сухой травинкой, но не успела отдернуть руку, когда Давыдов открыл глаза. Он схватил ее за тонкую кисть, но она не стала освобождать руку, а только опустилась на одно колено, и смеющееся лицо ее мгновенно стало испуганно-ждущим и покорным.

— Я принесла тебе пиджак, вставай, — чуть слышно прошептала она, делая слабую попытку высвободить руку.

Давыдов разжал пальцы. Рука ее, большая и загорелая, упала на колено. Закрыв глаза, она слышала звонкие и частые удары своего сердца. Она все еще чего-то ждала и на что-то надеялась... Но Давыдов молчал. Грудь его дышала спокойно и ровно, на лице не дрогнул ни единый мускул. Потом он привстал, прочно уселся, поджав под себя правую ногу, ленивым движением опустил руку в карман, нащупывая кисет. Теперь их головы почти соприкасались. Давыдов шевельнул ноздрями и уловил тонкий и слегка пряный запах ее волос. Да и вся она пахла полуденным солнцем, нагретой зноем травой и тем неповторимым, свежим и очаровательным запахом юности, который никто еще не смог, не сумел передать словами...

«Милая девчонушка какая!» — подумал Давыдов и вздохнул. Они поднялись на ноги почти одновременно, несколько секунд молча смотрели в глаза друг другу, потом Давыдов взял из ее рук пиджак, ласково улыбнулся одними глазами:

— Спасибо, Варя!

Именно так и сказал: «Варя», а не «Варюха-горюха». В конце концов сбылось то, о чем она думала, когда бежала за пиджаком. Так почему же на серых глазах навернулись слезы и, пытаясь сдержать их, мелко задрожали густые черные ресницы? О чем ты плачешь, милая девушка? А она беззвучно заплакала с какой-то тихой детской беспомощностью, низко склонив голову. Но Давыдов ничего не видел: он тщательно сворачивал папироску, стараясь не просыпать ни одной крошки табаку. Папиросы у него кончились, табак был на исходе, и он экономил, сворачивал маленькие, аккуратные папироски, всего лишь на четыре — шесть добрых затяжек.

Она постояла немного, тщетно стараясь успокоиться, но ей не удалось овладеть собой, и она, круто повернувшись на каблуках, пошла к быкам, на ходу проронив:

— Пойду, быков пригоню.

Но и тут Давыдов не расслышал жестокого волнения в ее дрожащем голосе. Он молча кивнул головой, закурил, сосредоточенно размышляя о том, за сколько дней бригаде удастся вспахать весь клин майских паров своими силами и не лучше ли будет, если он подбросит сюда из наиболее мощной, третьей бригады несколько плугов.

Ей удобно было плакать, когда Давыдов не мог видеть ее слез. И она плакала с наслаждением, и слезы катились по смуглым щекам, и она на ходу вытирала их кончиками платка...

Ее первая, чистая, девичья любовь наткнулась на равнодушие Давыдова. Но, кроме этого, он был вообще подслеповат в любовных делах, и многое не доходило до его сознания, а если и доходило, то всегда со значительной задержкой, а иногда и с непоправимым запозданием... Запрягая быков, он увидел на щеках Вари серые полосы — следы недавно пролитых и не замеченных им слез. В голосе его зазвучал упрек:

— Э-э-э, Варюха-горюха! Да ты сегодня, как видно, не умывалась?

— Почему это видно?

— Лицо у тебя в каких-то полосах. Умываться надо каждый день, — сказал он назидательно.

...Солнце село, а они все еще устало шагали к стану. Сумерки ложились над степью. Терновая балка окуталась туманом. Темносиние, почти черные тучи на западе медленно меняли окраску: вначале нижний подбой их покрылся тусклым багрянцем, затем кроваво-красное зарево пронизало их насквозь, стремительно поползло вверх и широким полудужьем охватило небо. «Не полюбит он меня...» — с тоскою думала Варя, скорбно сжимая полные губы. «Завтра будет сильный ветер, земля просохнет за день, вот тогда быкам придется круто», — с неудовольствием думал Давыдов, глядя на пылающий закат.

Все время Варя порывалась что-то сказать, но какая-то сила удерживала ее. Когда до стана было уже недалеко, она набралась решимости.

— Дай мне твою рубаху, — тихо попросила она и, боясь, что он откажет, умоляюще добавила: — Дай, пожалуйста!

— Зачем? — удивился Давыдов.

— Я ее зашью, я так аккуратно зашью, что ты и не заметишь шва. И постираю ее.

Давыдов рассмеялся:

— Она на мне вся сопрела от пота. Тут латать — не за что хватать, как говорится. Нет, милая Варюха-горюха, этой тельняшке вышел срок службы, на тряпки ее Куприяновне, полы в будке мыть.

— Дай я зашью, попробую, а тогда поглядишь, — настойчиво просила девушка.

— Да изволь, только труды твои пропадут даром, — согласился Давыдов.

С давыдовской полосатой рубахой в руках ей было неудобно являться на стан: это вызвало бы множество разговоров и вольных шуток по ее адресу... Она искоса, воровато взглянула на Давыдова и, прикрываясь плечом, сунула маленький теплый комочек за лифчик. Странное, незнакомое и волнующее чувство ощутила она в тот момент, когда запыленная давыдовская тельняшка легла ей на голую грудь: будто все горячее тепло сильного мужского тела вошло в нее и заполнило всю,

до отказа... У нее мгновенно пересохли губы, на узком белом лбу росинками выступила испарина, и даже походка вдруг стала какой-то осторожной и неуверенной. А Давыдов ничего не замечал, ничего не видел. Через минуту он уже забыл о том, что сунул ей в руки свою грязную тельняшку, и, обращаясь к ней, весело воскликнул:

— Смотри, Варюха, как чествуют победителей! Это ведь учетчик нам машет фуражкой, стало быть, мы поработали с тобой на совесть, факт!

После ужина невдалеке от будки мужчины разложили костер, сели вокруг него покурить.

— Ну, теперь — по душам: почему плохо работали? Почему так затянули вспашку? — спросил Давыдов.

— В тех бригадах быков больше,— отозвался младший Бесхлебнов.

— На сколько же больше?

— А ты не знаешь? В третьей на восемь пар больше, а это как ни кидай, а четыре плуга! В первой на два плуга больше, тоже, выходит, они посильнее нас будут.

— У нас и план больше,— вставил Пряничников.

Давыдов усмехнулся:

— И намного больше?

— Хоть на тридцать гектаров, а больше. Их тоже носом не вскowыряешь.

— А план в марте вы утверждали? Чего же сейчас плакаться? Исходили из наличия земли по бригадам, так ведь было?

Дубцов сдержанно сказал:

— Да никто не плачется, Давыдов, не в этом дело. Быки в нашей бригаде плохими вышли из зимовки. И сенца с соломкой у нас поменьше оказалось, когда обобществляли скот и корма. Ты все это очень даже отлично знаешь, и придираться к нам нечего. Да, затянули, быки у нас в большинстве оказались слабосильными, но корма надо было распределять как полагается, а не так, как вы с Островновым надумали: что из личных хозяйств сдали, тем и кормите худобу. Вот теперь и получилось так: кто-то кончил пахать, к покосу скот готовит, а мы все еще с парами чухаемся.

— Так давайте поможем вам, Любишкин поможет,— предложил Давыдов.

— А мы не откажемся,— заявил Дубцов, поддержанный молчаливым согласием всех остальных.— Мы не гордые.

— Все ясно,— раздумчиво сказал Давыдов.— Ясно одно, что и правление и все мы дали тут маху: зимой распределяли корма, так сказать, по территориальным признакам,— ошибка! Неправильно расставили рабочую силу и тягло,— другая ошибка! А какой же дьявол нам виноват? Сами ошиблись — сами и исправлять будем. По выработке, я говорю про суточную выработку, у вас неплохие цифры, а в общем — получается ерунда. Давайте-ка думать, сколько вам надо подкинуть плугов, чтобы выбраться из этого фактического тупика, давайте подсчитывать и брать всё на карандаш, а на покосе учтем наши ошибки, поиному расставим силы. Сколько можно еще ошибаться?

Часа два сидели у костра, спорили, высчитывали, переругивались. Пожалуй, активнее всех выступал Атаманчуков. Он говорил с жаром, выдвигал толковые предложения, но, случайно взглянув на него в то время, когда Бесхлебнов язвительно прохаживался по адресу Дубцова, Давыдов увидел в глазах Атаманчукова такую леденящую ненависть, что в изумлении поднял брови. Атаманчуков быстро опустил глаза, потрогал пальцами заросший каштановой щетиной кадык, а когда через минуту снова посмотрел на Давыдова и встретился с ним взглядом,— в глазах его светилась наигранная приветливость, и каждая морщинка на лице была исполнена добродушной беспечности. «Артист! — подумал Давыдов.— Но почему он глядел на меня таким чертом? Наверное, обижается, что я его весной выставлял из колхоза».

Не знал, не мог знать Давыдов о том, что тогда, весной, Половцев, прослышав об исключении Атаманчукова из колхоза, ночью вызвал его к себе и, сжав массивные челюсти, сквозь зубы сказал: «Ты что делаешь, шалава? Ты мне нужен примерным колхозником, а не таким ретивым дураком, который может завалиться на пустяках сам, а на допросах в ГПУ завалить всех остальных и все дело. Ты мне на общем колхозном собрании на колени стань, сукин сын, но добейся, чтобы собрание не утвердило решения бригады. Пока мы не начали,— ни тени подозрения не должно падать на наших людей».

На колени Атаманчукову не пришлось становиться: подстегнутые приказом Половцева, на собрании в защиту Атаманчукова дружно выступили и Яков Лукич и все его единомышленники, и собрание не утвердило решения бригады, Атаманчуков отделался общественным порицанием. С той поры он притих, работал исправно и даже стал для тех, кто работал с ленцой, примером сознательного отношения к труду. Но ненависти к Давыдову и к колхозному строю он не мог глубоко и надежно запрятать, временами помимо его воли она прорывалась у него то в неосторожно сказанном слове, то в скептической улыбке, то бешеными огоньками вспыхивала и тотчас гасла в темносиних, как вороненая сталь, глазах.

Только в полночь точно определили размеры требующейся помощи и сроки окончания вспашки. Тут же, у костра, Давыдов написал Разметнову записку, а Дубцов вызвался сейчас же, немедля, не дожидаясь рассвета, идти в хутор, чтобы к обеду пригнать из третьей бригады быков с плугами и самому вместе с Любишкиным отобрать наиболее работящих плугатарей. Возле потухшего костра в молчании покурили еще раз, пошли спать.

А в это время около будки происходил другой разговор. В простеньком железном тазу Варя бережно простирывала тельняшку Давыдова, рядом стояла стряпуха, говорила низким, почти мужским голосом:

— Ты чего плачешь, дуреха?

— Она у него солью пахнет...

— Ну и что? У всех, кто работает, нижние рубахи солью и пóтом пахнут, а не духами и не пахучим мылом. Чего ревешь-то? Не обидел он тебя?

— Нет, что ты, тетя!

— Так чего слезы точишь, дура?

— Да ведь не чужую рубаху стираю, а своего, родного...— склонив над тазом голову и сдерживая сдавленные рыдания, сказала девушка.

Однополчане

Борис ДУБРОВИН

ЛОКОТЬ

Зеленой шеренгой недвижно стоим
(Штыки, как полоска рассвета),
И в строгом равнении локтем своим
Я чувствую локоть соседа.

Я помню, в шеренгу бойцов становясь,
Я как-то увидел впервые
Белки желтоватые пристальных глаз
И медные скулы литые.

В строю меж локтями пространство легло,
Но я ощутил до предела
Спокойствие, силу и даже тепло
Его мускулистого тела.

И если друзья меня спросят: — Скажи,
Как в битвах давалась победа!
То я им отвечу тогда от души:
— Я чувствовал локоть соседа!

Мы рядом ложимся на стрельбище с ним,
Ползем по-пластунски мы рядом.
Коль он не дотянется локтем своим,
Дотянется дружеским взглядом...

Мы спаяны прочно, товарищ-казах,
Солдатскою, верной любовью.
Ты рос не в Москве —
В азиатских степях,
А я не в степях —
В Подмосковье.

Но рядом с тобою вольнее дышу
И тверже шагаю по свету,
И даже, когда эти строки пишу,
Я чувствую локоть соседа.

НА СЪЕМКЕ

Темнеют киноаппараты,
Как пулеметы на пути.
И почему-то страшновато
Тропой знакомою ползти.

То чуть подняться, то прижаться,
То на бегу ускорить шаг...
Мы — новобранцы —
Сталинградцев
Изображаем как-никак.

Мы, что под стол пешком
ходили
В годину воинских тревог,
Мы, что совсем недавно сбрили
С губы мальчишеский пушок.

И вот бегу я напряженно,
А надо мной со всех сторон,
Как бы пожаром обожженный,
В закатном солнце небосклон.

И я гранат учебных связку
Метнул во вражескую щель,
И пулей стукнулся о каску
Сорвавшийся с ромашки шмель.

Так было... После в кинозале
Зажегся тот же небосклон.
Нам на экране показали
Наш наступавший батальон.

Затерянные в гулком зале,
Подавшись в забытьи вперед,
Мы все себя не узнавали
Среди смыкающихся рот.

Я на какое-то мгновенье
Себя увидел.
Но исчез
Солдат, бегущий в наступленье
С винтовкою наперевес.

И он кричал...
Но нелегко мне
Слова те повторить, друзья,
Которые
Нельзя запомнить,
Которые
Забыть нельзя.

После длительного молчания стряпуха подбоченилась, с сердцем воскликнула:

— Нет, уж этого с меня хватит! Варька, подыми сейчас же голову!

Бедный, маленький погоныч семнадцати лет от роду! Она подняла голову, и на стряпуху глянули заплаканные, но счастливые глаза нецелованной юности.

— Мне и соль на его рубахе родная...

Мощная грудь Дарьи Куприяновны бурно заколыхалась от смеха:

— Вот теперь и я вижу, что ты, Варька, стала настоящей девкой.

— А какая же я раньше была? Не настоящая?

— Раньше! Раньше ты ветром была, а теперь девкой стала. Пока парень не побьет другого парня из-за полюбившейся ему девки,— он не парень, а полштаны. Пока девка только зубы скалит да глазами играет,— она еще не девка, а ветер в юбке. А вот когда у нее глаза от любви намокнут, когда подушка по ночам не будет просыхать от слез,— тогда она становится настоящей девкой! Поняла, дурочка?

Давыдов лежал в будке, закинув за голову руки, и сон не шел к нему. «Не знаю я людей в колхозе, не знаю, чем они дышат,— сокрушенно думал он.— Сначала раскулачивание, потом организация колхоза, потом хозяйственные дела, а присмотреться к людям, узнать их поближе — времени не хватило. Какой же из меня руководитель к черту, если я людей не знаю, не успел узнать? А надо всех узнать, не так-то уж их много. И не так-то все это, оказывается, просто... Вон каким боком повернулся Аржанов. Все его считают простоватым, но он не прост, ох, не прост! Дьявол его сразу раскусит, этого бородатого лешего: он с детства залез в свою раковину и створки захлопнул, вот и проникни к нему в душу, пустит он тебя,— как бы не так! И Яков Лукич — тоже замок с секретом. Надо взять его на прицел и присмотреться к нему как следует. Ясное дело, что он — кулак в прошлом, но сейчас работает добросовестно, наверное, побаивается за свое прошлое... Однако гнать его из завхозов придется, пусть потрудится рядовым. И Атаманчуков непонятен, смотрит на меня, как палач на приговоренного, а в чем дело? Типичный середняк, ну, был в белых, так кто из них не был в белых? Это — не ответ. Крепенько надо мне обо всем подумать, хватит руководить вслепую, не зная, на кого можно по-настоящему опереться, кому по-настоящему можно доверять. Эх, матрос, матрос! Узнали бы ребята в цеху, как ты руководишь колхозом,— драили бы они тебя до белых косточек!»

Возле будки, под открытым небом улеглись спать женщины-погонычи. Сквозь дремоту Давыдов слышал тонкий варин голос и баритонистый — Куприяновны.

— Что ты ко мне жмешься, как телушка к корове? — смеясь и задыхаясь от удушья, говорила стряпуха.— Хватит тебе обниматься, слышишь, Варька? Отодвинься, ради Христа, от тебя жаром пышет, как от печки! Ты слышишь, что я тебе говорю? На беду я с тобой легла рядом... Горячая ты какая, ты не захворала?

Тихий смех Вари был похож на воркованье горлинки. Сонно улыбаясь, Давыдов представил их лежащих рядом, подумал, засыпая: «Какая милая девчонка, большая уже, невестится, а по уму — ребенок. Будь счастлива, милая Варюха-горюха!»

Он проснулся, когда уже рассвело. В будке никого не было, снаружи не доносились мужские голоса, все пахари находились уже в борозде, один Давыдов отлеживался на просторных нарах. Он проворно приподнялся, надел портянки и сапоги и тут увидел возле изголовья выстиранную, искусно, мелким швом зашитую тельняшку и свою чистую парусиновую рубаху. «Откуда могла тут взяться рубаха? Приехал я сюда безо всего, фактически помню, как же здесь очутилась рубаха? Чертовщина какая-то!» — недоумевал Давыдов и, чтобы окончательно убедиться в том, что это не сон, даже потрогал рукою прохладную парусину.

Только когда он, натянув тельняшку, вышел из будки, все стало для него понятным: Варя, одетая в нарядную голубую кофточку и тщательно разутюженную черную юбку, мыла возле бочки ноги, розовая, свежая, как это раннее утро, и улыбалась ему румяными губами, и так же, как и вчера, безотчетной радостью сияли ее широко поставленные серые глаза.

— Выдохся за вчерашний день, председатель? Проспал? — спросила она смеющимся высоким голосом.

— Ты где была ночью?

— Ходила в хутор.

— Когда же ты вернулась?

— А вот толечко что пришла.

— Рубаху ты мне принесла?

Она молча кивнула головой, и в глазах ее мелькнула тревога:

— Может, я что не так сделала? Может, мне не надо было заходить на твою квартиру? Но я подумала, что полосатая рубаха ненадежная...

— Молодец, Варюха! Спасибо тебе за все сразу. Только по какому это случаю ты так разнарядилась? Батюшки! Да у нее и перстенек на пальце!

В смущении поворачивая простенькое серебряное колечко на безымянном пальце, она пролепетала:

— На мне же все грязное было, как прах. Вот я и сходила мать проведать и переменить одежу...— и вдруг, преодолев смущение, озорно блеснула глазами: — Хотела еще туфли надеть, чтобы ты на меня хоть разок за весь день взглянул, да по пашне с быками в туфлях недолго проходишь.

Давыдов рассмеялся:

— Теперь я с тебя глаз сводить не буду, быстроногая моя ланюшка! Ну, иди, запрягай быков, а я только умоюсь и приду.

В этот день Давыдову почти не пришлось работать. Не успел он умыться, как пришел Кондрат Майданников.

— Ты же на два дня отпросился, почему так рано вернулся? — улыбаясь, спросил Давыдов.

Кондрат махнул рукой:

— Скучно там. Жена поднялась, лихорадка ее трясла, ну, а мне что там делать? Повернулся — и ходу сюда. А где же Варька?

— Пошла быков запрягать.

— Стало быть, я пойду пахать, а ты жди гостей. Сам Любишкин восемь плугов гонит. Я обогнал их на полдороге, и Агафон, как Кутузов, едет впереди всех верхом на белой кобыле. Да, есть и еще новость: вчера вечером, в потемках уже, в Нагульнова стреляли.

— Как стреляли?

— Обыкновенно стреляли, из винтовки. Какой-то черт вдарил. Он сидел возле открытого окна, при огне, ну, по нем и вдарили. Пуля возле виска прошла, кожу осмолила, только и всего. Но головой он немножко дергает, то ли от контузии, то ли от злости, а так — живой и здоровый. Приехали из районной милиции, ходят, нюхают, но только это дело дохлое...

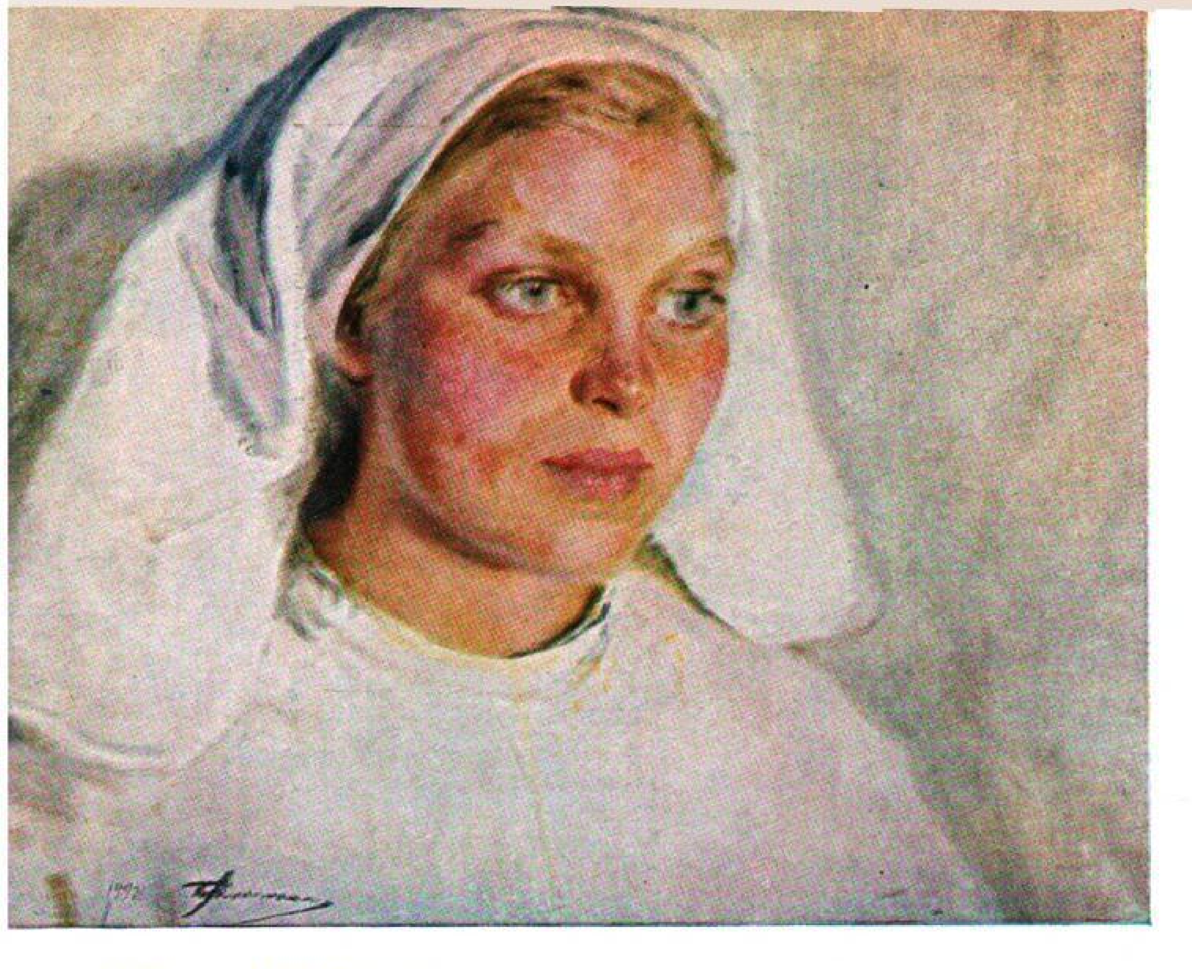
— Завтра придется распрощаться с вами, пойду в хутор,— решил Давыдов.— Подымает враг голову, а, Кондрат?

— Что ж, это хорошо, пущай подымает. Поднятую голову рубить легче будет,— спокойно сказал Майданников и начал переобуваться.

А. Бурак. ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ.

Выставка художников РСФСР. 1952.

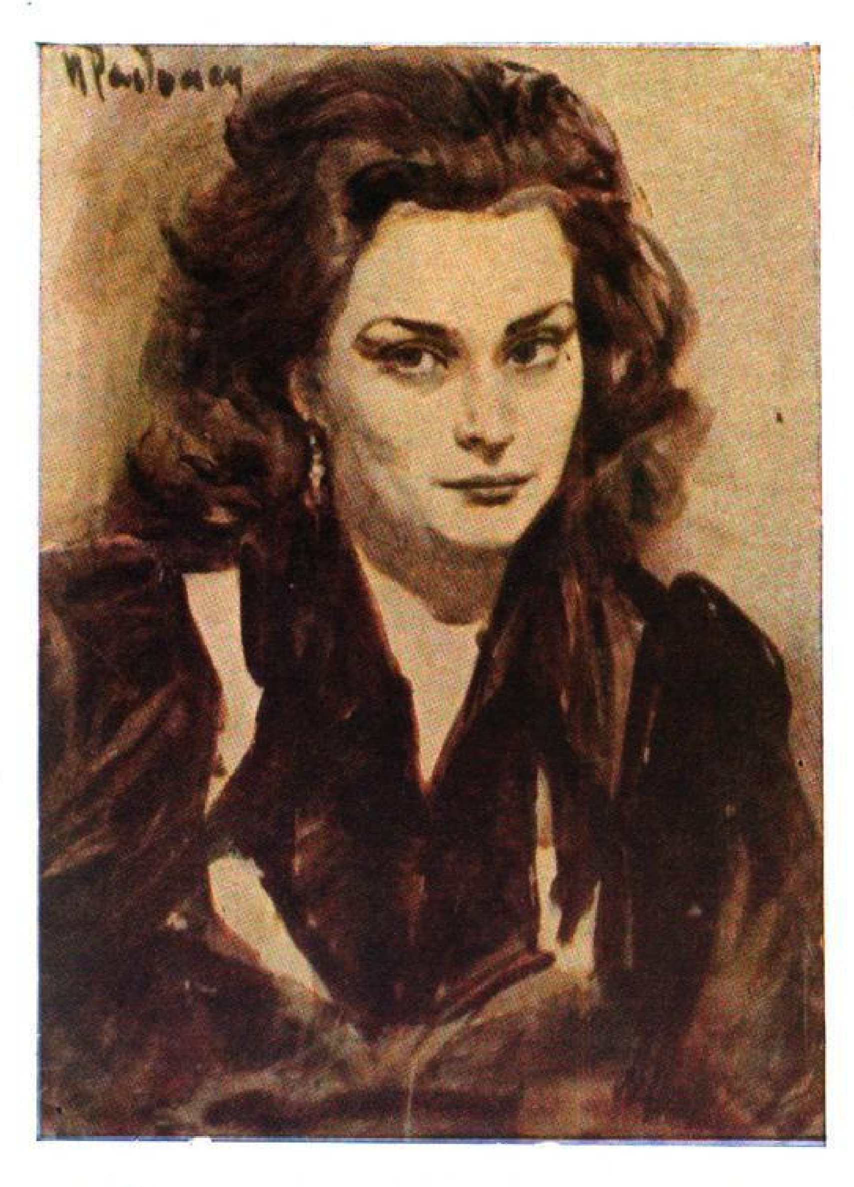
«Огонек». 1954.

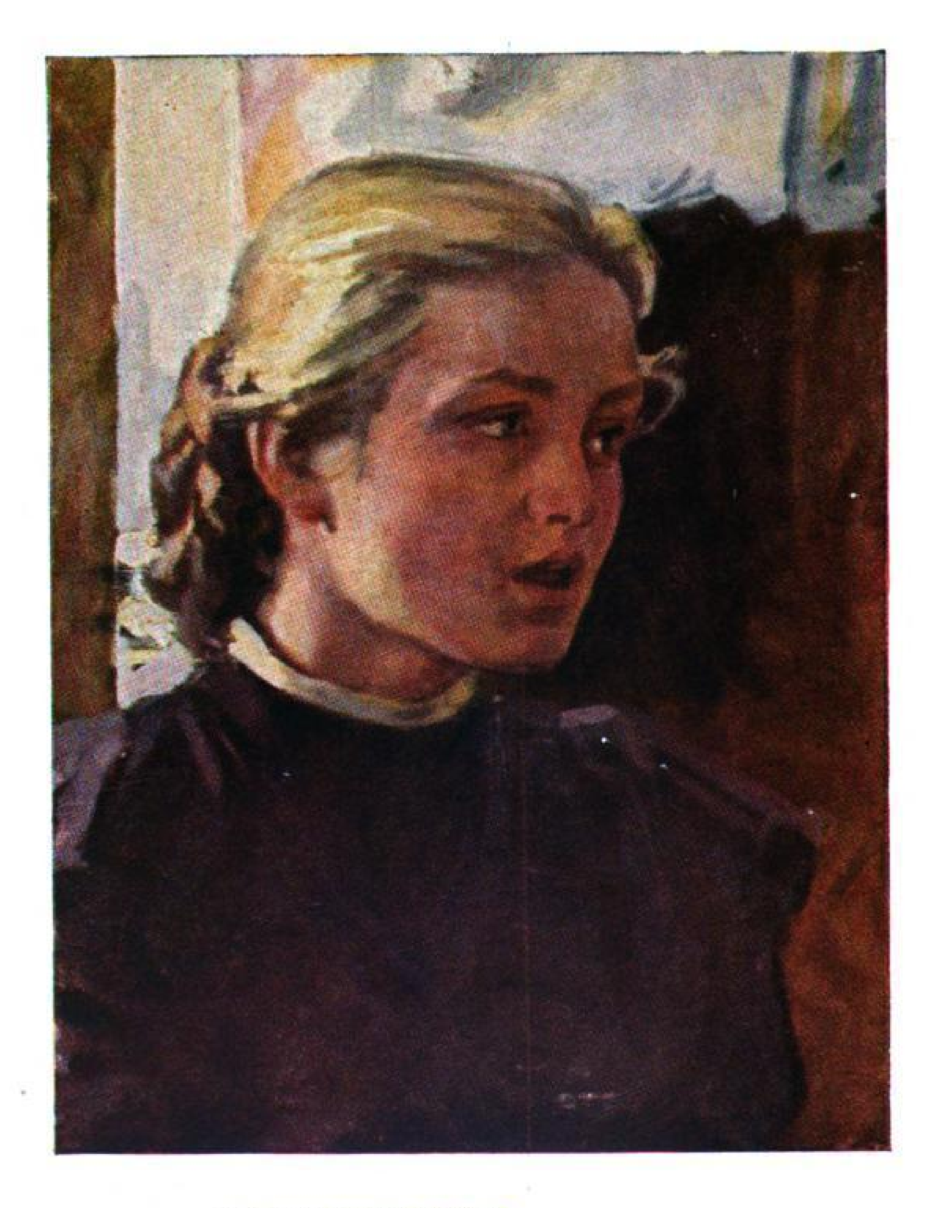
Б. Неменский. МЕДСЕСТРА.

Ю. Фролов. КОРЕЯНКА.

ЭТЮДЫ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

И. Радоман. ПОРТРЕТ.

Б. Шолохов. ПОЮЩАЯ ШКОЛЬНИЦА.

Эта несколько необычная выставка была развернута в Москве, в помещении Центрального дома работников искусств. Молодые живописцы и графики столицы представили несколько сотен своих этюдов — первые попытки воплощения серьезных замыслов, наброски пейзажных, портретных, сюжетных композиций.

В этюде художник обычно только нащупывает тему, так сказать, «прицеливается» к ней. Ясно, что к таким работам нельзя предъявлять тех же требований, что и к законченным, полностью завершенным произведениям. Но в этюдах особенно ясно и разносторонне раскрывается направленность исканий мастера, его метод.

Особенно интересным оказался портретный раздел экспозиции. Как правило, скромные, отнюдь не претендующие на эффектность портретные этюды молодых художников говорят об острой наблюдательности, пристальном внимании к духовному миру людей.

Так, в крохотном наброске В. Комардина «Ненец с арбузом» запечатлена целая биография. Перед нами пытливый, живого ума человек, немного наивный, но, должно быть, с жадным интересом относящийся ко всему новому, еще неведомому.

Еще более тонкую и сложную характеристику встречаем мы в «Медсестре» Б. Неменского (этюд к известной картине «Сестры наши»). Девушка чуть склонила голову, она смотрит на что-то свойственным задумавшемуся человеку невидящим взором. С замечательной полнотой рассказывает художник об обаятельной, мужественной девушке, которой довелось пройти сквозь тяжкие испытания фронтовой жизни.

Интересны этюды: Б. Шолохова — «Поющая школьница», В. Прибыловского — «Девочка на снегу». Эти образы овеяны поэзией радостного детства, свежестью восприятия мира. Художники шли от конкретных впечатлений, что и определило живую непосредственность их полотен.

Более обобщенно выполнен Ю. Фроловым портрет «Кореянки» — решительной, волевой девушки, мужественного представителя героического корейского народа.

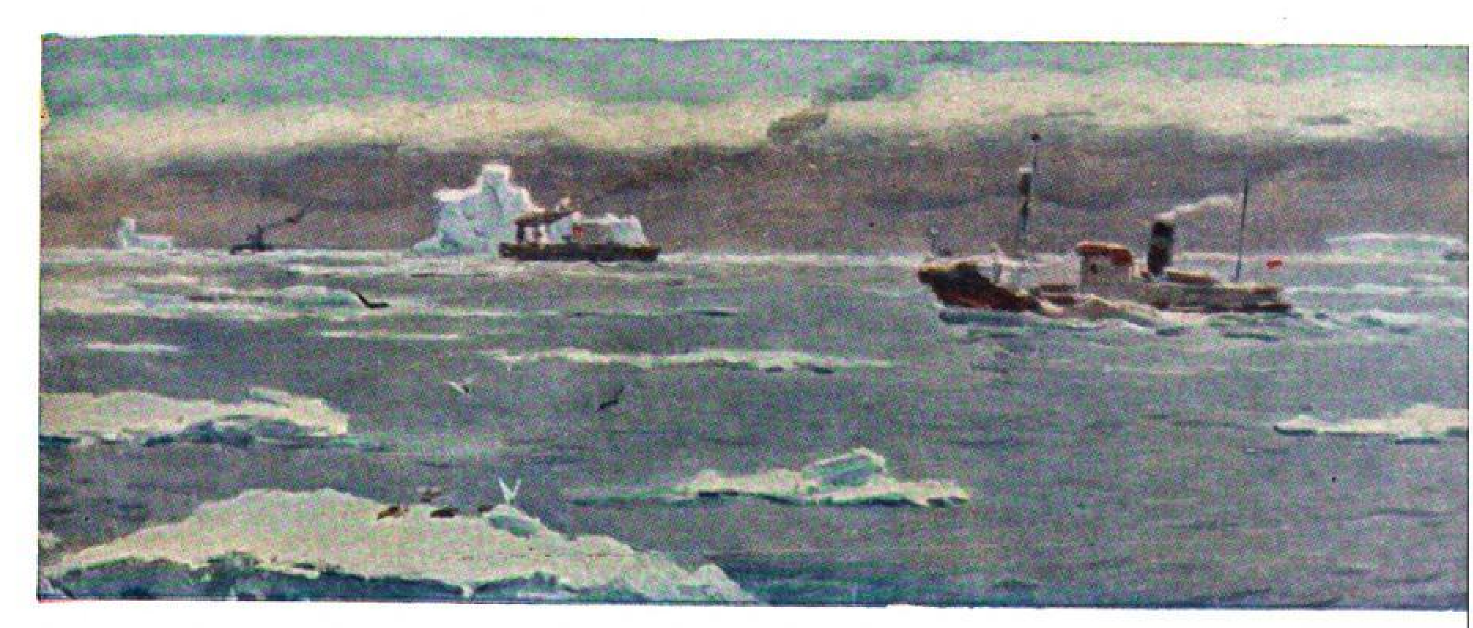
Простота и убедительность рассказа о человеке, стремление как можно полнее выразить характер — вот что в первую очередь свойственно портретным этюдам молодых живописцев.

Пейзажи занимали весьма значительную часть экспозиции. Поэтичен замысел этюда Г. Сателя «Май». На переднем плане видны кусты, подернутые белой дымкой весеннего цветения, а вдалеке сквозь туман проступают мощные контуры нового здания Московского университета. Полотно воспринимается как символ студенческой юности, радостной, цветущей.

Хмурую, но мягкую и сдержанную гамму красок мы видим в этюде Л. Постнова «Антарктика». Беспокойной, взволнованной выглядит запечатленная С. Фроловым природа Курильских островов: неровные конту-

Г. Сатель. МАЙ.

Л. Постнов. АНТАРКТИКА.

Н. Корниенко. У ОПУШКИ.

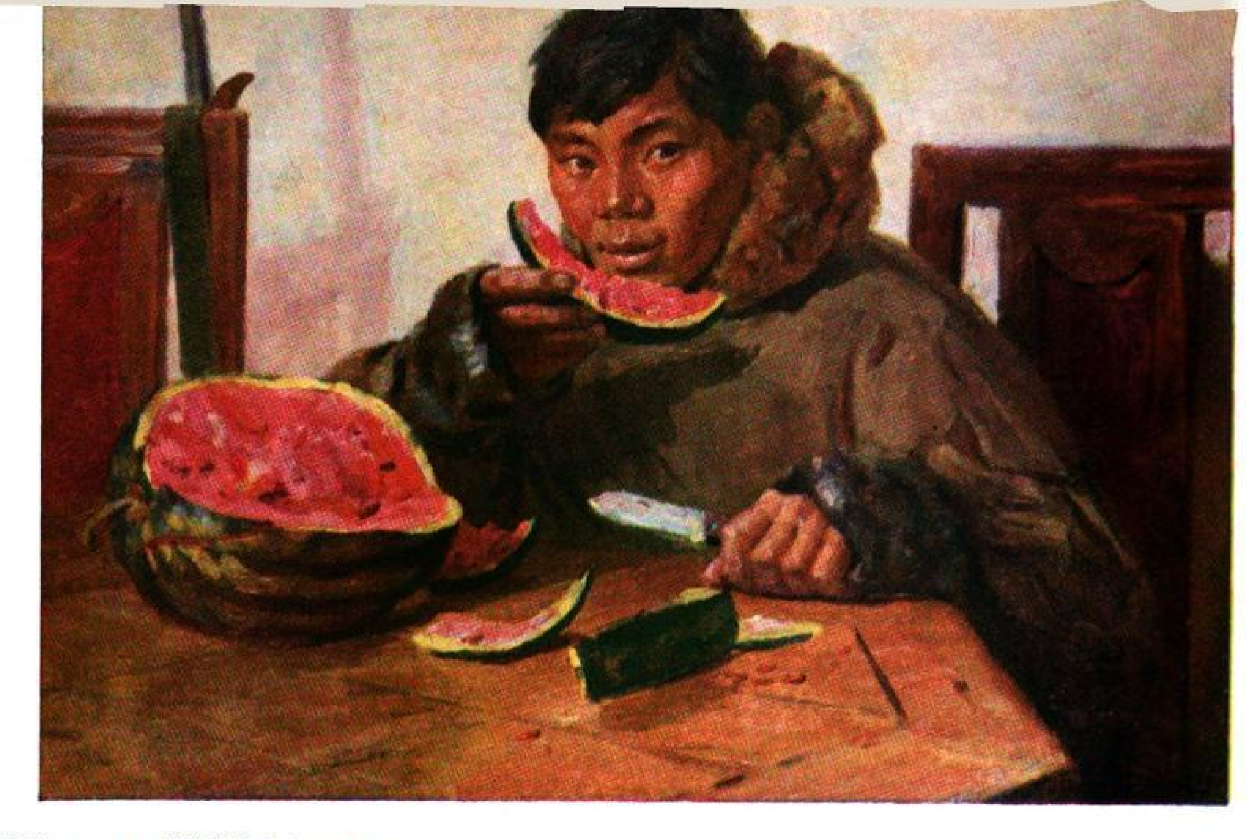
ры гористого рельефа, сгибаемые ветром лиственницы, дымящиеся сопки...

Среднерусская природа, казалось бы, знакома нам до мельчайших подробностей, и все же в изображении зоркого пейзажиста она всякий раз покажет зрителю те или иные еще неведомые ему особенности и оттенки. Спокойный, задумчивый «Вечер» В. Медведева, «У опушки» Н. Корниенко и некоторые другие пейзажные этюды — красноречивое тому доказательство.

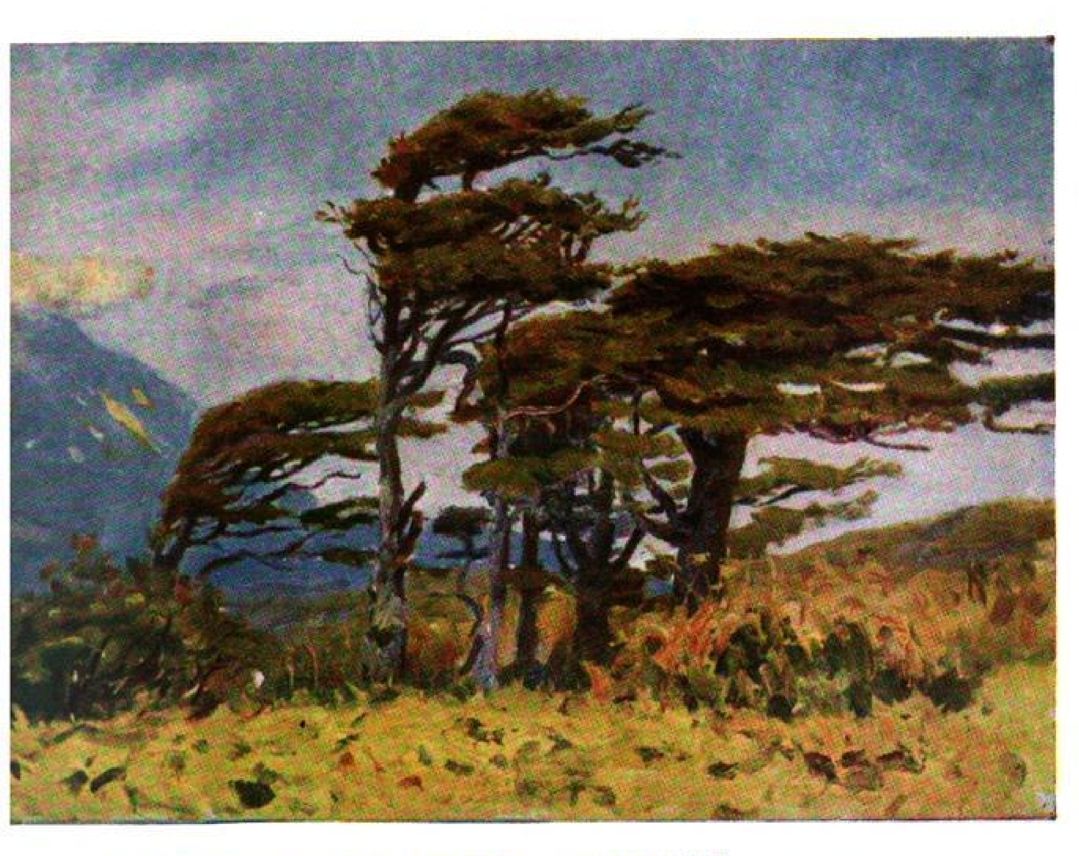
В Москве работает немало молодых мастеров графического искусства. К сожалению, графика скупо представлена на выставке. Но и среди немногочисленных показанных работ есть талантливые. Таковы, в частности, выразительные наброски зверей, сделанные С. Хинским.

Выставка этюдов молодых художников, своеобразная и по характеру представленных на ней экспонатов и по принципу организации (без жюри),— первый и удачный опыт.

А. КАМЕНСКИЙ

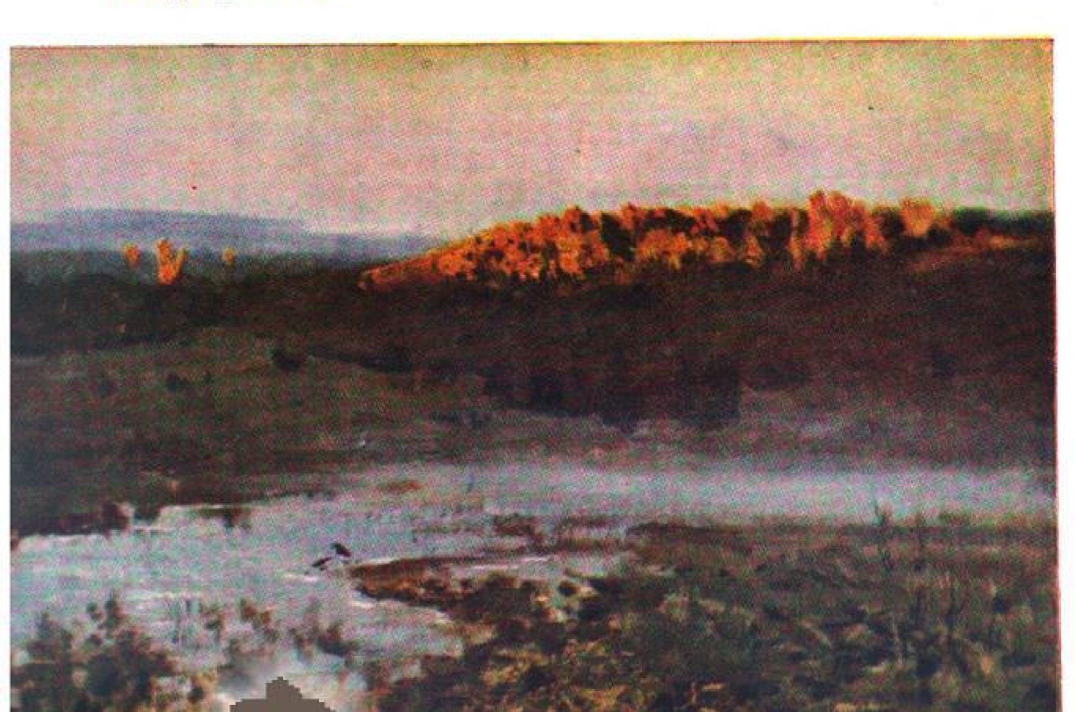

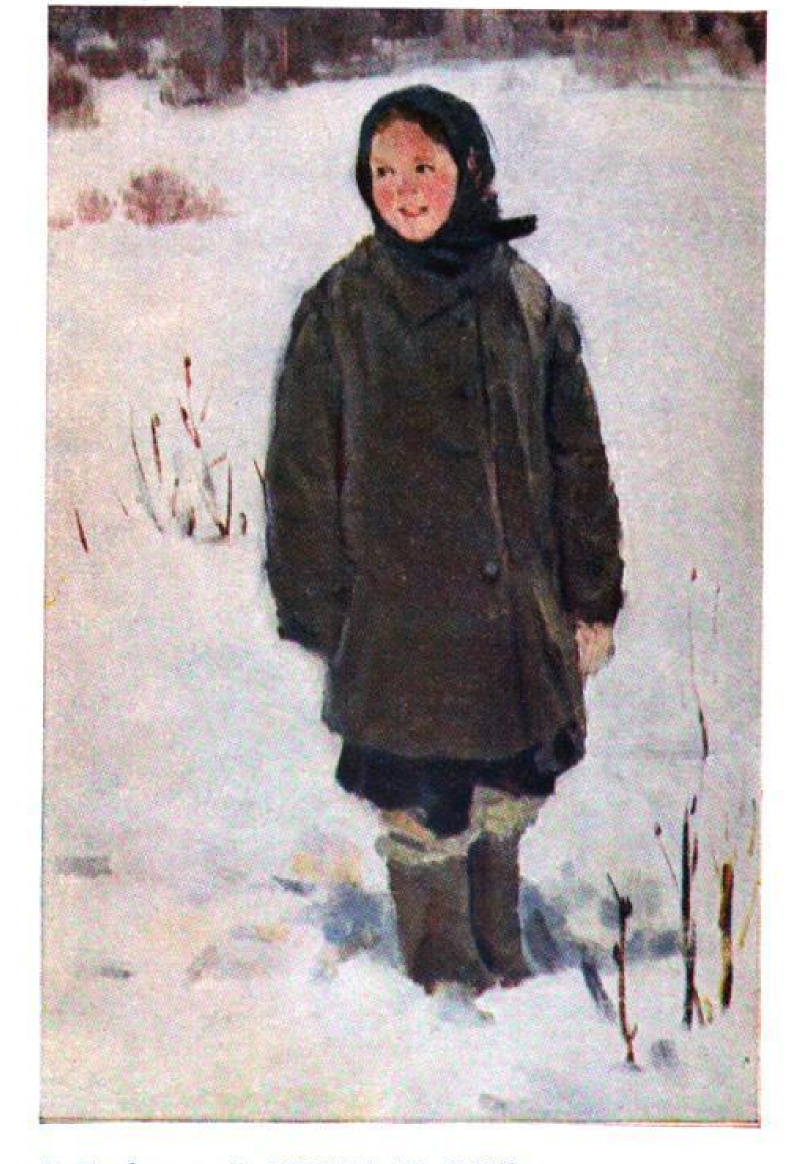
В. Комардин. НЕНЕЦ С АРБУЗОМ.

С. Фролов. КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА. ЛИСТВЕННИЦА.

В. Медведев. ВЕЧЕР.

В. Прибыловский. ДЕВОЧКА НА СНЕГУ.

ЧАСОК В ЗАХАРОВЕ

Рассказ

Иван НОВИКОВ

Что было в самом деле хорошо, так это прогулки во всякую погоду три раза в день.

Лицейские сады, правда, не были похожи на милое подмосковное Захарово, с которым расстаться пришлось навсегда: бабушка Мария Алексеевна его продала. Там было настоящее приволье, простор. А тут и деревья так ровно рассажены, будто они не деревья, а чиновные гости на званом обеде, и дорожки, усыпанные чистым песком, напоминают ковры по коридору в лицейскую церковь.

Но все же это не класс, и не столовая, и не коридоры. Воздух шел с моря и, казалось, хранил в себе мерную упругость соленой морской волны; мирно, как зеркало, блистала озерная гладь, а стройные лебеди чуть поколыхивались над отражением в воде облаков, таких же полудремотных и белоснежных, как и они сами.

Весна в этом году не торопилась. Снег, правда, сошел, но сколько, гуляя, ни заглядывал Пушкин то под один кустик, то под другой,— не то что фиалки, но даже и желтой мать-мачехи не было видно. Пушкин невольно вздохнул, вспомнив Захарово: вот куда б убежать хотя б на часок! И чуть закусив губу и даже слегка закачав русой своей кудрявою головой, он сделал усилие и удержался от повторного вздоха: больше всего он боялся и не любил, чтобы другие видели, как он почему-нибудь вдруг заволнуется или чересчур загрустит...

Он взмахнул широко руками — как перед полетом крыльями птица — и, нарушая правила общей прогулки, побежал в боковую аллею к беседке, которую звали «Грибок» и где хорошо бывало укрыться от летнего внезапного ливня. Там никого сейчас не было, и маленький Пушкин, крепко переплетя пальцы и сжав по привычке обе руки у подбородка, присел у порога и снова задумался — о няне и о Захарове: как было бы там теперь хорошо и как бы резвился он между берез у пруда!

Но тут-то и начались неприятности.

Прежде всего ему помешали быть одному. Его проследил узколицый Сережа Комовский. Недаром его прозвали «Лисичкой»! Он тихо подкрался к «Грибку» с другой стороны и, сложив ладони у рта, громко «гукнул» чуть не в самое ухо Пушкину. Тот вскочил — и испуганный и рассерженный. А «Лисичка» уже улыбался хитро и довольно.

Никакой потасовки, однако, не вышло. Было хуже. У Комовского, кроме «Лисы», была еще кличка — «Смола». Так и тут он пристал и пристал со своими нравоучениями, что нельзя, дескать, так убегать, что надо слушаться надзирателей...

— А ты сам?.. А ты сам убежал?

— Я ради тебя. Я тебе хотел наставление сделать...

Пушкин слушал, слушал его, а под конец показал ему самый длинный нос, какой только сумел, и ускакал.

Другая неприятность случилась вечером. День был среда, а по средам в большом зале со старинною мягкою мебелью и зеркалами во всю стену были то танцы, то фехтование. Пушкин уже приготовился пофехтовать с Сережей Комовским: онтаки достанет его рапирою где-нибудь возле плеча. Но вместо того были объявлены танцы.

Оно ничего бы и танцы... Но, пустившись, как тогда говорили, «в плясы», юный поэт так увлекся, что поскользнулся, схватил стул рукою — не удержался сам, и его повалил, и кого-то еще подшиб по пути... Опять его подняли насмех; опять неприятность; опять замечания!

Когда все улеглись, по обычаю, он стукнул в стену из своего номера четырнадцатого в номер тринадцатый. Пущин ответил тотчас. Александр все в своем друге любил: и весь склад его, крепенький, плотный, и круглое свежее личико, и самый голос, манеру его говорить — такую особенно русскую, как будто и не слова произносит, а яблоко ест осеннее, крепкое.

Так было и нынче. Пушкин излил все свои беды, Пущин спокойно ему отвечал. Но когда Александр стал начерно складывать какой-то стишок про Комовского и окликнул для верности милого друга: «Ты слышишь?»,— ответа ему не последовало. Пущин, набегавшись, сладко уснул.

Эта последняя неприятность, пожалуй, была самой обидной. Но что делать? Не будить же его.

Пушкин и сам стал искать, как бы ему поудобней улечься. Когда бывал весел, он засыпал как бы нечаянно, сразу. Когда же томило его что-нибудь, он долго ворочался — то на один бок, то на другой, то ногу подожмет, а руку выкинет сверх одеяла, то обе руки одна на другую сложит на грудь, и сам весь свернется калачиком... Но вот и уснул. Тронул себя: а где же сюртук с отворотами? Глянул: а где серые брюки? Да как же так сталось? Он в легких штанишках и в простой рубашонке, перехваченной небольшим пояском с синими кисточками, а на ногах, на ногах совсем ничего: так легко и свободно!

Он смотрит от дома: березки, захаровский пруд и дальше знакомые густые ели; на них и в самый жаркий летний денек глядеть бывало прохладно... Но пришлось обернуться и к дому. Да, из окна, из-за кустов цветущей фуксии, такая же красивая, как и этот цветок, напоминавший кораллы, в легкой жемчужной сетке на волосах, с открытою строгою шеей — мать его, матушка Надежда Осиповна:

— А куда ты дел свой лицейский мундир? А где твоя треугольная шляпа?

Тронул и голову: батюшки-матушки!.. И на голове как есть ничего! А ветер, ласковый да деревенский, и себе — рядом с его жаркою смуглой рукой — перебирает густые своевольные кудри... Ну и что ж? Так бывало и раньше: за кустик, да за другой, да к флигельку... и не к маме, а к «мамушке», к нянечке-няне!

— Опять ведь от барыни, от матушки от родной, опять, знать, в кустах Александр-то Сергеич хоронится... Ай стыд-то, ай грех!

Сама Сашу стыдит, а голос-то мягкий, голосто добрый. И сама она мягкая, теплая, и от нее пахнет душистым чайком... Чайком да еще и пареной грушей: она очень любила в русской печи в горшочках томить дикие мелкие груши; из кислых они, будто в сказке, становились душистыми, сладкими, и он сам тоже их очень любил! Да у няни и все хорошо! И как с няней легко!..

Это не то что какая-нибудь важная дама, перед которой непременно надо шаркнуть ножкой да подойти к ее ручке. И она сама никому не приседает — да об этом смешно и подумать! А сколько у нее новостей: и кто с кем поссорился, и у кого зацвела в огороде капуста, и как у Антошки, деревенского музыканта, балалайка его, как играл, распалась на части: и смех и грех! А то милая «мамушка» и сама попоет, как птичка-синичка за морем жила, за морем жила да пиво варивала. А сказки, а приговорки?.. Да она и сама будто «птичка-синичка»!

Он охватил крепко няню обеими руками и сам услыхал, как на его спину легла широкая ее, теплая рука. Смутно ему вдруг показалось, что на кого-то недавно он обижался... Да на кого и за что? Да и нет обиды такой, какая бы под этакой доброй рукой не растаяла, как легкая льдинка на солнце...

И оба услышали в ту же минуту, как им приказывали из господского дома явиться обоим.

Арина Родионовна только крякнула, но ничего не сказала: что против барыни скажешь? Она только взяла пальцами нос и крепко потерла его: вот и вся ее досада. А идти все же надобно!

— А ты скажи, что я на пруду...

— Ну-ну, чего еще выдумаешь?

— А и выдумывать нечего! Я только часочек... часочек побегаю!

Тут он обернулся. Ему показался голос «Лисички»: «Слушаться надо!» Нет никого... И он еще шире взмахнул руками и убежал.

«Я только часочек!» Но и этот часок он не очень резвился. Зелень и запахи теплой земли, песни с деревни, шалун-ветерок, журчанье ручья. Так хорошо: няня, деревья! И вдруг увидал, чего так искал в парке Лицея: будто бы смятый, нежный цветок фиалки. Нет, не смят, просто еще он не проснулся, лепестков не расправил, не потянулся как следует!

И на постели — как следует — сам потянулся. Раннее утро глядело в окно: Захарово кончилось, снова Лицей!

Окно выходило в сад. Тихонько поднялся он и распахнул его настежь. Чуть постоял, привычной рукою, не глядя, взял с конторки перо и чернильницу и опять улегся в постель; тетрадка была под подушкой.

Какие-такие «обиды» и что это были за «неприятности»? От них нет и следа! На душе было ясно, светло и прозрачно. Он окунул в чернила огрызок пера и быстро начал писать. Строчки ложились одна возле другой. Он писал про свое милое Захарово, где липа, черемуха, тень от березы,

Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора...

Недавний сон под пером его становился опять самою настоящею явью. Так и всегда бывало, когда он писал стихи: все, что было вокруг, как бы уходило куда-то, испарялось, а он жил самою яркою жизнью среди всего того, что создавал.

ОСТРОВ ХАЙНАНЬ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Погода несколько раз менялась, когда мы переплывали Хайнаньский пролив: то жарило солнце, то шел ливень, такой теплый, словно эту воду специально подогревали на небе; то попадали в непроницаемую гущу сивого тумана,— и наше судно начинало беспрерывно подавать громогласные сигналы, чтобы не стукнуть во мраке какую-нибудь мимо плывущую джонку.

Я никогда не бывал в тропиках, поэтому остров Хайнань представлялся мне в воображении как некое сказочное чудо.

На острове в последних числах февраля стояла московская июльская жара. Я очутился в гигантской оранжерее. В зеленой чаще тропической растительности, словно изваянные из камня, возвышались серые безлиственные деревья, унизанные огромными багряными цветами, на кокосовых пальмах висели орехи величиной в среднюю тыкву, а на банановых деревьях — спелые пучки плодов.

В январе здесь уже сняли урожай арбузов; в декабре пропололи рис, и он уже колосился; помидоры, бататы, капусту сажают круглый год.

В первые же дни поездки по острову мои карманы оказались набитыми образцами его богатств: бобами какао и кофе, орехами бетеля и каучуковых деревьев, душистой померанцевой травой, обрезками веревок, сплетенных из растения, называемого «язык дракона», листьев ананаса и волокна кокосового ореха; кусками железной, оловянной и свинцовой руд, ветками белых кораллов, пахучими щепками сандалового дерева и увесистого, как медь, железного дерева. И эту коллекцию можно было бы пополнять до бесконечности: Хайнань — сокровищница тропических богатств южного Китая.

Центральное народное правительство Китая создало сейчас на острове все условия для того, чтобы с помощью самых современных методов можно было добывать, выращивать, множить его богатства.

Несут камни для стройки.

Необозримые поля ананасов простерлись, словно бахчи на Украине. Тысячи гектаров земли подняты под посадки ценных пород тропических деревьев. Сооружено множество водохранилищ, оросительных систем, построены новые дороги, мосты, поселки, здания. Земли, на которых раньше были джунгли, приносят сейчас по три урожая риса в год.

Хайнань был освобожден частями Народно-освободительной китайской армии в апреле — мае 1950 года. Гоминдановцы пытались превратить остров во второй Тайвань, но героическая многолетняя освободительная борьба населения острова не дала возможности империалистам превратить его в свою цитадель.

17 июля 1943 года Ван Го-син, вождь народа ли, ныне председатель правительства автономного национального района Хайнаня, поднял против гоминдановцев восстание в горах уезда Боша. Вооруженные луками, копьями и стрелами мужчины и женщины народа ли вместе с народом мяо захватили главную базу гоминдановцев — город Бошань. У брошенных против повстанцев регулярных частей гоминдановцев были американские пушки и пулеметы. Повстанцы отступили в горы. Окруженные со всех сторон, они умирали с голоду, но не сдавались. В апреле 1944 года Ван Го-син с двадцатью воинами пробился в долину, рассчитывая разыскать там китайских партизан. Больше половины его спутников погибло в пути. В городе Мингао он нашел членов подпольного обкома Коммунистической партии Китая. Китайские партизаны пришли на помощь повстанцам, и вскоре гоминдановцы были выбиты из района Боша. Этот район стал основной базой партизанского движения на острове и до самого завершения освобождения Китая оставался в руках народа. Мы встретились с Ван Го-сином в столице автономного национального района — новостроящемся городе Тэишэ.

На плоскогорье, среди тропических зарослей, возвышались новые здания правительственных учреждений с колоннами и арками у входов. В строительных лесах стояли другие здания. Тысячи китайских каменщиков отделывали гранитные глыбы, которые шли на различные стройки этого возводимого на глазах нового города.

Ван Го-сину пятьдесят восемь лет. Маленького роста, коренастый, с выражением величественного спокойствия на бронзовом лице, он протягивает руку и говорит, нежно и ласково улыбаясь:

— Вы советские люди! Сердце нашего народа полно любви к вам, носителям великой дружбы народов.

Я попросил Ван Го-сина ознакомить нас с тем, что сделано народным правительством в национальном районе.

— Чтобы быть кратким,— сказал Ван Го-син,— я буду говорить цифрами. Они еще очень скромны, но для нас они окрашены цветом радости.

В 1953 году государство построило в нашем районе 32 ирригационных сооружения, и свыше 40 тысяч му земли стали орошаемыми. Через месяц заканчивается новое государственное ирригационное сооружение еще на 35 тысяч му, кроме того само население завершило более 3,5 тысячи небольших ирригационных строек, позволяющих оросить 6 314 му.

За три года мы создали у себя здесь 242 начальные и 4 средние школы, педтехникум, медицинские пункты, где работают 2 145 акушерок.

До освобождения на каждые 100 детей у нас умирало 58, но уже в позапрошлом году эта цифра снизилась до 5.

Вот пример: волость Дапянь. Девять дворов из десяти шесть месяцев в году голодало; люди здесь ели траву, одежды не было, носили только повязки на бедрах из пальмовых листьев, ни у одной семьи не было скота.

В 1951 году крестьяне волости Дапянь купили 45 буйволов и 36 плугов. В следующем году они построили 43 новых больших дома и купили 54 буйвола и 77 плугов.

Ван Го-син продолжал перечисление благодеяний, которые принесло освобождение народу Хайнаня:

Председатель правительства автономного национального района Ван Го-син.

— Тысяча семьсот шестьдесят два человека из ли и мяо окончили различные школы кадровых работников, сейчас они своими знаниями помогают нам стать мудрыми хозяевами. История народов ли и мяо насчитывает много тысячелетий. Но их существование было подобно медленной и неотвратимой смерти. Наши народы дичали, вымирали. У нас была поговорка: «Чем больше мы живем на земле, тем хуже нам».

Наши старшие китайские братья помогли нам обрести свободу. Четыре года — это только первые шаги по ступеням новой жизни. Но как они огромны, судите об этом сами...

Вместе с Ван Го-сином мы побывали на стройках нового города. Плечом к плечу с китайскими мастерами там работала молодежь из народа ли и мяо.

Мы были в библиотеке, в клубе, на стадионе, беседовали со студентами и только дивились той быстроте и жадности, с какой они овладевают различными знаниями.

Я записал почти дословно то, что сказал студент Ван Го-хуа из волости Хунмау, где в 1944 году гоминдановцы из 1 700 семей народа ли уничтожили 900.

«Враги радовались тому, что мы в их глазах выглядели дикарями,— говорил Ван Го-хуа.— Да, мы ходили полуголыми, и оружием нам служили только луки и копья. Враги потешались над нашими древними обычаями. Но мы были настоящими людьми, потому что не боялись смерти, если надо умереть, чтобы добыть себе свободу. Однажды наш вождь Ван Го-син сказал, что ему приснился сон, будто в горы идут к нам на подмогу наши ханьские братья, и у них красные крылья. И мы поверили ему, будто действительно могут быть на свете люди с красными крыльями.

Мы не догадывались, что он так тогда называл коммунистов. Мы хорошо знали: не осво-

бодимся от гоминдановцев и японцев — погибнем все. Ведь только в деревне Баотин они в одну ночь истребили 2 тысячи женщин, стариков и детей. Наши сердца были открыты тем, кто боролся против врагов народа. Когда мы узнали, что эти люди называются коммунистами, мы решили, что слово «коммунист» означает — лучший человек. И этим именем называли очень долго своих героев. Наш народ отстал от других народов на сотни лет. Но нет времени более быстрого, чем то, которым мы живем сейчас, нет силы более могучей, чем дружба народов... С помощью старших китайских братьев мы наверстаем то, что потеряли в веках рабства и унижения.

Я сын народа ли, где чудом техники считалось фитильное ружье. Теперь я могу управлять трактором. Я грамотный человек, я знаю, как выглядит новое здание Московского университета, Красная площадь. Я знаю, почему американцы не хотят мира, а хотят, чтобы все народы были повергнуты в ту жизнь, которую влачили народы ли и мяо.

Когда мы, полуголые, с луками и копьями, с десятком фитильных ружей, сражались против врагов нашей родины, вооруженных американскими пушками, пулеметами и автоматами, для нас желание свободы было сильнее смерти.

В некоторых наших отрядах одну треть составляли женщины. Они шли на врагов с серпами, и когда получали раны, то обрезали у себя волосы и затыкали пучками волос раны, чтобы не истечь кровью, прежде чем удастся приблизиться к врагу. Когда гоминдановцы окружили нас в горах и зажгли леса, мы обмазались глиной и бросились сквозь огненное кольцо на врагов.

Когда мы умирали с голоду, гоминдановцы кидали на скалы бараньи туши и расстреливали матерей, которые шли на смерть, чтобы добыть пищу своим детям. А мы отдавали последнюю еду пленным гоминдановским солдатам у себя в лагере, чтобы быть человечными. Мы были темным народом, но чистый свет свободы нам был понятен. И если старики молились тогда своим богам, чтобы они помогли коммунистам придти к нам на помощь, не улыбку это вызывает, а уважение, потому что это сила правды, которая проникала к нам сквозь толщу нашей темноты...

И когда коммунисты пришли к нам, мы не поразились тому, что они оказались самыми обыкновенными людьми, без всяких красных крыльев. Их слова были всем нам понятны; мы все жаждали свободы, счастливой жизни, но не знали слов, какими все это надо называть».

Я с волнением слушал эти горячие слова студента Ван Го-хуа. И весь остров Хайнань вставал перед моим взором могучей твердыней человеческого духа, где больше двадцати лет люди бесстрашно боролись за свободу и победили...

Путешествуя по острову, мы как-то остановились в деревне Бенли. Здесь из 54 семей 44 вступили в группу взаимопомощи. Коллективные формы организации труда принесли свои богатые плоды. В прошлом году на острове разразился страшный тайфун. Он положил все посевы риса, но группы взаимопомощи Бенли собрали риса на десять тысяч цзиней больше, чем в 1952 году.

Партийная организация деревни Бенли — ее возглавляет Ли Хун-чжан — существует двадцать семь лет без перерывов; есть тут группа старых коммунистов.

Ли Хун-чжан говорил нам:

— Такие старейшие партийные организации, как наша, не исключение на острове. Уже в двадцатых годах у нас в деревне были и пионеры, и комсомольцы, и многие сегодняшние «старики» тогда были пионерами.

Когда гоминдановцы открыто перешли на сторону японцев, они стали выдавать им наших коммунистов, участников партизанской борьбы. Нам надо было спасать молодежь от гибели. В горах мы организовали убежища. Много людей было расстреляно и растерзано в застенках. Коммуниста Цзинь Чуань-фаня враги прибили гвоздями к доске и водили по деревне для устрашения населения. Цзинь Чуань-фань шел с улыбкой и говорил крестьянам: «Смотрите, враги распяли меня, как христианского Иисуса. Но я не Иисус. Думайте о том, как нужно обращаться с врагом!» — И ударом ноги он сшиб сопровождавшего его офицера. Цзинь Чуань-фаня изрубили в куски у двери его дома.

Больше половины из шестисот коммунистов волости были убиты или казнены японскими оккупантами. Но на смену им в партию шли новые люди. Народ не прекращал борьбы. Летели на воздух японские и гоминдановские блокгаузы, горели деревни, где расположились вражеские гарнизоны.

Отступая перед нашей Народно-освободительной армией, гоминдановцы перетащили на остров лучшие свои дивизии, вооруженные американцами. Гоминдановский корпус безопасности использовал здесь все ужасающие приемы карательных экспедиций. Но на Хайнане к этому времени из партизанских отрядов выросли воинские части. Партизаны делали из бамбука плетенки, набивали их пальмовым волокном, смешанным с глиной, и, пользуясь этими щитами, штурмовали опорные пункты гоминдановцев, набрасываясь с ножами на вражеских пулеметчиков.

В 1949 году по всему Хайнаню был проведен народный заем, чтобы создать фонд продуктов для Народно-освободительной армии, когда она вступит на остров.

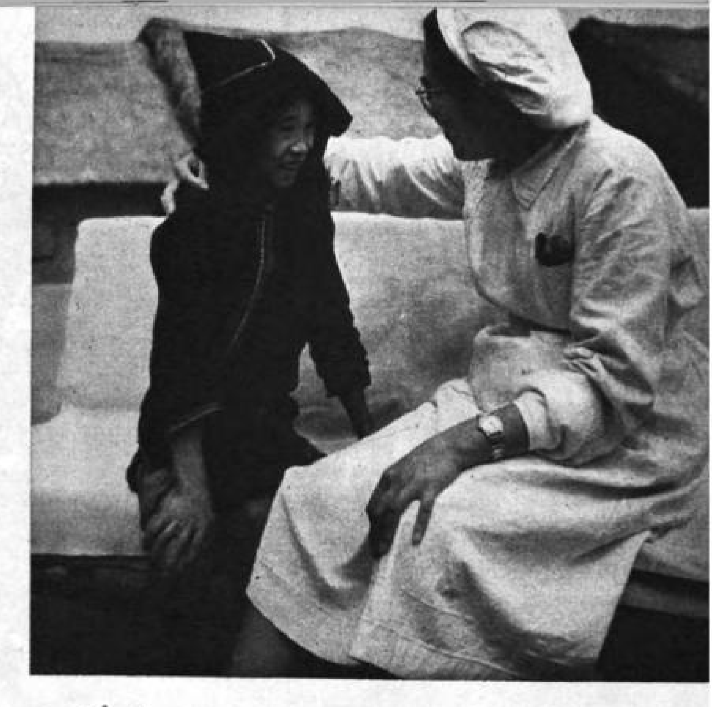
Когда первый полк Народно-освободительной армии Китая высадился на побережье, крестьяне села Бенли приняли участие в победоносном сражении. Но еще задолго до высадки десанта была сделана надпись на доме, где помещалась партийная организация: «Коммунистическая партия и народ едины и бессмертны». Вот она, смотрите, написана на стене красными иероглифами!

Мы смотрели на эту надпись, уже потускневшую от времени, и на лица крестьян-коммунистов, пришедших сюда прямо с поля. Мы отвечали на их простые и деловые вопросы: какие новые методы советские колхозники применяют сейчас для того, чтобы поднять урожайность своих полей? Разработан ли в Советском Союзе способ изготовлять удобрение из океанских водорослей, и у кого об этом можно узнать? Как корчуют в Советском Союзе деревья при подъеме целины? Что такое хаталаборатория? Сколько стоит в Советском Союзе трактор? Потом крестьяне показывали нам свое хозяйство.

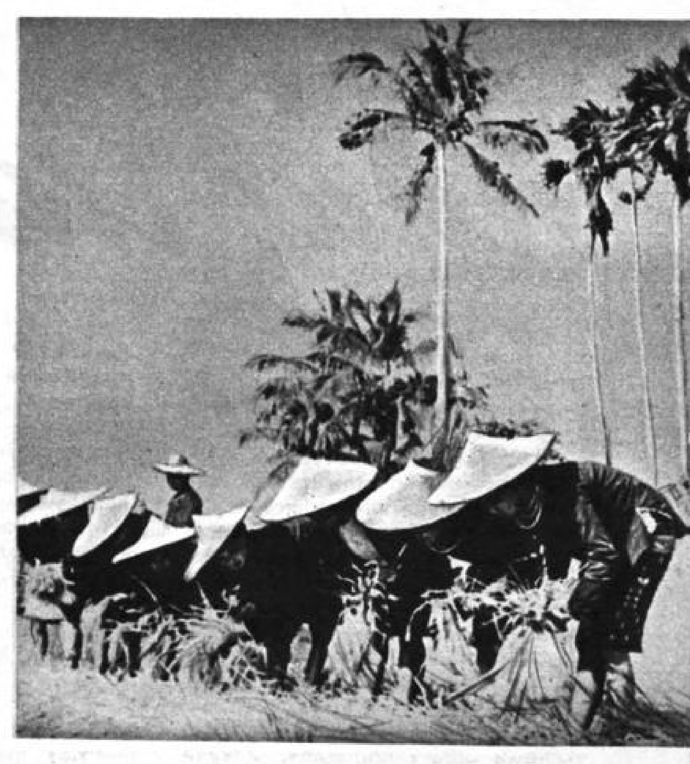
Дул теплый и влажный ветер, терпко пахнущий водой океана. Гигантские кокосовые пальмы вздымали свои кроны в зеленое небо. На ветках деревьев, называемых «глаза дракона», висели зеленые гроздья диковинных плодов.

Здесь, в тропических широтах великого китайского народного государства, крестьяне Хайнаня уверенно, спокойно, деловито и с размахом строят свою жизнь, чтобы этот остров зеленых сокровищ одарил народ всеми благами, которые были отняты у него на протяжении многих столетий.

Остров Хайнань.

Китайский врач с девушкой из деревни народа мяо.

На поле.

Собрание женщин народов ли и мяо.

Будущие спортсмены следят за каждым движением Михаила Крючкова.

Наш марафонец

Я. МИХАЙЛОВ

Фото А. Бочинина.

Поздним вечером, когда клуб уже опустел, в зрительный зал вошел неприметный с виду приземистый паренек. Его можно было принять и за тракториста, и за студента техникума, и просто за сельского активиста — участника художественной самодеятельности. Было неожиданно, когда клубный инструктор-массовик отрекомендовал вошедшего:

— Наш марафонец...

Протягивая руку, паренек едва слышно назвал себя:

— Крючков.

Внешний вид нового знакомого резко противоречил ходячему представлению о здоровяках-спортсменах и не отвечал его возрасту. Как я узнал потом, Михаилу Крючкову двадцать семь лет. Но по первому впечатлению его всякий назовет пареньком: живые, глубоко сидящие под темными бровями глаза, мальчишечий рост и угадывающаяся под пальто сухощавая фигура.

Откровенно говоря, слово «марафонец» я сперва воспринял с недоверием. Но мне сообщили его время: два часа пятьдесят две минуты. Не так уж плохо! Выходит, мне действительно довелось в небольшом, довольно отдаленном приокском селе Маливе, в двадцати километрах от Коломны, встретить настоящего марафонца.

* * *

Беседовали мы довольно долго, но я нисколько не жалел о затраченном времени. Передо мной была биография, примечательная своей обыкновенностью и подкупающая незаурядными фактами упорства в достижении намеченной цели.

Родина Михаила Крючкова — село Городец, Коломенского района. Родители, оба коммунисты, требовали от сына немногого: прилежной учебы и примерного поведения. Отец — председатель колхоза — напоминал: «Смотри, Михаил, учеба — это твое будущее». Говорил он это с тем убедительным напором и мягкой строгостью, какие свойственны умным, волевым людям.

Когда сын «укоренился в годах», стал подростком, отец как бы мимоходом посоветовал: «Не мешает, Михаил, поработать в колхозе». Этого было достаточно, чтобы сын в летние каникулы вырабатывал по сотне трудодней. Не раз присуждали ему премии.

Потом пришло время идти в армию. Спустя год после окончания войны авиаспециалист Крючков подает рапорт с просьбой командировать его в военное училище. И тут Михаила постигает неудача. Даже больше, чем неудача: медицинская комиссия находит у Крючкова туберкулез и начисто отказывает в приеме.

Со свидетельством об увольнении из армии Крючков отправляется в село Городец. В дороге ему «страшно повезло». На одном из вокзалов у него похитили все документы, в том числе и свидетельство о болезни.

Чтобы возвратиться в свою часть, он снова проходит комиссию. Длительные исследования выявляют ошибку, и Крючков рад ей бесконечно. Он здоров. И скоро Крючков еще раз доказал это: выступая в соревновании, он приходит вторым к финишу в беге на пять тысяч метров.

В ту пору Крючков и услышал о существовании трудной марафонской дистанции.

Первое время никто не знал, куда исчезает в свободные часы старший сержант Крючков. Мало ли куда мог уходить мечтательный моторист! Ничего удивительного нет, что ему нравится встречать восход солнца в живописном Закарпатье.

А Михаил Крючков в это время на стадионе отсчитывал пройденные круги. Приятно бодрит утренняя прохлада. Свободно дышится. Легкие, заподозренные в неисправности, раздуваются, как меха. Сердце без перебоев отстукивает свой счет времени.

Тренировочные дистанции методично удлинялись: десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, тридцать, тридцать пять тысяч метров... Крючков ничего не говорил товарищам о своих планах и был доволен, что никто не догадывается о них.

Удержать в секрете тренировки было, однако, трудно. Однажды к Крючкову подошел футболист Борисов и заговорщицким тоном спросил:

— На сколько тренируешься?

Михаил смутился. Поняв, что «тайны» не существует, он признался:

— Тридцать пробегаю.

Бóльшей дистанции он не назвал. Борисов же и в тридцать не поверил. Заспорили.

Кончилось тем, что в один из ближайших дней они пошли вдвоем на шоссе. Борисов вел в руках велосипед.

Старт взяли одновременно: один — бегом, другой — на велосипеде. На пятнадцатом километре повернули обратно. Солнце пекло немилосердно. Велосипедист вытирал льющийся со лба пот, а Крючков все бежал и бежал...

Во время одного спортивного праздника Крючкову предложили выступить в беге на двадцать тысяч метров. Он согласился, но, выйдя на старт, пожалел об этом: часть стояла тогда на самом юге страны, жара была такая, что даже в тени дышалось тяжело.

Семь кругов Крючков прошел неважно. Только на девятом по-

— Знаете, что советовал мне Ванин?

Красивее всех прыгает Лида Туманова.

чувствовал, что начал «разрабатываться», и зрители заметили нарастание темпа. У бегуна родилось качество, которое он до сих пор называет спортивным самолюбием.

Объявили время: час четырнадцать минут. Показатель далеко не рекордный, но для Михаила Крючкова обнадеживающий.

Товарищи после этого шутили:

— Миша, ты скоро Ванина спихнешь с дорожки!

Приняв шутку как поощрение, Крючков продолжал тренироваться, уже не таясь от товарищей. Те выезжали на аэродром на автомобилях, а он, сдав комунибудь одежду, пускался бежать вслед за машинами. Зимой, так как лыжи в тех местах из-за отсутствия снега не в моде и асфальтированных дорог поблизости нет, Крючков использовал для пробежек обочину железнодорожного полотна. Бегуна принимали иногда за отставшего и догоняющего поезд пассажира.

У Крючкова появился альбом газетных вырезок, сообщающих о рекордах сильнейших бегунов. Строки газетных корреспонденций с фамилией Ванина были отчеркнуты, будто и впрямь Крючков воспринял шутку товарищей всерьез.

Однополчане относились к увлечению молодого моториста по-разному. Большинство одобряло. Были и скептики. Они расхолаживали: «Напрасно себя мучаешь. Без тренера ничего путного не выйдет...»

Никому ничего не говоря, Крючков отправил письмо в Москву. Ответа ждать пришлось долго. Михаил решил уже, что его запрос не попал по адресу, и тут ему вручили пакет. Произошло это при свидетелях, и они видели, как менялось лицо Крючкова при чтении ответа из Москвы. Оно то бледнело, то покрывалось пятнами румянца.

Письмо было теплое, дружеское и... требовательное до резкости. О большой марафонской дистанции в нем ни слова. Крючкову давали задание: пробежать дистанцию «малого» марафона за один час пятьдесят пять минут и тут же рекомендовали систему тренировок.

На последнем листке Крючков нашел приписку с обещанием вызвать в Москву, если он выполнит задание. Под припиской стояло: «Ванин».

Ну, теперь держитесь, скептики! На радостях Крючков добавил к тридцати километрам еще пять. Получилось нечто среднее между «малым» и «большим» марафоном. В Москву пошел отчет: 30 тысяч метров укладываются в 115 минут бега.

И опять потянулись месяцы тренировок и ожидания. Приходило одно задание за другим. Под ними попрежнему стояла фамилия Ванина. Михаил уже пробегал дистанцию «большого» марафона, а вызова все не было.

В 1951 году пришло обидно-утешительное письмо: «Не огорчайтесь. В этом году отбираем для соревнований в марафоне только неоднократных участников состязаний на эту дистанцию...»

И тут Крючков сдал. Не хватило выдержки. Он бросил тренироваться и взялся за городки.

Летом 1952 года, в дни областного первенства городошников, к Михаилу подошел капитан команды Шевцов и, ухмыляясь, начал рассказывать:

— Миша, знаешь, какой мне сон приснился? Приезжаем будто мы с тобой в часть... Да... Начальник штаба вызывает тебя и приказывает: «Старший сержант Крючков! Получайте документы! Поедете в Москву!»

Шевцов знал, что в штабе лежит телеграмма, задержанная до конца городошного первенства.

А Москва ждала. В Наро-Фоминске тренировалась команда марафонцев ЦДСА. Крючков прибыл с опозданием. Первым делом он бросился искать Ванина, но того в Москве не оказалось: он участвовал в международных состязаниях. Михаил почувствовал себя беспомощным. Ему казалось: будь здесь Ванин, все будет в порядке, а без него... Когда Ванин приехал и они познакомились уже лично, Крючков обрел уверенность, успокоился...

...25 августа 1952 года. Семнадцать ноль-ноль... На стадионе «Динамо» старт. Сто шестнадцать бегунов устремляются вперед. Крючков бежит наравне с мастерами спорта. Он в компактной группе соревнующихся. Но вот на шестнадцатом километре, глотнув глюкозы, уходит вперед сосед — мастер спорта Колесников. За ним на двадцать первом километре — Гоголевский. Потом отрывается Суслов.

И впереди и позади Крючкова много бегунов. Но когда от него отделились шедшие долгое время с ним вместе спортсмены, ему показалось, что он идет самым последним. И тут, по выражению Крючкова, у него «взыграло самолюбие». Обойден Суслов. На двадцать седьмом километре — Колесников. Потом Михаил обходит еще четырех бегунов, потом еще двоих. Больше обгонять некого. Вернее — некогда. Дистанция пройдена. Крючков пришел пятидесятым. Этот результат был радостной победой для спортсмена, «самосильно» одолевшего трудности «большого» марафона.

* * *

Демобилизация из армии. Михаил Крючков снова в родных местах. Его направили в село Маливу физруком десятилетки и Дома культуры.

Летом прошлого года, когда Крючков гостил в Городце, у родителей, из сельсовета прибежал запыхавшийся посыльный. Он пробежал не больше трехсот метров, а с полминуты потребовалось ему отдышаться, чтобы сообщить, в чем дело. Крючкова срочно вызывала к телефону Коломна.

С сожалением взглянув на посыльного, Крючков помчался в сельский совет. Ему предложили немедленно прибыть в Коломну за командировкой в Москву. Предстояли соревнования, и теперь он должен отстаивать честь спортивного общества «Колхозник».

Поезда на Коломну прошли. Оставался испытанный способ — бегом. Двадцать пять километров туда и столько же обратно. Хорошая дистанция! Дежурный посыльный, застыв на месте, оторопело глядел на быстро удалявшуюся светлую майку спортсмена.

...В Измайловском парке Москвы проходят предварительные забеги. Крючков чувствует себя в форме. Сегодня он порадует товарищей и своего учителя Ванина.

Перед самым стартом один из участников забега обращается к Михаилу с безобидной просьбой. Ему чуть-чуть малы туфли, а Крючкову его обувь, кажется, чуть-чуть велика. Михаил протягивает товарищу свои, а сам надевает вместо тридцать девятого туфли тридцать восьмого размера.

Первые пять километров Крючков бежит легко, едва касаясь дорожки, в голове колонны. Хорошо, без напряжения, проходит еще пять километров. Но вскоре он почувствовал, будто ему в туфли налили кипятку. Обувь обжигала ноги, земля казалась накаленной докрасна. А бегун продолжал проходить километр за километром, не желая отставать от шедших впереди.

Лежа потом с забинтованными ногами в постели, Крючков думал о трудностях спорта, о своих ошибках и слабостях. Упорства и «самолюбия», очевидно, маловато для успеха. Плохо еще он усвоил школу Ванина.

В Маливу Крючков вернулся обогащенный новым опытом. Его ученики стали замечать, что руководитель особенно настойчиво налегает на подготовку к бегу, на технику и часто спрашивает: «Обувь не жмет?»

Спортивная секция сельского клуба в Маливе не особенно многочисленна. Но она может похвалиться, если не числом, то качеством. Колхозник Евгений Аруев пробегает десятикилометровую дистанцию на лыжах за 36 минут. Василий Новиков бросает гранату на 44 метра, сто метров пробегает за 12,3 секунды. Недаром команда села Маливы получила почетную грамоту Московского обкома комсомола.

Кое-кто из начинающих бегунов мечтает о марафоне, но руководитель сдерживает особенно пылких и горячих, вспоминает вместе с ними о первом письме, полученном от Ванина. Авторитет мастера оказывает свое влияние, и молодежь внимательно прислушивается к тому, что говорит руководитель о негласном шефе маливских спортсменов.

А сам руководитель спортивной секции маливского сельского Дома культуры Михаил Федорович Крючков отнюдь не оставляет своей мечты о лучшем месте во Всесоюзном марафоне и попрежнему совершает сверхплановые пробежки. От Маливы до Коломны — 20 километров. Туда и обратно — дистанция «большого» марафона. Когда Крючкова вызывают в район, он по старой привычке не едет, а бежит. В недалеком будущем он рассчитывает встретиться со своим наставником на столичном стадионе. Если самому почему-либо не придется, не исключено, что этого добьется ктонибудь из его учеников. Можно быть уверенным, что «шеф» не откажет в поддержке...

Увлечение спортом начинается вот так.

Московский стадион «Динамо». Среди сильнейших марафонцев страны — Михаил Крючков.

Садитесь за руль!

С. ФРИДЛЯНД

Пережидая нескончаемый автомобильный поток, присмотритесь к людям за рулем. Среди них много автолюбителей; они сидят в кабинке так же непринужденно, как и профессиональные водители, так же смело бороздят бурные столичные улицы и так же опасливо наблюдают за карающей десницей регулировщика...

Но заветную книжечку, которой Государственная инспекция утверждает ваше право на вождение личного автомобиля, не так легко получить.

Вот почему вечерами классы Московской автолюбительской школы на Арбате до отказа заполняются будущими владельцами автомашин. Какая разнообразная аудитория: инженеры, врачи, рабочие, служащие, педагоги, домашние хозяйки, ученые.

Небогато оборудованы комнаты подвального этажа. В тесноте да, пожалуй, и в обиде на равнодушных людей, забывших о большом и полезном деле, проходят занятия. Но любители с помощью опытных педагогов упорно идут к заветной цели.

...В эти часы будущие водители забывают о своих дневных заботах: о цехе, о научной лаборатории, клинике, кухне. Сейчас их мысли заняты коленчатым валом, системой смазки двигателя, ходом поршня в цилиндре и множеством других, поначалу трудно запоминаемых деталей автомобильного организма.

←

Домашняя хозяйка Евгения Блинова спорит с врачом И. Чеховским о принципе действия водяного насоса. Кто из них прав? Стоящий справа актер К. Неронов, видимо, еще не может вмешаться в спор с нужным знанием дела.

Но это еще не беда — к изучению системы охлаждения только приступили. Хуже положение у гравера В. Соловьева: на носу экзамен, а отвечает он путано. Педагог Н. В. Школенко, недовольно поджав губы, терпеливо ждет. Молодой человек почесывает затылок, но этот стародавний прием поиска истины вряд ли поможет ему объяснить, как работает коленчатый вал.

→

А знать все это надо. Вождение автомашины — это не только чудесное ощущение подвластной тебе скорости. Это и возможная неисправность — ее надо устранить. Это и возможная опасность — ее надо избежать.

Уверенно чувствует себя слесарь А. Вагин (слева от педагога). Словно находясь уже в кабине своей будущей автомашины, он, сообразуясь с жестами игрушечного милиционера, быстро и правильно проводит маленький макет через оживленный перекресток. Руководитель кафедры правил уличного движения С. Тер-Исраелян устанавливает на макетном столе все более сложные варианты.

Первые часы практической езды... Пускай еще в полупустынном переулке возле Собачьей площадки, а не на центральных магистралях столицы, но тебя уже окружают не классные макеты, а настоящие действующие рычаги и педали. Первый неуклюжий рывок — и автомашина медленно трогается с места. Чудо случилось, и с этой знаменательной минуты рождается прочная, уже не уходящая страсть любителя-автомобилиста.

У художника Е. Шишловского последний перед экзаменами урок практической езды на грузовой машине.

Кстати, почему на грузовой? Ведь любители будут ездить на «Москвичах» и «Победах»! Но именно этими старыми полуторками выпуска 1937 года и оснащена единственная в столице школа автолюбителей.

Свыше тысячи любителей выпустит в этом году автомотошкола Московского центрального спортивного автомотоклуба. И для каждого из них через два с половиной месяца учебы приходит свой час экзамена.

В специально оборудованном кабинете Государственной автомобильной инспекции мы снова встречаемся с учениками и педагогами школы.

Слесарь А. Вагин и механик Я. Парола через несколько дней получат водительские права. Мечта о летнем путешествии на своей машине к побережью Черного моря близка к осуществлению.

Успешно, как и полагается профессору, на круглые пятерки сдал экзамены Александр Михайлович Ладыженский. И вот он спокойно и уверенно ведет свой «Москвич». Видимо, такая уверенность не окрепла еще у его супруги Натальи Дмитриевны. Но это уже дело привычки...

На дачу!

Ох, неприятность!..

Первый штраф.

Дачный гараж.

Изошутка Ю. Черепанова.

Письмо молодого читателя

В нынешнем году «Огонек» опубликовал ряд материалов о недостатках в воспитании молодежи. В редакцию приходят отклики родителей, педагогов, учащихся.

Ниже мы публикуем письмо молодого читателя. Поднятые им вопросы имеют, на наш взгляд не только личный, но и общественный интерес. Исполняя просьбу автора, подлинной фамилии его не указываем.

Уважаемый товарищ редактор!

Статья в седьмом номере журнала «Огонек» за 1954 год «Разговор после суда» очень взволновала меня. Маму тоже растрогали горькие признания отца Володи и его глубокое раскаяние. К сожалению, я ничего не могу сказать о том, как мой отец реагировал на эту грустную историю. В газетах и журналах теперь пишут о том, что детей портит богатство, что не нужно баловать детей дорогими подарками, машинами и тысячами на «мелкие» расходы.

Но почему же не говорят о многом другом, что не менее пагубно для воспитания ребят в семье?

Моему отцу 48 лет. Он замкнут, неразговорчив, никогда не высказывает своего мнения вслух. В особенности, если разговор идет о семье, о доме, школе. Он никогда не выражает своих чувств. Хотя, впрочем, он однажды на каком-то торжестве сказал, что я его любимый сын. Он добрый. Никогда меня не наказывал, доставлял по возможности удовольствия (отправлял меня раз в Артек).

Как и отец Володи, мое воспитание он переложил полностью на маму. Когда я приносил плохую отметку и мама жаловалась ему, то он ее упрекал: «Сама портишь, сама исправляй». А между тем мама мне внушала, что всегда и во всем надо быть честным и правдивым. Папа «очень занят», и даже теперь, когда служащих разгрузили от вечерних работ. Однако он иногда бывает в школе. Заглядывает в мой дневник. Мой папа не курит, почти не пьет. Любит поиграть в преферанс. В нем много хороших качеств, к тому же он человек заслуженный, имеет награды — и он мой папа. Я его люблю. На работе мой папа еще лучше выглядит: вежлив, предупредителен, тактичен. Он добрый. У него мягкий голос и добрые глаза. Он производит впечатление очень добродушного, скромного человека. Его все уважают. Но часто бывает так, что папа становится совсем неузнаваем дома. Перестает с нами разговаривать, раздражителен, придирается к каждому слову. Это значит, что он «влюблен». В такое время он не только маму, но и меня обманывает. К сожалению, я являюсь свидетелем многих безобразий.

Мои родители не объясняли мне причины таких внезапных перемен в папе, поэтому я стал сам доискиваться. И понял. В дом, например, попадали письма от разных женщин, с которыми мой отец где-то знакомился. Когда мама уезжала, он приходил домой на рассвете, нисколько не заботясь о своем авторитете. Затем под всякими предлогами уходит из дому, а я заведомо знаю, куда. И потому никакого оправдания его поступкам я не могу подобрать. А страшнее всего это то, что папа уверяет маму, что измениться он не может. Он считает, что никто не ущемлен, ничьи интересы не затронуты, главное, работа не страдает, поэтому он имеет право на эти «удовольствия». Но какая же получается жизнь у нас в семье?

Правительство и партия много делают для того, чтобы семьи наши жили хорошо, счастливо, чтобы быт упрочился, чтобы дети были радостные, счастливые. Мы тоже всё для этого имеем, только папа не хочет изменить свой характер — у нас все есть, чтобы жить красиво, дружно, тепло и уютно.

Мама бескорыстно, честно, преданно служит нам 18 лет. Я уверен, что теперь она имеет право на маленькое счастье в семье. Ведь недаром в песне говорится: «Любовью дорожить умейте, с годами — дорожить вдвойне». Папа этого не признает. Между папиными увлечениями мы живем хорошо. А вот сейчас кто-то опять «покорил папино сердце». Удивительно! Он жалеет всех «одиноких» женщин. Неужели он не понимает, что своим отношением превращает нас в одиноких? А кто же нас пожалеет?!

Недавно папа объявил, что ему хочется пожить одному, отдельно от нас, и что мы будем ходить к нему в гости, что его никто не может заставить жить с нами.

Разве в советских семьях допустим такой произвол? Нас учат, что невоздержанность является буржуазным пережитком и что это несовместимо с нашей советской коммунистической моралью и нравственностью.

Почему же папа считает, что коммунисту достаточно быть хорошим специалистом на производстве или героем на войне, чтобы его не осуждали за развал семьи?

Мне 17 лет. Раньше я не понимал, почему мама часто плачет, почему у нее болит сердце, почему вдруг становится невыносимо тяжело жить дома. Теперь мне все ясно. Как мне хочется, чтобы папа пришел и сказал, что у него сегодня нет занятий в семинаре пропагандистов, потому что мне известно, что нет занятий! Но вот он смотрит мне прямо в глаза и утверждает, что сегодня они будут заниматься 4 часа. Мне стыдно за отца, за его поведение. Ведь в человеке должно быть все прекрасно: «и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Почему же папа, когда «влюблен», начинает следить за своей внешностью и платьем и нисколько не заботится о красоте души и мыслей своих?

Он меня иногда спрашивает, почему я плохо учусь, почему дисциплина плохая, разве, мол, мне чего-нибудь не хватает? Да, мне хватает настоящей, большой дружбы в нашей семье. Мне не хватает отцовской задушевности, правдивости, искренности. То, что творится у нас в семье, омерзительно. Мне это очень больно, и это очень мешает мне учиться. Я очень встревожен домашним положением, подавленностью мамы. Возмущает меня, что папа как будто добрый, а при этом равнодушен к страданиям своих близких, с кем он прожил много лет. Ведь это непростительно человеку в 48 лет с 23-летним партийным стажем и с таким же стажем по работе.

Я не знаю, что во мне плохого, что хорошего, не знаю, как сложится моя дальнейшая жизнь. Пока учусь в средней школе. Увлекаюсь спортом. Я твердо знаю, что не пойду по пути Володи, нет! Я обещаю быть честным и до конца преданным сыном моей любимой Отчизны.

Уважаемый товарищ редактор! Мой отец не конченный человек. Он не терпит критики с нашей стороны, но очень дорожит общественным мнением. Помогите ему посмотреть на себя чужими глазами. Напечатайте внушительно и убедительно, чтобы он прозрел, напечатайте в «Огоньке», так как папа выписывает его и аккуратно читает. Я бы считал себя счастливым, если бы все наладилось у нас дома. Печатать можно, только не называя фамилии.

Уважаемый товарищ редактор! Очень прошу Вас, если Вы найдете нужным не печатать мое письмо, а воздействовать на моего папу другими методами, то очень прошу без нашего согласия ничего не предпринимать, так как это может оказать пагубное влияние на отношение к нам.

Если же согласитесь напечатать статью или фельетон, то тоже прошу фамилию не указывать. Я верю, что он изменит свой взгляд на свою собственную жизнь, когда прочтет статью, хотя и не укажете фамилии.

Андрей ПЕТРОВ

КИНОПЕРЕДВИЖКА В ТУНДРЕ

Зимой по белоснежной целине Малоземельской тундры, вздымая снежную пыль, быстро несется упряжка ветвисторогих оленей. На санках сидит девушка в нарядной малице с хореем в руках и ловко правит упряжкой. Вдали показались контуры остроконечных чумов. Это одна из оленеводческих бригад колхоза «Нарьяна-ты», Малоземельского тундрового Совета Ненецкого национального округа. Много десятков километров отделяют бригаду от окружного и районного центров. Но пастухи колхозных стад не чувствуют себя оторванными.

Киномеханик Анисья Кислякова приехала с передвижкой.

...Упряжка подъехала к чуму. С нее начинают выгружать какие-то ящики: приехала кинопередвижка. Киномеханик комсомолка Анисья Кислякова разбирает и устанавливает аппаратуру. С наступлением сумерек в чум соберутся свободные от дежурства пастухи. Оленеводы посмотрят новую картину.

Рано утром поднимается Анисья Кислякова. Она заботливо собирает и укладывает свою аппаратуру. До следующего стада надо проехать по бездорожной тундре около полусотни километров.

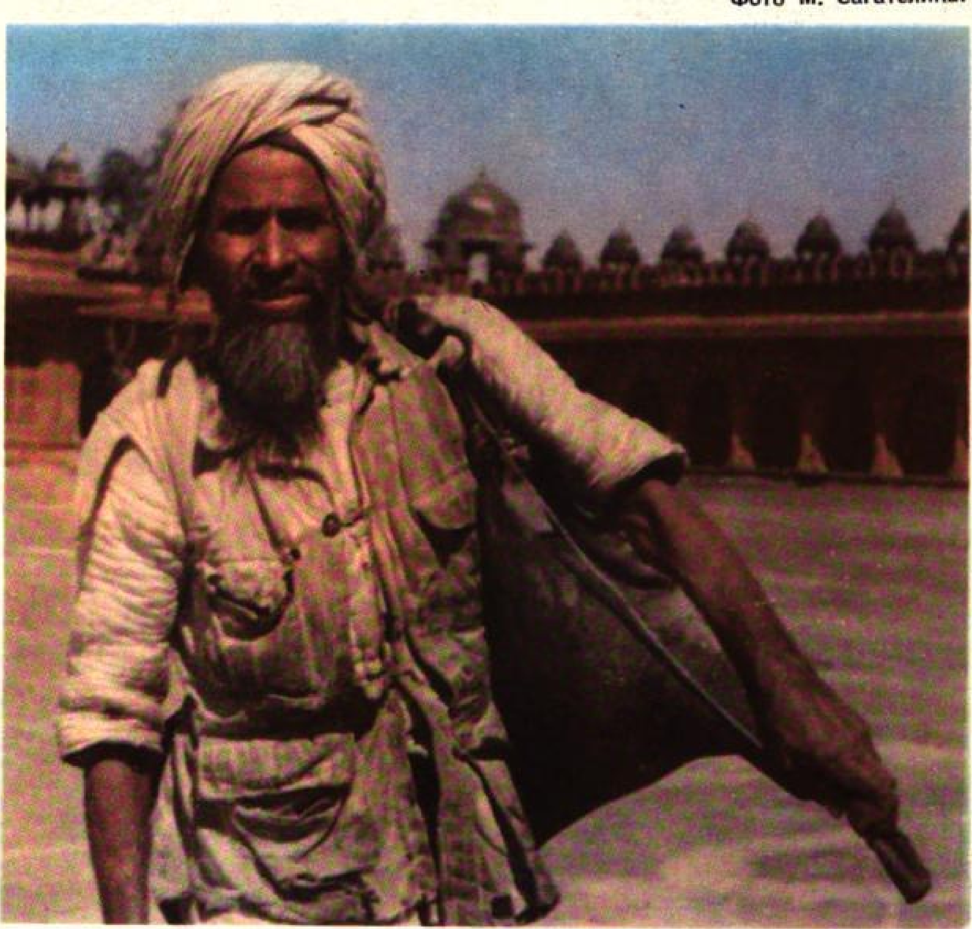
Анисья Кислякова — молодой киномеханик. Летом прошлого года она окончила курсы. Сначала проходила практику в городском кинотеатре, а с первых дней нового года выехала в тундру.

Кино все прочнее входит в быт оленеводов Ненецкого национального округа. В конце прошлого года было получено для красных чумов 17 кинопередвижек. Труженики оленеводческих колхозов и совхозов Крайнего Севера имеют возможность смотреть кино непосредственно на пастбищах.

А. КОКШАРОВ

ПО ИНДИИ

Фото М. Сагателяна.

Водонос. В бурдюке из козьей шкуры помещается около двадцати литров воды.

Кули на улице.

↓Индусский храм в Дели.

Стоянка извозчиков на одной из улиц Нового Дели. «Тонга» — так называются легкие двухколесные экипажи, где пассажиры сидят спиной к лошади.

Город Джайпур славится своими широкими, хорошо спланированными улицами и красивыми зданиями. На снимке: городские ворота.

Маленький индиец, сын сторожа музея в Фатепур-сикри — «мертвом городе»,— построенном в середине XVI столетия Великим Моголом.

Под палящими лучами солнца, заботливо укрытые попонами, медленно и величаво шагают волы. В повозке за пологом балдахина скрыта женская половина крестьянской семьи.

— Напишите роль!

Пьеса-фельетон в одном, еще не оконченном действии

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист республики

Рисунки Бор. Ефимова.

Действующие лица:
Прянов В. Н. — актер
Малиевкин Л. П. — драматург

Артистическая уборная театра. Кончилось действие пьесы. Входит Василий Николаевич Прянов, садится за гримировальный столик, поправляет парик, затем ложится на диван. Стук в дверь.

Прянов. Войдите...

Малиевкин (входит). Не помешаю?..

Прянов (встает). Нет, нет, пожалуйста, входите, Лев Петрович! Очень рад! Садитесь. Какими судьбами?

Малиевкин (садится). Смотрю пьесу...

Прянов. Ну как?

Малиевкин. Гм... Откровенно сказать... скучная пьеса, рыхлая и бесформенная. Ни сюжета, ни конфликта, у автора все очень просто, обтекаемо... Вот он, чистейший образец безоблачной драматургии. А характеры?.. Не люди, а бледные авторские тени. Вы не согласны?

Прянов. Отчасти вы правы. Действительно, некоторые сцены не радуют, не волнуют.

Малиевкин (возмущенно). Не некоторые, а все, все до единой! А что это за сцена? Молодые люди объясняются друг другу в любви, а произносят такие слова, как будто читают меню в вегетарианской столовой. Ни одного трепетного слова, нечленораздельные звуки, что-то вроде воробьиного «чирик-чирик». (Смеется.) Во всю мощь воробьиного клюва. (Расхаживает.) У вас курить можно?

Прянов. Пожалуйста. Я сейчас открою форточку. (Открывает форточку.) По-моему, вы несколько преувеличиваете недостатки пьесы. Она, конечно, далека от совершенства, но в ней, несомненно, есть огонек.

Малиевкин. Нисколько не преувеличиваю. Бескрылые чувства, бледные фразы, тусклые, как старые, выцветшие обои.

Прянов. Мне кажется, что именно сцена любви наиболее удалась автору. Есть живые ноты, теплота чувств...

Малиевкин. Не знаю, не знаю, Василий Николаевич, не почувствовал этой теплоты. Не заметил этих нот. Сцена написана без искры вдохновения, шаблонно. Даже поцелуй, обыкновенный поцелуй, так широко распространенный среди возлюбленных, и то автор побоялся включить в эту сцену. (Садится.)

Прянов. Вы, конечно, во многом правы, но не все в этой пьесе в таком виде, как вы...

Малиевкин (перебивая). Вы играете хорошо, Василий Николаевич, очень хорошо, но и вам, вероятно, нелегко произносить бесцветный набор фраз, уже тысячи раз бывших в употреблении. На таком материале актер теряет свою квалификацию, гаснет его темперамент, глохнут чувства. Разве я не прав?

Прянов. Правы, но...

Малиевкин (перебивая). Даже знаки препинания у такого писателя, и те какие-то безжизненные закорючки, какие-то мушиные следы на бумаге, и только. У настоящего писателя знаки препинания должны шипеть, как сосиски на горячей сковородке! (Пауза. Курит.) Задумал пьесу...

Прянов (оживился). Какую? Какая тема?

Малиевкин. Еще точно не решил. Пока это только скромный конспект. Так сказать, отдаленные, внутренние, авторские позывные...

Прянов. Для меня роль будет?

Малиевкин. Хотел бы, чтобы именно вы... С вашим голосом, вашим темпераментом... Роль директора завода.

Прянов (уныло). Опять директор? Вероятно, очередной отсталый директор мешает молодому рационализатору. В конце пьесы осознает свою ошибку, тост под занавес. Зритель спешит к вешалке.

Малиевкин. Хороший директор, чуткий к рационализатору, прекрасный общественник, семьянин, следит за детьми, проверяет уроки...

Прянов. В чем же дело?

Малиевкин. Влюбился!

Прянов (в восторге). Влюбился?! Слава богу! Наконец-то. Браво! Давно пора! Так ему и надо. Влюблен сильно, страстно! Объяснения, монологи, шквал, буря, ревность!

Малиевкин (уклончиво). Гм... Амплитуда колебаний его любви мне еще не совсем ясна. Как она войдет в общую партитуру роли, всей пьесы... Пока не очень... а дальше я подумаю. У меня в основном не на этом строится характер.

Прянов (возбужденно). А почему не очень? Чего его жалеть? Ведь вы только что подвергли такой уничтожающей критике сцену любви в сегодняшней пьесе, а сами — амплитуда колебаний!

Малиевкин. Там другие персонажи, менее ответственные,— два молодых инженера. Директору надо быть сдержанней. Это будет его мельчить, уведет в сентимент, в беспочвенную лирику.

Прянов (ходит по комнате, говорит увлеченно). И пусть уводит. Да, да! Влюблен страстно, горячо, без мелкой авторской дозировки. Задыхается от нахлынувшего чувства. Терзания, сомнения, стал рассеянным, опаздывает на заседания, отвечает невпопад. Много курит.

Малиевкин (улыбаясь). Он некурящий.

Прянов (с экспрессией). Пусть курит! Мы его заставим курить! Чего вы его жалеете? Пепельница полна окурков, клубы дыма, осунулся. Это тебе не очередной доклад, это оказалось потрудней с непривычки. (Все более увлекаясь.) Любит поэзию...

Малиевкин. Кто?

Прянов. Директор.

Малиевкин. Гм... Может быть, в молодые годы...

Прянов (все более увлекаясь). Нет, не в молодые, а сейчас, в директорские. Довольно ему только ездить на футбол и не давать ходу рационализаторам. А по вашему плану как развивается его чувство?

Малиевкин. Точных границ я еще не определил, но к концу второго действия начинает слегка затухать: много дела.

Прянов (патетически, воздев руки). Так скоро? Нет, не позволю! Любовь ворвалась без доклада и опрокинула все директорские, а вместе с ними и авторские расчеты. Шекспировские страсти!

Малиевкин (спокойно). Удивительный вы народ, актеры. Как чуть что — подавай вам шекспировские страсти, на меньшее вы не согласны. Проще, проще, скромней, по жизненной правде, без излишней психологической суматохи и трескотни.

Прянов (пылко). Да, да! Именно суматоха, именно трескотня! Сидел в своем кабинете как ни в чем не бывало, курил, пил боржом от изжоги, и вдруг начался такой чертополох, — забыл боржом, исчезла изжога. Такой сквозняк засвистел... завертело нашего директора, как вихрь.

Малиевкин. Мелковато. Получается какой-то безвольный, суматошный дядя, не владеющий собой. Неврастеник. Я задумал другой рисунок образа, более спокойный, уравновешенный...

Прянов (наступая на Малиевкина). Был таким, был... до встречи с ней...

Малиевкин. Нет, нет, вы меня сбиваете. Мой директор не мальчик. Это умудренный житейским опытом взрослый человек. Он должен мужественно и спокойно отнестись к своему чувству.

Прянов (вскакивает со стула. Неожиданно). Опаздывает, обязательно опаздывает.

Малиевкин (смотрит на часы). Кто опаздывает? Куда?

Прянов (почти восторженно). Директор опаздывает! На заседание опаздывает. Искал по всему городу ее любимые цветы, опоздал на свидание, а она ушла, не дождавшись. Директор пришел на заседание мрачный, расстроенный, вяло ведет собрание, не может сосредоточиться, отвечает невпопад...

Малиевкин (снисходительно улыбаясь). Простите меня, Василий Николаевич, но я ведь пишу серьезную пьесу, почти драму, а не водевиль. И... я ему не позволю срывать собрание из-за такого пустяка! Закончит собрание и после шести часов — пожалуйста! Куда угодно! А то, что вы предлагаете, слишком игриво — скетч, почти фарс. Я запутаю пьесу...

Прянов (схватывает Малиевкина за руки, крепко сжимает их). И очень хорошо! Умоляю вас, запутайте! Во что бы то ни стало запутайте! Пусть зритель не знает заранее, чем все это кончится.

Малиевкин. Гм! Во всем нужна мера. Меньше выспренной экзальтации. Эдак я не сведу в пьесе концов с концами.

Прянов (горячо). И очень хорошо! Умоляю вас, не сводите концов с концами. Пусть хоть один конец останется несведенным и болтается. Уверяю вас, не каждая пьеса с благополучным концом — благополучная пьеса.

Малиевкин. Конец мне все-таки хочется сделать оптимистичным.

Прянов (зло, иронически). Хорошо! Я вам сейчас помогу... Между двумя заседаниями директор объясняется в любви по телефону без отрыва от директорского стола. Лично приехать не может, перегружен делами, получает отказ... С досады швырнул трубку и снова окунулся в очередные дела...

Малиевкин (снова закуривает). Ну зачем же так примитивно? Здесь нужна большая жизненная правда, обобщенная, а не мелкая житейская правденка, соловьиные трели, луна, отдаленный гудок паровоза, запах сирени... Было. Подумаешь, событие — какой-то директор воспылал любовью!.. Мелкий, частный случай, не типичный... Пока не вижу, не чувствую. Проще, жизненней, правдоподобней, меньше вычурной выдумки и эффектного украшательства! Такой лубок получится, такие страсти-мордасти... Так только в театре бывает, а не в жизни. Надо строже, мужественней показывать характеры, не усложняя их ложной красивостью, выдуманными ситуациями, искусственно раздутыми конфликтами.

Прянов (после паузы, тихо). Старик...

Малиевкин. Кто старик?

Прянов. Вы старик.

Малиевкин (весело). Что вы! Мне только тридцать лет.

Прянов. А хоть бы и пятнадцать! Все равно старик. Вы не писатель, вы таблица умножения. Вы ходячий арифмометр. Когда дело касается чужих пьес, так чтоб и запятые шипели, и восклицательные знаки вонзались, как кинжалы, и вопросительные знаки приставали, не давали покоя, все выспрашивали, чтоб даже многоточия бегали по бумаге и о чем-то таинственном шептались, чтоб и любовь была вдохновенной. А как свой директор в кои-то веки влюбился, так вы ему по граммам чувство дозируете, как на аптекарских весах.

Малиевкин. Незачем вытаскивать на свет рампы его личные переживания и разбазаривать... Это все мелкие, бытовые окурки, пепел! Не стоит! Пусть лучше будет цельная фигура строителя, без мелких и назойливых потребностей бытового характера. Чувство ради чувства! Любовь ради любви! Страсть в клочки рвать, грызть кулисы — нет, это не мой стиль, не мое перо. Прежде всего логика мотивов и поступков.

Прянов. Н-да! Ну что ж. Против этого, конечно, протестовать трудно. Никто не собирается посягать на ваши авторские права. Если вы сумеете насытить роль живым, покоряющим потоком чувств,— в добрый час! Мы немедленно освободим вашего директора от необходимости бегать на свидания, освободим его от такой тяжелой для него психологической нагрузки. Я ведь ухватился за это чувство директора только из опасения, что оно будет единственно живым местом в роли, но если вы обещаете и без этих подробностей напоить роль, как говорят актеры, эмоциональной экспрессией, — пожалуйста, мы будем рады... Эмоций, эмоций, товарищи драматурги, побольше кипучих страстей, или мы больше не актеры, черт побери! Чтобы образы, слова, фразы автор искал в жизни, а не на дне чернильницы.

Малиевкин. Я пишу на машинке.

Прянов. Пишите на чем хотите и чем хотите... Хоть гусиным пером на пергаменте, на бересте — мы все разберем.

Малиевкин (буркнул). Легко сказать...

Прянов. Что вы говорите?

Малиевкин. Постараюсь! Я человек скромный. Гм!.. Не Шекспир...

Прянов. Мы будем надеяться и ждать. (Второй звонок.) Второй звонок. (Направляется к дверям.) Кстати, вы подвергли критике сегодняшнюю пьесу — да еще какой критике! — можно сказать, живого места не оставили. Разрешите вам дать дружеский совет. Вспомните хорошенько все, что вы говорили по адресу ее автора, вплоть до знаков препинания, аккуратно запишите все это в свой рабочий блокнот, почаще в него заглядывайте, когда будете писать свою пьесу, и... желаю вам всяческих успехов! От души желаю! (Крепко жмет руку Малиевкина.) Мы будем ждать.

Малиевкин. Постараюсь. Гм!.. Не Шекспир... Всего хорошего. Ждите... (Уходит.)

(Театр с надеждой и нетерпением ждет драматурга).

ПЕВЕЦ СВО

«Ты получишь в наследство весь мир!»

ЛИТОГРАФИИ ЧАРЛЬЗА УАЙТА

Без глубокого волнения нельзя рассматривать сюиту новых литографий американского негритянского художника Чарльза Уайта, которые автор недавно прислал советским друзьям. Имя Уайта уже знакомо советскому читателю по его прежним работам. Реалистический талант художника, успешно преодолевшего бессодержательность и формалистическую опустошенность современного ему капиталистического искусства, крепнет и растет. В своем творчестве Уайт идет по пути гуманизма, поисков психологической выразительности, жизненности и социальной заостренности образа.

Чарльз Уайт, художник своего народа, видит богатство и значительность его духовного мира. Человек-труженик, мужественный, целеустремленный, воодушевленный большими чувствами и мыслями,— главный герой произведений Уайта.

Благородная идея братства народов одухотворяет рисунки художника. Прекрасен лист графической сюиты, который художник назвал «Ты получишь в наследство весь мир!» Негритянка-мать любовно прижимает к себе ребенка, как бы защищая его от страшной судьбы, на которую обречены негритянские дети в Америке. Скорбно выражение ее лица, но глаза, устремленные вдаль, уже видят новую жизнь, радостное будущее, ожидающее ее сына. Содержание этого листа раскрывается в скульптурно-пластической форме, с помощью света и тени, позволяющих подчеркнуть композиционную цельность силуэта, реалистическую строгость рисунка.

В листе «Мать» художник раскрывает судьбу старой женщины из народа, прошедшей через горестные годы труда и лишений, но сохранившей человеческое достоинство, силу духа. Художник отказался в этом рисунке от излишних подробностей, но характер матери ясно чувствуется и в необычайно выразительных глазах, в которых застыли непролившиеся слезы, и в прижатых к лицу усталых руках

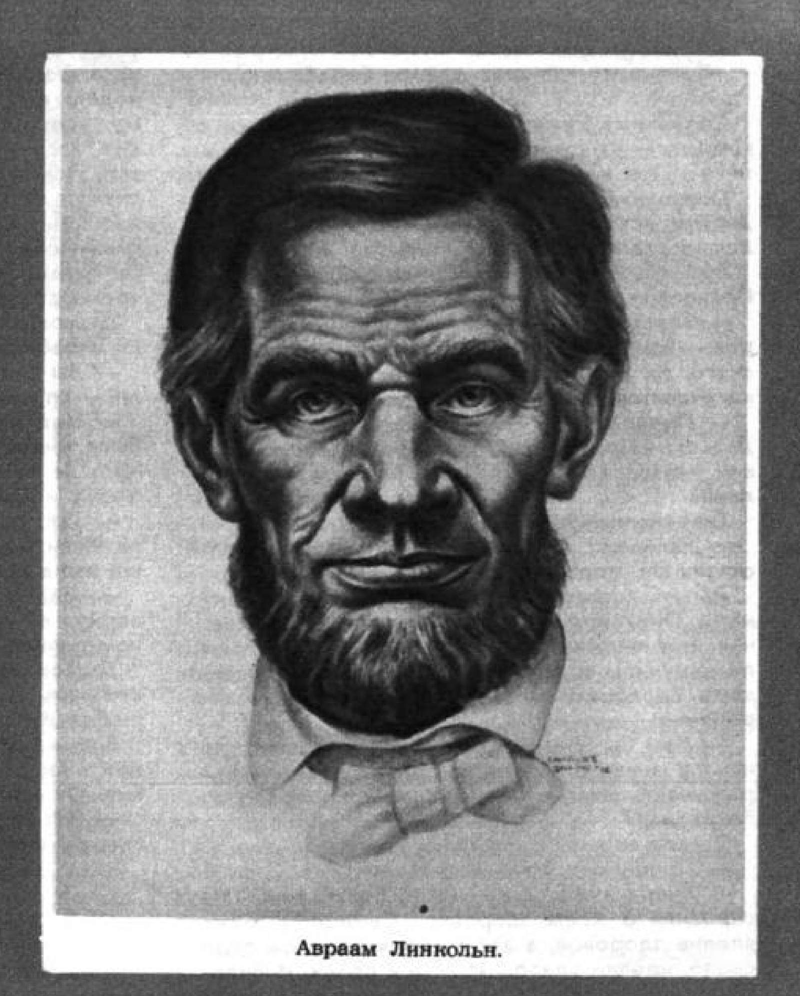
ЕГО НАРОДА

Мать.

Разговор об урожае.

Авраам Линкольн.

труженицы. Кажущаяся фрагментарность композиции этого листа — художественный прием, позволяющий выделить главное — душевный мир человека. Здесь представлена сама биография старой негритянки, трогательный образ которой художник сделал для нас необычайно близким и привлекательным.

«Пойдем вместе!» — красноречиво называет Уайт один из рисунков, на котором изображена сплоченная группа рабочих. Это представители негритянского народа, борющегося за свои жизненные права. Каждый из героев произведения наделен своеобразным характером, ярко индивидуален. Особенно мощно звучит в этой оптимистической композиции тема дружбы, единства негритянского народа, его решимости бороться за лучшую долю.

Другой лист — «Разговор об урожае». В пору жатвы два негра остановились в поле, чтобы отточить косу, и ведут беседу. Умный, проницательный взгляд и сильные трудовые руки говорят о мужественных и деятельных характерах.

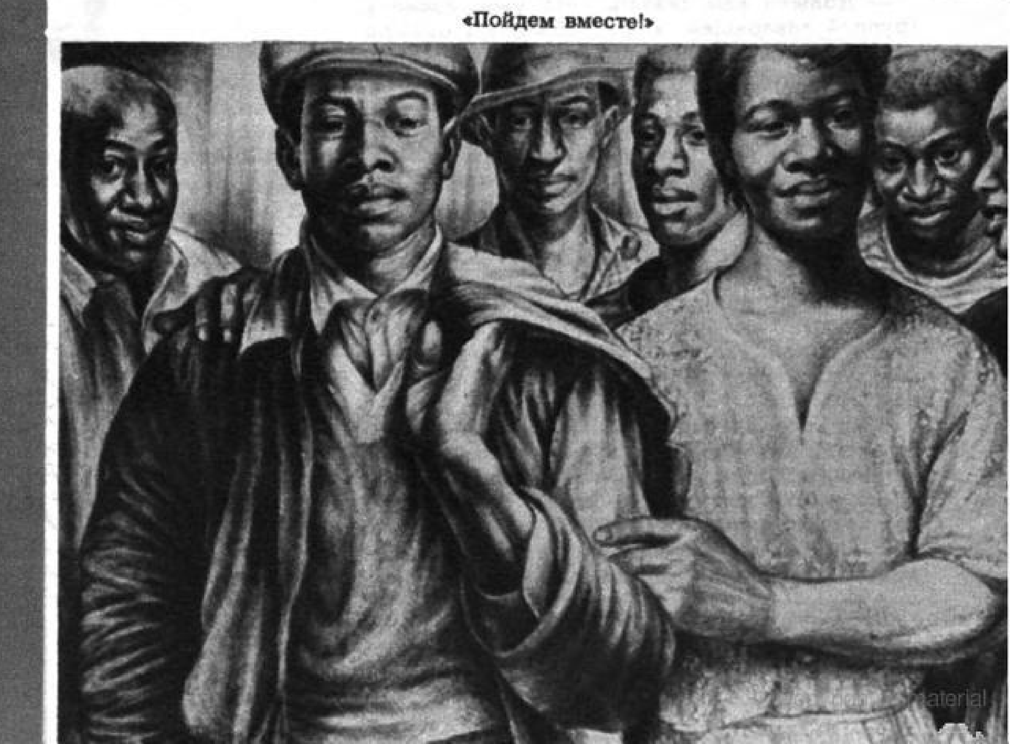
Последний лист этой литографической серии Уайта, портрет Авраама Линкольна, также вдохновлен идеей, пронизывающей все рисунки художника. Он раскрывает образ друга народа, демократа, как бы противопоставляя его современным империалистическим правителям Америки.

В предисловии к изданию графических работ Уайта выдающийся американский прогрессивный художник Роквелл Кент пишет: «Литографии Чарльза Уайта перерастают рамки тех изобразительных средств — камня и угля, черного и белого цвета, линий и форм,— которыми они созданы. Это удел одного лишь подлинного искусства. Уайт создал живые образы или, вернее, воссоздал их силой своей душевной теплоты, своего доброжелательного и сочувственного понимания людей».

Работы Чарльза Уайта — свидетельство того, что героем передового зарубежного искусства неизбежно становится простой человек, которому принадлежит будущее.

Ксения КРАВЧЕНКО

«Пойдем вместе!»

Повесть

Лев САМОЙЛОВ и Борис СКОРБИН

Рисунки О. Георгиева.

Признание инженер-майора Барабихина

Солнечные лучи настойчиво пробивались в комнату — ни шторы, ни вентилятор не спасали от зноя и духоты.

Полковник Дымов сосредоточенно писал. На диване, истомленный жарой и жаждой, расположился его помощник — капитан Уваров.

Был слышен скрип пера да тиканье часов. Полковник работал, не поднимая головы.

— Товарищ полковник,— заговорил Уваров,— придется прекратить поиски Сиротинского. Ни в Москве, ни в пригородах таковой не значится.

— Прекратить? — удивленно переспросил Дымов.— Прекратить только потому, что человек назвался вымышленным именем и фамилией?

Телефонный звонок прервал Дымова.

— Пришел инженер-майор Барабихин,— сказал он, положив трубку.

Дымов встретил Барабихина на пороге комнаты. Они сердечно поздоровались. Полковник познакомил инженер-майора со своим помощником и пригласил к столу. Едва усевшись, Барабихин заговорил взволнованно и торопливо:

— Мне бы хотелось, товарищ полковник, до начала нашего делового разговора кое-что рассказать вам. Это займет немного времени. Разрешите?

Дымов спокойно наклонил голову:

— Прошу вас, Иван Васильевич.

— Вчера в машине,— начал Барабихин,— вы спросили о моем здоровье. Сердце у меня вполне здоровое, а вот в сорок восьмом году сдало, крепко сдало... И нервы сдали. И дело-то вроде пустячное, а переволновался и пережил я немало.

Барабихин помолчал и продолжал уже более спокойно:

— Должен вам сказать, что уже давно с группой товарищей я разрабатываю особую конструкцию сверхскоростных самолетов. В 1947 году я опубликовал теоретическую статью на эту тему в одном специальном журнале, и, собственно, с этого времени началась практическая работа в лаборатории. В 1948 году по заданию министерства я выехал в Германию в научную командировку.

Иван Васильевич нервно забарабанил пальцами по краю стола. Речь его снова стала затрудненной:

— Я, видите ли, поехал вместе с женой... Мы недавно поженились. Да. Она работала машинисткой. Родители ее погибли во время войны. Одинокая девушка, только брат в военном училище...

Ну-с, вот... Значит, по приезде в Берлин я с головой ушел в работу. Жена целыми днями оставалась одна. Молоденькая, совсем неопытная, скучала она, томилась. Ну, а потом как-то пообвыкла, стала ходить по магазинам, посещать модные ателье, кино. В общем, мало-помалу освоилась. В доме у нас появились всякие безделушки, у жены наряды. Вот так это пошло... Да...

Вначале я как-то не обращал на это внимания. Жили мы скромно, думал: жена выкраивает кое-что из денег, которые я давал на расходы. Но вот однажды, как сейчас помню, это было вечером, пришел я с работы домой и что же вижу? Представьте, у нас в комнате стоит замечательное пианино, отделанное под орех, фирмы Стейнвей, одной из наиболее дорогих фирм. Думаю: что за чудеса? К жене: где достала? Говорит, купила в комиссионном магазине. Сколько стоит? Назвала большую сумму. Я так и грохнулся на стул. А она: «Пожалуйста, не беспокойся, Ваня, господин Штрумме, владелец комиссионного магазина, настолько любезен, что предоставил мне долгосрочный кредит. Я у него не первый раз в кредит покупаю. Он только просил никому, даже тебе, об этом не говорить».

Услыхал я такое, товарищ Дымов, в глазах у меня потемнело. Понял я, что большую ошибку совершил, не интересуясь времяпровождением жены...

Барабихин умолк. Он расстегнул верхний крючок на воротнике кителя. Видимо, ему стало душно.

Потом продолжал:

— Разговор был крупный. Объяснил ей, как умел, ее ошибку. Ну, да делать уже было нечего. Узнал, сколько она должна, в течение недели с грехом пополам собрал нужную сумму, возвратил деньги через жену «любезному» господину Штрумме, а сам стал хлопотать о возвращении на Родину. Откровенно скажу, боялся я за жену, боялся, чтобы по неопытности не попала она в какую-нибудь грязную историю... А сердце у меня в связи со всеми этими делами действительно в то время стало пошаливать...

Дымов и Уваров очень внимательно слушали Барабихина.

— Вы обо всем этом никому не сообщали? — спросил Дымов.

— Нет, никому...— признался майор.— Жена была очень взволнована, умоляла никому ничего не говорить. Кроме того, она ждала ребенка, и мне не хотелось ее огорчать.

— Так, так...— протянул полковник.— Скажите, Иван Васильевич, забирая вещи в долг, ваша жена давала расписки?

— Да. Но когда она расплатилась, Штрумме вернул ей все ее расписки, и я собственноручно их уничтожил.

Дымов молча кивнул головой. Он не хотел огорчать Барабихина замечанием о том, что любой документ можно сфотографировать.

Видимо, Иван Васильевич Барабихин ощущал неловкость, делая свое запоздалое признание. Он натянуто улыбнулся и сказал:

— Вот, собственно, и все, что я хотел рассказать вам, товарищ Дымов. С тех пор прошло четыре года, и я считал, что все забыто... Но вчера в машине вы мне задали вопрос о сорок восьмом годе, о Берлине, и я решил обо всем рассказать вам... Теперь я слушаю вас. Зачем я вам понадобился?

Дымов пожал плечами.

— Откровенно говоря, я хотел у вас узнать именно то, что вы мне сейчас рассказали...— он сделал небольшую паузу,— ...ибо у меня есть некоторые основания предполагать, уважаемый Иван Васильевич, что к вам и к вашей работе приковано внимание некоей иностранной разведки.

Барабихин вздрогнул и невольно подался вперед.

Дымов подошел к Барабихину и положил руку ему на плечо.

— А сообщить обо всем, что вы сейчас рассказали нам, надо было во-время. Это ваша прямая обязанность, обязанность советского гражданина, коммуниста.

Барабихин опустил голову.

— Конечно, я совершил ошибку,— сказал он.— Ради жены. К тому же мы очень быстро уехали...

— Именно ради жены вам и следовало сообщить,— тихо, но твердо сказал Дымов.— У вас есть ребенок?

— Нет. Умер, когда ему было два года.

— Жена работает?

— Учится на курсах кройки и шитья.

Полковник задал инженеру еще несколько вопросов, но уже совсем о посторонних вещах: не собирается ли он в отпуск, где и как проводит воскресные дни...

Потом полковник подошел к столу и подписал пропуск. Передавая его Барабихину, он задержал руку инженера и сказал:

— Вот поговорили, и кое-что прояснилось. И у вас, небось, на сердце полегчало? Не правда ли?

Иван Васильевич признательно кивнул головой.

— Последний вопрос,— сказал Дымов.— Если не забыли: ваш берлинский адрес и фамилия квартирной хозяйки?

— Как же, помню: Вольфштрассе, 135. Хозяйка — Марта Гартвиг. Милейшая старушка.

Проводив Барабихина, Дымов вернулся и сел за свой стол.

— Ну-с, Алексей свет-Петрович, твое мнение? — спросил он капитана.

— Любопытная история, товарищ полковник. Инженер-майор производит сложное впечатление. С первого взгляда человек прямой, откровенный, честный. А на поверку получается, что струсил, скрыл...

Он вопросительно посмотрел на полковника. Но тот молчал.

— Сергей Сергеевич! Я ведь хорошо знаю вас и ваш метод. Скажите: какое отношение имеет история Липатовой к Барабихину, к его жене и к их пребыванию за границей?

Полковник сделал таинственное лицо и пальцем поманил капитана. Тот наклонился почти вплотную.

— Знаешь, Алексей Петрович,— шепотом проговорил Дымов,— если бы я мог твердо и окончательно ответить на твой вопрос, я бы считал дело почти законченным.

Увидев разочарование на лице помощника, Сергей Сергеевич добавил уже что-то совсем непонятное. Он, словно раздумывая, сказал:

— Наша задача, капитан,— определить направление возможного удара... Я еще не знаю, будет ли это обходный маневр или атака в лоб...

От дальнейших объяснений полковник уклонился. Он придвинул к себе блокнот, сделал какие-то пометки и медленно произнес:

— Что ж, попытаемся выяснить, кто такие Марта Гартвиг и господин Штрумме.

В Центральном универмаге

Площадь Свердлова. Маленький сквер, окруженный стеной из зелени и цветов. Белые струи воды рвутся вверх и, рассыпаясь, падают в чашу фонтана. Водяная пыль приятно освежает воздух.

Время клонилось к вечеру. На одной из скамеек сквера сидел пожилой мужчина в очках и читал книгу. Он был одет в светлый, хорошего покроя костюм. Мягкая шляпа и тяжелая трость лежали рядом на скамье.

Продолжение. См. «Огонек» № 22.

Уже несколько раз к нему подходили и вежливо осведомлялись, занято ли место рядом. И каждый раз, прежде чем ответить, мужчина щурил слегка выпуклые серые глаза, внимательно осматривал подошедшего и неизменно отвечал одно и то же:

— Простите, я жду даму. Место занято!

Люди пожимали плечами и отходили. А мужчина вновь брался за книгу.

Высокий человек в сером костюме и серой кепке, с книгой в руке неторопливо шел по дорожке сквера. Увидев свободное место, он направился к нему.

Поровнявшись со скамьей, он на какую-то долю минуты приостановился, будто не решаясь потревожить сидевшего гражданина, затем сделал еще шаг.

— Скажите, пожалуйста, этим местом, на котором лежат ваши вещи, можно воспользоваться? — многословно осведомился он, снимая кепку.

Рука, державшая кепку, оказалась на уровне глаз сидевшего гражданина, и его острый взгляд из-под очков заметил кольцо, блеснувшее на руке молодого человека. Мужчина в очках поднял голову, мельком взглянул на подошедшего и ответил ему своей обычной фразой:

— Простите, место занято. Я жду даму.

При этом мужчина в очках мизинцем правой руки почесал переносицу, и на его пальце тоже блеснуло кольцо.

Молодой человек извинился и отошел. Он окинул взглядом соседние скамьи, прошелся по скверу и, нигде не найдя свободного места, не спеша вышел из сквера, остановился у выхода и закурил.

Пожилой гражданин, которого все время отрывали от чтения, повидимому, потерял надежду дождаться дамы. Он посмотрел на часы, огляделся по сторонам, надел шляпу, взял со скамьи портфель, трость и медленно побрел из сквера. Он дошел до перекрестка, некоторое время постоял на углу улицы, разглядывая публику и словно о чем-то размышляя, потом перешел площадь и оказался у входа в магазин Мосторга.

Войдя в магазин, он очутился в шумной толпе покупателей. Медленно, стараясь никого не толкать, мужчина стал подниматься на верхний этаж. Опираясь на трость, тяжело шаркая ногами, он обходил отдел за отделом, недовольно косясь на особенно бойких и нетерпеливых посетителей магазина, которые толкали его и даже поругивали за нерасторопность.

Наконец мужчина замедлил шаги. Видимо, приблизился к цели своего путешествия — к отделу тканей. Несмолкающий шум стоял в воздухе. И здесь, в этом наиболее людном отделе универсального магазина, пожилого мужчину оставила его флегматичность и неторопливость.

Правда, он еще постоял некоторое время в раздумье, оглядываясь по сторонам, но потом с неожиданной энергией стал протискиваться к прилавку.

Люди ворчали, но уступали энергичному напору. Еще несколько усилий — и мужчина оказался у самого прилавка, сдавленный и окруженный толпой. И случилось так, что пожилой мужчина очутился рядом с молодым человеком в сером костюме и серой кепке, с тем самым, который недавно гулял в сквере на площади Свердлова и выискивал свободное место на скамейке.

Молодой человек с интересом рассматривал ткани.

— Пожалуйста, покажите мне вот тот отрез, — попросил пожилой мужчина, указывая на одну из полок, расположенных за спиной продавца.

В этот момент на его пальце, на этот раз совершенно отчетливо, блеснуло кольцо — маленькая серебристая змейка, приготовившаяся к прыжку. Ее изумрудные глаза поблескивали холодным, зеленым светом. Молодой человек в сером вскинул глаза и снова отвернулся.

Отрез, поданный продавцом, был осмотрен и признан неподходящим. Второй оказался удачнее, и, пока продавец выписывал чек, пока у прилавка шумела и толкалась толпа, пожилой мужчина и молодой человек незаметно обменялись книгами.

Они не сказали друг другу ни слова. Не посмотрели друг на друга. Первым ушел пожилой мужчина с чеком в руке. Он выбросил этот чек через несколько минут, когда, обретя прежнюю медлительность и степенность, не спеша вышел из магазина. А молодой человек еще немного потолкался в других отделах и тоже ушел, ничего не купив.

Визит лейтенанта Рябинина

Поезд плавно подошел к перрону Белорусского вокзала в Москве. Пассажиры нетерпеливо столпились в узких коридорах, высматривая через окна родных и знакомых.

Андрей Рябинин приготовился к выходу. Новенький китель с золотыми погонами плотно облегал его юношескую фигуру, сапоги были отлично начищены, на фуражке — ни пылинки. Только лицо, загорелое и чисто выбритое, выглядело уставшим. В поезде он неоднократно возвращался мыслями к последней встрече с фрау Гартвиг, и чувство совершенного промаха, какой-то допущенной им ошибки все время не покидало его.

Вот и Москва, куда он так рвался, о которой столько мечтал там, за границей...

Собираясь в отпуск, Андрей решил, что на одной из крупных станций по дороге из Берлина в Москву он даст телеграммы сестре и Зое. Но тревога, овладевшая им в пути, заслонила и отодвинула все его личные планы. Телеграмм он не послал и теперь шел в толпе по перрону один, никем не встреченный.

Еще позавчера Андрей рассчитывал остановиться у сестры, где ему, несомненно, будут очень рады. Теперь же он нерешительно стоял на тротуаре привокзальной площади, не зная, куда направиться. В гостиницу? Но разве в такую горячую пору достанешь номер? К Зое? Нет, это неудобно: не жених же он в самом деле!.. А других родственников или близких знакомых в городе нет. Что же делать? Не стоять же здесь, у вокзала, до бесконечности.

Площадь опустела, схлынул шумный поток пассажиров. Андрей шагнул к ближайшей машине, шофер распахнул дверцу, включил счетчик и повернул голову к лейтенанту:

— Куда ехать?

Еще секунду назад Андрей колебался. А сейчас он сел в машину и назвал адрес.

В приемной, не выпуская из рук двух небольших чемоданов, он подошел к одному из дежурных и спросил, с кем можно поговорить по вопросу, в котором он сам еще толком не разобрался. Дежурный, мельком оглядев лейтенанта, попросил подождать. Через несколько минут он провел Рябинина в кабинет. Немолодой подполковник, с тремя колодками орденских лент на кителе, предложил лейтенанту присесть, а чемоданы поставить в сторону.

— Ну-с так, — сказал добродушно подполковник, когда Андрей освободился от чемоданов и присел на стул возле большого письменного стола, уставленного несколькими телефонами. — А теперь я готов слушать. Что привело вас к нам и, повидимому, прямо с вокзала?

— Да, прямо с вокзала.

Рябинин сбивчиво начал рассказывать всю историю с кольцом, которое он получил, а затем вернул старухе, так неожиданно погибшей на следующий день.

— Понятно, — прервал его подполковник. — Подробности пока не нужны. Прошу вас предъявить документы.

Он внимательно рассмотрел все документы Рябинина, вернул их, спросил некоторые данные о сестре Андрея и о ее муже, сделал запись в лежавшем на письменном столе блокноте и затем сказал:

— Попрошу вас чемоданы оставить здесь, а самому подождать в приемной. Я доложу кому нужно о вашем приходе, закажу вам пропуск. Вас примет товарищ, которому вы все подробно расскажете...

Время тянулось томительно долго. Андрей непрерывно поглядывал на часы, и ему казалось, что стрелки движутся медленно, очень медленно.

Через полчаса Рябинина принял полковник Дымов. Лейтенант так же взволнованно начал свой рассказ. Но Дымов, дружески улыбаясь, остановил его:

— Прежде всего успокойтесь, товарищ лейтенант. Рассказывайте не спеша, по порядку. Договорились?

— Конечно... Простите, товарищ полковник, я волнуюсь...

— Вот я и хочу, чтобы вы успокоились, тогда и беседа у нас пойдет как следует.

Дымов стал расспрашивать Рябинина о жизни в Германии, о зарубежных впечатлениях, о быте советских офицеров. Рябинин постепенно успокоился, а разговор как-то естественно перешел к рассказу о сестре, о фрау Гартвиг, о последней встрече с ней, о полученном и возвращенном кольце и о неожиданной смерти Гартвиг. Дымов слушал молча и внимательно, изредка прерывая Рябинина короткой репликой или уточняющим вопросом.

— Не можете ли вы описать наружность гостя фрау Гартвиг? — спросил полковник, делая пометки на большом листе бумаги.

— Ничего особенного... Высокий, костлявый... Глаза только у него примечательные, словно птичьи. Вообще весь он неприятный... Да, если не ошибаюсь, на щеке у него бородавка.

— Так-так. Хорошо...

Карандаш Дымова быстро бегал по бумаге.

— Раньше вы его в квартире Гартвиг никогда не видели?
— Никогда.
— О своей больной приятельнице фрау Гартвиг вам раньше когда-нибудь говорила?
— Нет.
— С сестрой вы переписывались?
— Очень редко.
— Она когда-нибудь обращалась к вам с просьбой зайти к фрау Гартвиг, передать привет, достать какую-либо вещь?
— Нет, ни разу.
— Хорошо... Что собой представляет кольцо? Вы его видели?
— Нет. К сожалению, я даже не раскрыл футляра.
— Да, это жаль,— задумчиво протянул Дымов, но, заметив огорчение на лице лейтенанта, добавил: — Собственно, вы и не успели этого сделать.
— Конечно,— откликнулся Рябинин.— Так неожиданно все получилось.
Зазвонил телефон. Дымов поднял трубку.
— Полковник Дымов... Да-да... Понятно. Хорошо, Алексей Петрович, заходите.
Дымов повесил трубку и поглядел на Рябинина, как бы вспоминая, на чем был прерван их разговор.
— Вы все рассказали, товарищ лейтенант? — спросил полковник.
— Кажется, все, товарищ полковник.
В дверь постучали.
— Разрешите? — капитан Уваров остановился на пороге.
— Да, да, заходите.
Рябинин встал, приветствуя старшего по званию.
— Лейтенант Рябинин, сегодня приехал из Берлина,— сказал Дымов.— Пришел поделиться своими берлинскими впечатлениями и сомнениями. Они пока не очень определенны, но любопытны.
Капитан молчал, ожидая дальнейших подробностей, но полковник поднялся и добавил:
— Алексей Петрович, побудьте здесь вместе с лейтенантом. Я скоро вернусь.
— Хорошо, Сергей Сергеевич.
Дымов вышел. Капитан с откровенным любопытством оглядел лейтенанта и уселся на диване, стоявшем возле стены. Рябинин ожидал, что капитан начнет расспрашивать его о чем-нибудь, но тот придвинул к себе пачку газет, лежавших на диване, развернул одну из них и углубился в чтение.
Наконец дверь открылась, и Дымов вошел в кабинет с большим пакетом в руках. Походка его была быстрой, движения стремительны, и весь он выглядел подтянутым, помолодевшим. Уваров при первом же взгляде на своего начальника понял, что «нащупано» интересное, важное дело и предстоит серьезная работа.
— Не зря вы пришли к нам, лейтенант, не зря,— сказал полковник, усаживаясь за стол.
Рябинин с взволнованным ожиданием смотрел на него.
— Скажите,— спросил Дымов,— вы комсомолец или коммунист?
— Кандидат. Раньше был в комсомоле.
— Отлично. Так вот, слушайте... Даю вам поручение...
— Я готов, товарищ полковник, сделать все, что необходимо.
— Не сомневаюсь. Пока от вас требуется немногое... Прежде всего давайте посмотрим с вами одну фотографию.
Дымов вынул из пакета фотокарточку и протянул ее лейтенанту. С карточки на Рябинина глянуло худое, хмурое лицо старика, которого он видел в квартире фрау Гартвиг за день до своего отъезда. Рябинин невольно отшатнулся. Правда, на фотографии старик казался моложе, его жилистую шею подпирал высокий белый воротничок со старомодным черным галстуком, выглядел он торжественно, но Андрей сразу узнал его.
— Это тот самый, которого я видел у Гартвиг,— возбужденно проговорил Рябинин, возвращая карточку.— Безусловно. Это он!
— Вы не ошибаетесь?
— Нет, ошибиться невозможно... На снимке даже бородавка заметна. Поглядите.
Дымов тоже внимательно вгляделся в фотографию, мельком оглянулся на стоявшего позади стола Уварова и снова положил ее в пакет.
— Спасибо, лейтенант. Я тоже думаю, что вы не ошиблись. А теперь слушайте меня внимательно. О вашем приходе к нам — никому ни слова. В том числе ни сестре, ни ее мужу. Не думайте о них ничего плохого, но так нужно в интересах дела и для их спокойствия. Понятно?
— Понятно. А о том, что произошло в Берлине?
— Об этом можете говорить. Только не пытайтесь делать какие-либо выводы, это преждевременно. Возможно, вы нам понадобитесь... Да... да. Нам нужна будет ваша помощь. Вот вам наши телефоны, мой и капитана Уварова.
Дымов записал номера телефонов и протянул лейтенанту листок, вырванный из блокнота.
— Если появится необходимость,— звоните. Если вы нам будете нужны,— вызовем. Ясно?
— Ясно.
— Ясно-то ясно,— усмехнулся Дымов,— а как вас найти? Где собираетесь остановиться?
— Я еще не решил, товарищ полковник. Хотел пожить у сестры... Но, может быть, мне лучше устроиться в гостинице, в офицерском общежитии?
— Что ж, пожалуй, это неплохо. Устроиться сумеете?
— Поеду в комендатуру. Надеюсь, что в общежитии койка найдется.
— Ну, хорошо. Если будут затруднения, позвоните, я вам помогу. Желаю успеха. Отдыхайте, побывайте в театрах, музеях...
Дымов расписался на пропуске, прихлопнул его небольшой печатью и, пожимая руку лейтенанту, проговорил:
— До скорого свидания... Рад был с вами познакомиться.
Когда Рябинин вышел, в кабинете воцарилась тишина. Дымов, наклонившись над столом, что-то обдумывал, взвешивал, сопоставлял. Прошла минута, другая. Наконец полковник поднял голову и медленно сказал:
— Поспешность в суждениях ведет к неправильным выводам, уважаемый Алексей Петрович... Скажите, как с заданием по делу Барабихиных?
— Все в порядке, товарищ полковник.
— Очень хорошо. Сейчас нам особенно важно быть начеку. Да присаживайтесь, Алексей Петрович, чего стоите?
Капитан присел на стул и спросил:
— Сергей Сергеевич, что-нибудь новое произошло? Дополнительные данные получили?
— Получил, дорогой товарищ, получил! И совсем с другой стороны.
— Что именно? — Уваров подался вперед.
— Лейтенант Рябинин, который только что был здесь, — родной брат жены Барабихина. Он сегодня приехал из Берлина. Он должен был привезти сестре подарок от фрау Гартвиг, кольцо.
— Гартвиг! — не удержался капитан.— Та, о которой говорил инженер-майор?
Дымов постучал пальцем по пакету, который лежал перед ним на столе.
— Домохозяйка Марта Гартвиг, мать активиста Союза свободной немецкой молодежи Пауля Гартвиг,— честная, лойяльная немецкая женщина.— Он помолчал и тихо добавил: — Ее уже нет в живых. Три дня назад она погибла под колесами легкового автомобиля. Об этом же нам сообщил лейтенант Рябинин.
Полковник умолк и задумался. Молчал и капитан Уваров. Так прошло несколько минут. Полковник вышел из-за стола и зашагал по кабинету.
— Возможно, что смерть Гартвиг — трагическая случайность. В таком городе, как Берлин, она вполне вероятна. Но все, что предшествовало этой смерти, очень странно. Попробуем, Алексей Петрович, разобраться в том, что у нас есть...
Дымов подошел к столу, взял лист бумаги и размашисто написал: «Лаборатория «С» — Барабихин», заключив эти слова в большой квадрат. Потом соединил его с маленькими квадратиками и кружочками, каждый из которых имел свое название: владелец комиссионного магазина Штрумме, тонкой чертой соединенный с Гартвиг, тянулся далее через Рябинина к сестре лейтенанта и к Барабихину. А справа от большого квадрата появилась Липатова, с нею пунктиром был соединен Сиротинский. Подумав несколько секунд, Сергей Сергеевич зачеркнул линию, соединявшую Сиротинского и Липатову, и квадратик с Сиротинским оказался изолированным, но ненадолго. Возникла новая линия, она тянулась от Сиротинского прямо к Барабихину и останавливалась где-то на полпути, как выпущенная, но еще не долетевшая стрела.
Затем решительным штрихом Дымов соединил линии, идущие от кружочков с именами Штрумме и Сиротинского, и над точкой их соединения надписал: «Берлин».
Уваров внимательно следил за возникающей на бумаге схемой. Он начинал понимать ход мыслей начальника. И для него схема пе-

реставала быть непонятным чертежом. Она превращалась в поле боя. На схеме жили и сталкивались люди — друзья и враги; их планы, устремления, судьбы причудливо и пока еще не совсем ясно переплетались, противостояли друг другу.

— Алексей Петрович,— спросил Дымов,— Барабихины живут в отдельной квартире?

— Нет, Сергей Сергеевич. В квартире три комнаты. Две из них занимают Барабихины, а в третьей живет учительница средней школы Анна Андреевна Кротова.

Выслушав помощника, полковник прищурил глаза, обдумывая внезапно возникшую мысль.

— Вот что, Алексей Петрович,— сказал он наконец.— Бери-ка машину и вежливо пригласи сюда соседку Барабихиных. Как ты ее назвал?

— Кротова, Анна Андреевна.

— Анну Андреевну Кротову. Предупреди, что через час ты ее доставишь обратно домой.

Когда капитан вышел, полковник еще несколько секунд сидел в задумчивости, потом снял телефонную трубку и попросил начальника управления немедленно принять его.

Увлечение Таси Барабихиной

Глядя на чету Барабихиных, люди удивлялись: до чего же они разные! Кокетливая молодая женщина, любительница нарядов и развлечений, Таисия Игнатьевна Барабихина свои двадцать шесть лет считала «ужасным возрастом». Выглядела она очень молодо, и многие ошибались, давая ей не больше двадцати лет. Подвижная, жизнерадостная, в платьях и костюмах спортивного покроя, особенно идущих к ее стройной фигуре, Тася напоминала девушку-старшеклассницу, вступившую в прекрасную пору своего расцвета.

Иван Васильевич Барабихин, скромный, молчаливый, необыкновенно усидчивый и трудолюбивый, много работал и в институте и дома. Он был влюблен в свое дело и испытывал высшую радость, когда на кальках чертежей начинали оживать его замыслы, постепенно превращавшиеся в модели и, наконец, обретавшие жизнь в виде новых совершенных машин.

К жене он относился с трогательной нежностью, прощал ей маленькие слабости. И часто, задерживаясь в институте, ловил себя на мысли, что соскучился без Таси, думает о ней. И тогда Иван Васильевич звонил домой, ждал, пока Тася подойдет к телефону, и бережно, не спеша, опускал трубку.

Однажды, придя домой, Иван Васильевич застал жену в необычно взволнованном состоянии. То смеясь, то плача, она рассказала, что час назад с ней приключилось «нечто ужасное». Зная, что сегодня Иван Васильевич придет поздно, она засиделась у знакомых до одиннадцати часов вечера. По дороге домой в одном из пустых и темных переулков к ней подскочил какой-то хулиган и вырвал из рук сумочку. Тася испуганно вскрикнула. Но в эту же минуту к ней на помощь подоспел неизвестный мужчина. Он схватил грабителя, отобрал сумочку... Хулиган вырвался и убежал. Так как Тася была очень напугана и даже расплакалась, мужчина проводил ее до дома. С тех пор прошло уже больше часа, но она никак не может успокоиться.

— Да, тебе повезло,— сказал Иван Васильевич, обнимая жену.— Хорошо, что рядом оказался смелый и решительный человек! Ты хоть поблагодарила его?

— Конечно, как же иначе!

— А кто он, ты не узнала?

Тася растерянно пожала плечами.

— Я даже не догадалась спросить, а он...

— А он был настолько скромен, что не назвал себя. Молодец! — похвалил Иван Васильевич.— В другой раз, если ты так поздно задержишься, звони мне на работу, я заеду за тобой.

Иван Васильевич подошел к окну и посмотрел на улицу, скудно освещавшуюся электрическими лампочками.

— Надо будет заявить в милицию,— проговорил он.— Черт знает что!..

Но Тася уже успокоилась. Готовя ужин, она рассказала мужу и о другом событии, происшедшем сегодня. К их соседке, милейшей Анне Андреевне, приехал племянник. Откуда-то из глухомани, из какого-то медвежьего угла. Такой славный, простой. Зовут его Володя. Правда, остановился он не здесь, а где-то у товарища — они вместе готовятся в институт,— но Анну Андреевну предупредил, что будет часто захаживать к ней и заниматься.

— Что ж, это неплохо,— сказал Барабихин.— Надо будет молодого человека как-нибудь повести в театр и в Третьяковку. Вот ты взяла бы это на себя. И Анне Андреевне приятно...

На утро вчерашний ночной инцидент был забыт. Но вечером, когда Тася спешила домой, она на той же улице неожиданно встретилась с незнакомцем, который спас ее от грабителя. Он сам подошел к ней, высокий мужчина с приятным улыбающимся лицом. Он приподнял шляпу и вежливо сказал:

— Здравствуйте! Как вы себя чувствуете?

Тася сразу узнала своего спасителя.

— Ах, это вы? Как я вам благодарна за помощь! И муж вам очень благодарен!

— Не за что! Жаль только, что этот негодяй убежал... Его надо было доставить в милицию, чтобы он получил по заслугам.

Беседуя, они дошли до станции метро «Сокол». Здесь была цветочная палатка. Тасе нужно было подобрать букет ко дню рождения приятельницы. Разговаривать с незнакомцем было удивительно легко и просто. Он представился: Юрий Владимирович Рущинский, журналист, пишет для многих газет и журналов, часто бывает в командировках, разъезжает по стране. Увлекается теннисом и рыбной ловлей. Бывает, конечно, в театрах, концертах,— без этого культурный человек жить не может.

Тася вздохнула.

— Завидую вам... А мой муж вечно занят, даже в выходные дни, так что в театрах мы бываем очень, очень редко...

— Жаль, жаль! — искренне посочувствовал Рущинский и тут же спохватился: — Если вы только позволите... я всегда к вашим услугам. Я буду очень рад пригласить вас в театр...

— Ого!..— рассмеялась Тася.— Какой вы скорый, только что познакомились и сразу в театр...

Все же Тася была польщена его вниманием. Она купила букет из роз, георгин и левкоев.

— Чудесно! — похвалил Рущинский.— Кого ж это вы собираетесь осчастливить?

— Секрет! — ответила Тася.— А чтобы вы не завидовали,— вот вам! — Она вынула пунцовую розу и приколола к пиджаку Рущинского.— Это в знак благодарности за спасение моей сумочки,— сказала она, смеясь.

Приятно возбужденная этой встречей, Тася направилась домой. У самого подъезда она столкнулась с племянником Анны Андреевны.

— Володя, вы к нам? — спросила Тася.

— К вам, Таисия Игнатьевна,— ответил он, показывая пачку книг, которую нес подмышкой.— Экзамены на носу. Какой у вас замечательный букет!..— Володя восхищенно смотрел на цветы.— Подарок?

Тася, улыбаясь, кивнула головой.

Когда вернулся муж, она ничего не сказала ему о встрече с Рущинским. Почему? Тася и сама, пожалуй, не смогла бы ответить на этот вопрос. И знакомство с Рущинским сразу же как-то само собой приобрело интимный характер.

На следующий день Тася подходила к станции метро с двойственным чувством. Ей хотелось, чтобы ее новый знакомый не пришел и на этом встречи с ним оборвались. И вместе с тем ей хотелось, чтобы он был здесь, ждал ее.

Высокую фигуру Рущинского она увидела еще издали. Он поспешил ей навстречу и протянул букет.

— Вчера вы подарили мне розу в награду за спасение вашей сумочки,— сказал он, широко улыбаясь,— а сегодня примите этот скромный букет от меня в знак нашего знакомства и в залог будущей дружбы.

Тася зарделась и поблагодарила.

Они долго бродили по Ленинградскому шоссе, зашли на стадион «Динамо» и пообедали в открытом ресторане. За этой встречей последовала другая, третья. Они стали встречаться ежедневно. Рущинский был неизменно корректен, весел и щедр. Они бывали в кино, гуляли по аллеям Парка культуры и отдыха, катались на лодке.

Тасе было приятно проводить время с ее новым знакомым. Она могла с ним болтать о чем угодно. Он не сковывал ее мыслей, не поправлял ее, был похож на веселых и беззаботных друзей ее девических лет.

А в доме все шло попрежнему. Как и раньше, Иван Васильевич поздно возвращался домой. И частенько после торопливо съеденного ужина Барабихин спешил к своему письменному столу и работал почти до утра.

Так же, как и раньше, ежедневно в квартире появлялся среди дня племянник Анны Андреевны, Володя. С пачкой книг подмышкой проходил он в комнату тетки.

Тася так и не собралась повести юношу в музей или театр. И при встречах с Володей она чувствовала некоторое угрызение совести: все-таки следовало бы развлечь юношу, показать ему Москву.

Проходили дни. И вот без предупреждения приехал брат Андрей, которого Тася давно не видела. Он пришел к сестре уже после того, как устроился в общежитии. Тася искренне обрадовалась брату. Целуя и обнимая Андрюшу, она упрекала его:

— Зачем ты поселился в общежитии? Зачем? Вот этот диван был бы твой. И вот эта тумбочка. Костюм когда выгладить — сейчас или позднее?

— Погоди, не спеши,— отвечал Андрей.— Дай осмотреться. Выглядишь ты неплохо, поправилась, похорошела. Кстати, я чуть было не привез тебе из Берлина подарок от твоей бывшей квартирохозяйки фрау Гартвиг. Помнишь такую?

— Фрау Гартвиг? Конечно, помню! Маленькая, смешная, но добренькая старушонка. Она была так привязана ко мне. А почему же всетаки не привез?

— А потому, что она сначала дала мне для тебя подарок — маленькое колечко, а потом отобрала его обратно,— ответил Андрей.

Тася рассмеялась. Она решила, что брат просто «разыгрывает» ее. Потом Андрей рассказал ей о внезапной смерти фрау Гартвиг. Тася ужаснулась и даже всплакнула.

Поздно вечером пришел Иван Васильевич. Он тоже был рад гостю и, похлопывая его по плечу, поворачивая во все стороны, удовлетворенно говорил:

— Ну-ка, покажись, добрый молодец!.. Вырос, окреп, наверно, отличным строевиком стал, не чета нам, штабным да ученым.

Он смеялся, шутил, предложил отметить приезд рюмочкой портвейна, в общем был в отличном расположении духа. Настроение его заметно понизилось, когда Тася рассказала о странном поступке фрау Гартвиг и о ее трагическом конце.

— Жаль старушку...— медленно произнес Барабихин, сокрушенно качая головой.

(Окончание следует.)

ДЫНИ — КРУГЛЫЙ ГОД

Читатель «Огонька» Г. Г. Жданов (станция Инза, Ульяновской области) просит рассказать о выращивании дынь на тыкве.

Еще в 1925 году И. В. Мичурин заинтересовался попытками создать новые разновидности овощей и бахчевых культур. Тогда же он на рукописи агронома С. П. Лебедевой написал: «Вполне одобряю работу». Воодушевленная этой поддержкой, Серафима Петровна произвела многочисленные опыты и добилась успехов. Она вывела новый сорт дынь, названный «Подмосковные Лебедевские». Эти дыни отличаются высокой урожайностью, холодостойкостью и хорошими вкусовыми качествами. Разработанный С. П. Лебедевой способ прививки дыни на тыкве ускоряет созревание дынь, что дало возможность выращивать их в средней полосе России. Тыква, обладая мощной корневой системой и большой устойчивостью к климатическим невзгодам, стала как бы «нянькой» для привитой на ней изнеженной дыни.

Эти новые сорта дынь в течение многих лет культивируются в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева под руководством старшего научного сотрудника С. П. Лебедевой. Посев их производят в конце января в теплице и выращивают без искусственного освещения на шпалерах, получая первый урожай плодов к маю. В середине мая подготовленную рассаду дынь, привитых на тыкве, высаживают в открытый грунт. Второй урожай дынь снимают с начала июля до сентября. Но, не дожидаясь полного сбора урожая, уже в июле снова высевают семена дынь в теплице, где без добавочного освещения к ноябрю выращивают третий урожай. При дополнительном освещении может быть снят и четвертый урожай таких же отличных дынь к новому году.

П. ЧУМАК

ПЕРНАТЫЕ БОЙЦЫ

Рабочий поезд леспромхоза подходил к лесосеке. Поездная бригада и пассажиры обратили внимание на происходившее в лесу, неподалеку от полотна железной дороги, ожесточенное сражение двух больших птиц.

Когда поезд остановился, многие побежали в лес, чтобы посмотреть вблизи диковинное «представление». Пернатые враги продолжали бой, не замечая окруживших их зрителей.

Птицы, оказавшиеся глухарями, настолько увлеклись дракой, что их удалось поймать живыми.

И. ЖУКОВ

Нелидово.

СПИННИНГИСТЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Тысячи рыболовов-любителей рыбачат в выходные дни на реках и озерах Забайкалья. Многие рабочие и служащие проводят свои отпуска на рыбалке и считают это самым лучшим отдыхом.

В хорошие, «удачные» дни на спиннинг можно поймать

десятки килограммов рыбы. Таймени весом 10—12 килограммов не являются у нас редкостью.

На снимке: очередной трофей.

Н. ГОРШУНОВ

Чита.

СЛУЧАЙ С СОБАКОЙ

У моих знакомых на даче ощенилась овчарка.

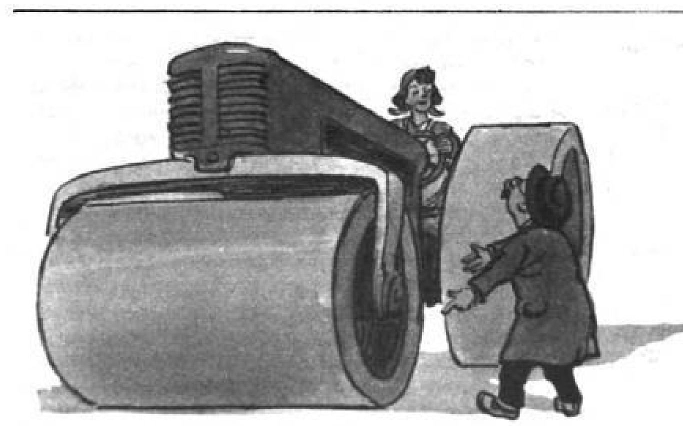
Трех щенков оставили жить. Одного утопили.

Казалось, что мать не заметила пропажи одного из своих детенышей. В дальнейшем все шло, как обычно. Но вот настало время очередной уборки будки. Овчарку выманили для кормежки в дом. Хозяин опрокинул будку и увидел, кроме трех живых щенков... четвертого — резиновую игрушку.

Больше всех удивился трехлетний Андрюша. Он давно заметил пропажу одной из своих игрушек, которую так и не удавалось найти. У мальчугана были разные игрушки: и слон, и верблюд, и лошадь, и много других. Однако овчарка выбрала из них ту, которая ей напоминала исчезнувшего щенка.

Р. ФЕДОРОВА

Москва.

— Будьте любезны, подайте немного назад: под ваше колесико попали мои часики...

Рисунок И. Семенова.

В этом номере на вкладках: репродукция картины А. Бурака «Освоение новых земель», три страницы этюдов молодых художников и четыре страницы цветных фотографий.

Секретный разговор...

Фото Ан. Анжанова.

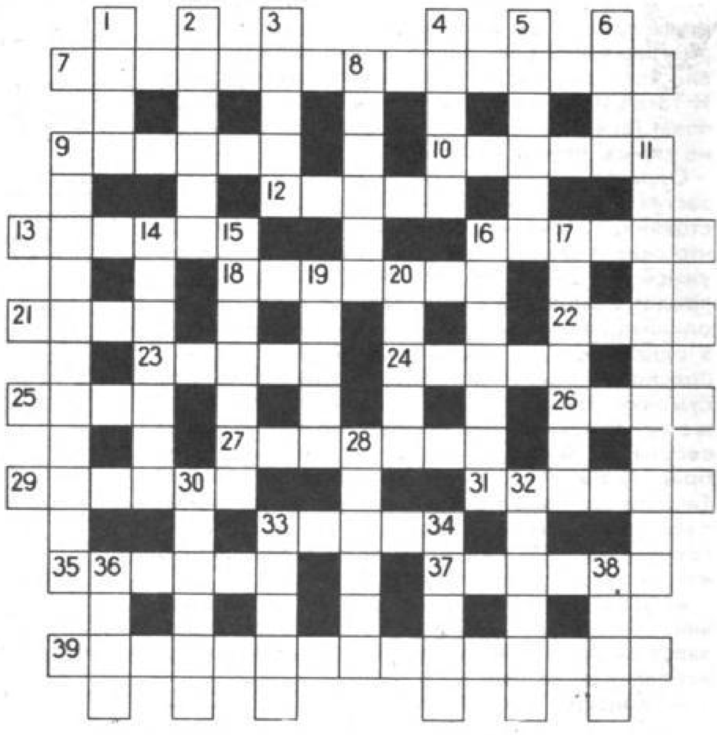
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Постройка судов. 9. Приближенный эмира в балете «Раймонда» А. Глазунова. 10. Литературная специальность. 12. Советский гроссмейстер. 13. Совокупность цветных полос, получаемых при разложении луча белого света. 16. Занятие, труд. 18. Персонаж комедии «Венецианский купец» В. Шекспира. 21. Химический элемент. 22. Французский писатель. 23. Заяц. 24. Столица европейского государства. 25. Ученик на судне. 26. Животное из семейства оленей. 27. Яркая красная краска. 29. Молодая трава. 31. Медицинское учреждение. 33. Хлебный злак. 35. Советская поэтесса. 37. Советский писатель. 39. Стихотворение В. Маяковского.

По вертикали:

1. Животное из отряда грызунов. 2. Плотная ткань из шерсти. 3. Документ. 4. Приток Куры. 5. Приспособление в ткацком деле. 6. Место, где состоялся военный совет под руководством Кутузова. 8. Режущий инструмент. 9. Система подготовки научных кадров. 11. Изобретатель авиационного парашюта. 14. Морская рыба. 15. Расставание. 16. Цветок. 17. Вулканическая горная порода. 19. Установленная расценка. 20. Государство в Азии. 28. Электротехнический материал. 30. Горы во Франции. 32. Водное пространство. 33. Механизм для уплотнения вещества. 34. Вечнозеленое дерево. 36. Денежная единица в Италии. 38. Город в Чкаловской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22.

По горизонтали:

5. Тимуровец. 8. Забота. 10. Глинка. 14. Груша. 16. Озеро. 17. Краевед. 18. «Репка». 20. Садок. 21. Дадон. 22. Кроль. 23. Атлас. 27. Смола. 28. Ампер. 29. Горло. 30. Пашня. 32. Район. 33. Нивелир. 34. Вожатый.

По вертикали:

1. Кино. 2. Лупа. 3. Долг. 4. Чехи. 6. Маршак. 7. Сказка. 9. Тетрадь. 11. Люцерна. 12. Артек. 13. Ершов. 15. Жердь. 19. Аполлон. 20. Соломка. 22. Компания. 24. «Следопыт». 25. «Пионер». 26. Малеев. 31. Ясли. 32. Рожь.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д—47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 05031. Подп. к печ. 1/VI 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 436. Заказ 1600. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д—47, ул. «Правды», 24.

Моды

ЛЕТНИЕ ПЛАТЬЯ

1. Нарядное платье из набивного шелка с рисунком в полоску. Лиф прилегающей формы, с короткими цельнокроенными рукавами и цельнокроенным воротником. Юбка прямая, двухшовная, собранная на боках по талии. Платье отделано широкой полосой органди или креп-жоржета (в цвет полос ткани), настроченной по краю воротника и на юбке в виде фартука.

Автор модели — А. Кирина.
Ателье № 36 треста «Мосиндодежда».

2. Платье из плотной шелковой ткани: крепа, панамы и т. п. Лиф с отложным воротником, отворотами и вытачками, застроченными спереди от талии в косом направлении. Прямая юбка, собранная на боках по талии, отделана застроченными в клетку по долевой и поперечной нитке складочками-защипами. Спереди и сзади заложены мягкие складки.

Автор модели — В. Корж.
Ателье № 25 треста «Мосиндодежда».

3. Платье-костюм, комбинированный из гладкой и клетчатой ткани. Жакет прилегающей формы, с короткими цельнокроенными рукавами, отделан кантом из клетчатой ткани. Юбка — клеш, с заложенными спереди и сзади мягкими складками и притаченной спереди грудкой.

Автор модели — А. Кирина.
Ателье № 36 треста «Мосиндодежда».

4. Нарядное платье из креп-жоржета. Лиф прилегающей формы, с двойным выкроенным воротником. Юбка плиссированная.

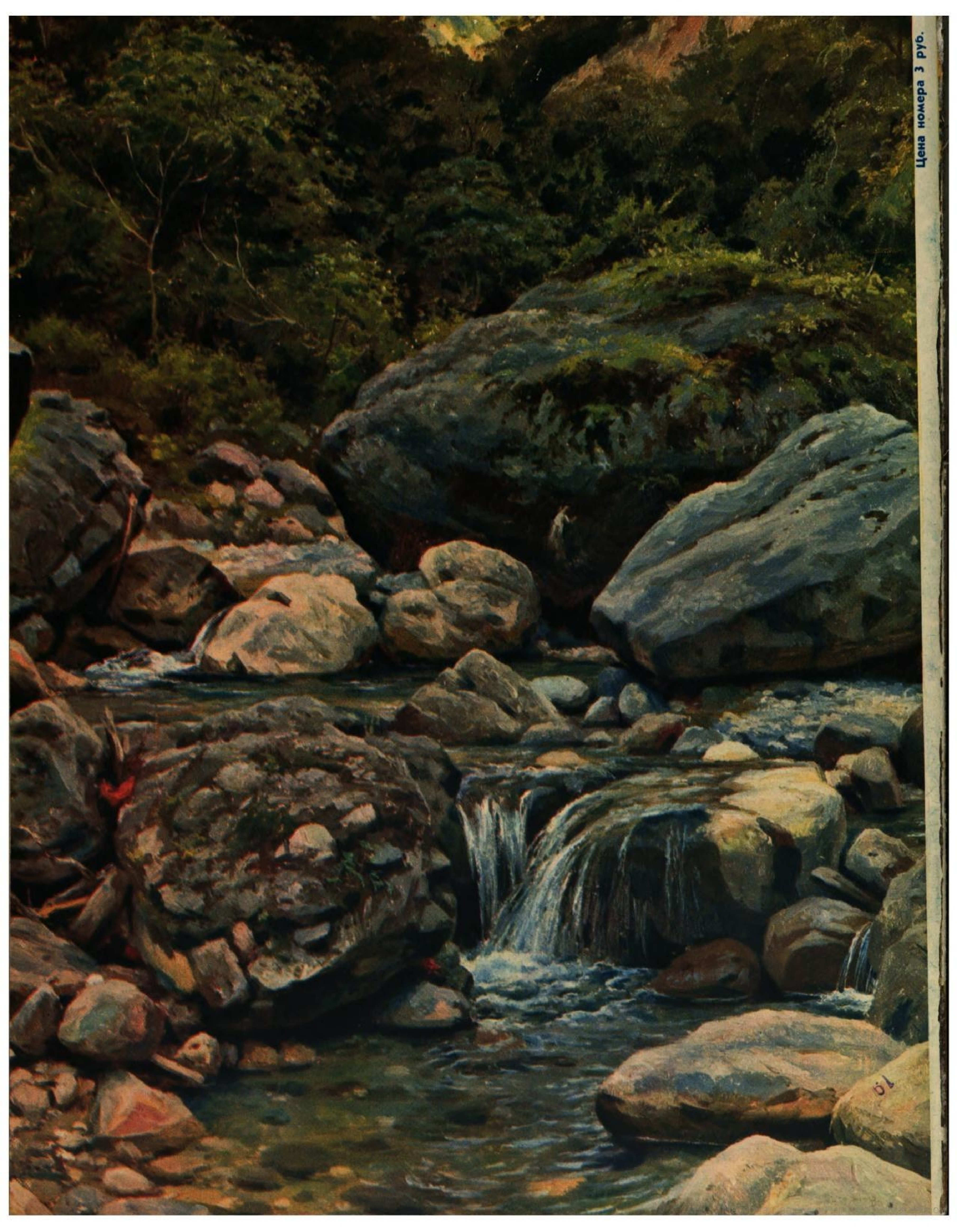
5. Платье-костюм из плотной шелковой ткани: пике, эпонжа, чесучи. Короткий жакет, цельнокроенный с рукавами. Юбка прямая, двухшовная.

Блузка из ткани другого цвета, драпируется на боку и перевязывается широким бантом.

Автор моделей — В. Линде.
Рижский Дом моделей.

6. Платье из набивной шелковой ткани. Сквозь воротник, имеющий вид мягких бантовых складок и выкроенный вместе с лифом, продернут бант из отделочной ткани. Юбка восьмиклинная, с мягкими складками, заложенными по линиям швов.

Автор модели — О. Тамсар.
Эстония. Таллин-Ярве.

Цена номера 3 руб.